БИБЛІОТЕКА
ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ
КУРСОВЪ

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

ПО ЦЕРКОВНОМУ ПРАВУ

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. К. СОКОЛОВА.

ВЫПУСКЪ I.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1874.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
439
32

Печатать позволяется. Москва, декабря 8-го дня, 1874 года
Цензоръ Протоіерей *С. Зерновъ*.

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО.

ВВЕДЕНІЕ.

Глава I. Церковь и ея Право.

Систему науки церковнаго права мы должны начать предварительнымъ разъясненіемъ нѣсколькихъ основныхъ понятій, опредѣляющихъ ея характеръ, объемъ и свойства изучаемыхъ предметовъ. Прежде всего мы должны опредѣлить, что такое церковь, правовую жизнь которой мы хотимъ изучать? Церковь составляетъ предметъ изслѣдованія для многихъ наукъ: богословія, церковной исторіи, церковной археологіи и т. д. Какія же стороны въ жизни церкви подлежатъ изученію науки права, или съ какихъ сторонъ церковь входитъ въ область права?

Церковь въ своемъ существѣ.

Понятіе о церкви, какъ всеобщемъ, самостоятельномъ, отдѣльномъ отъ другихъ учрежденіи, вошло въ сознаніе и жизнь человѣчества вмѣстѣ съ христіанствомъ. Въ до-христіанскихъ цивилизаціяхъ религіи такъ тѣсно сливались съ національностями и религіозная жизнь съ политическою, что они не могли развиться до самостоятельнаго существованія и организоваться въ неза-

висимыя учрежденія. Тамъ не было церкви въ собственномъ смыслѣ, хотя были религіи и культы, которые иногда господствовали надъ всѣми другими элементами народнаго развитія и жизни (какъ въ восточныхъ ѳеократіяхъ),—иногда, какъ въ государствахъ классическихъ, входили въ составъ политическихъ учрежденій и подчинялись имъ. Начало и конецъ этихъ религій совпадали съ началомъ и концомъ исторической жизни національностей; развитіе ихъ внутренней сущности и внѣшнихъ формъ проходило чрезъ тѣже фазисы, какіе переживала національность. Такъ было потому, что источникъ такихъ религій и культовъ лежалъ въ томъ же національномъ духѣ [1]), изъ котораго развивались, съ которымъ жили и умирали всѣ другія политическія, религіозныя, философскія и литературныя формы. Христіанство первое отдѣлило царство Божіе отъ царства человѣческаго, церковь отъ государства, кесарево отъ Божія. Царство мое, сказалъ Христосъ, не отъ міра сего. Въ христіанствѣ церковь получила самостоятельныя и притомъ всеобщія начала и основанія для своего существованія. Она живетъ силою тѣхъ вѣчныхъ истинъ, цѣлей и учрежденій, которыя не составляютъ продуктъ развитія какой-либо національности; посему какъ бы тѣсно ни была связана историческая жизнь какой-либо частной христіанской церкви съ жизнію той или другой народности, но въ существѣ своемъ, въ основаніяхъ своего бытія она независима, историческія, внѣшнія формы ея бытія въ томъ или другомъ народѣ для христіанской церкви служатъ только оболочкой, тѣломъ. Посему потеря политической самостоятельности того или другаго народа не влечетъ за собою неизбѣжно прекращенія народной церкви; можетъ, пожалуй, даже пресѣчься историческая жизнь какой-либо частной народной церкви, но вмѣстѣ съ нею не

[1]) Ветхозавѣтная церковь представляетъ единственное исключеніе въ этомъ отношеніи, такъ какъ ея источникъ лежалъ въ откровеніи, но и она была церковь исключительно національная и съ этой стороны имѣла сходство съ другими восточными ѳеократіями.

можетъ пресѣчься христіанская церковь; она выше условій исторической долговѣчности народовъ. Въ чемъ же заключается существо христіанской церкви?

Сущность христіанской церкви опредѣляется конечною цѣлію христіанской религіи. Эта цѣль заключается въ томъ, чтобы уничтожить противоположность между божественнымъ закономъ и человѣческою волею—посредствомъ свободнаго, при содѣйствіи Божіей благодати достигаемаго подчиненія человѣка божественной волѣ, другими словами: въ воспитаніи человѣчества согласно съ волею божественною и въ достиженіи чрезъ то высшей, послѣдней цѣли бытія человѣка—вѣчнаго усовершенствованія въ Богѣ. Христіанство, какъ религіозное ученіе, для этой цѣли раскрыло человѣку правильныя отношенія его къ Богу, къ самому себѣ и ко всѣмъ другимъ людямъ. Христіанство, какъ сила Божія, указало человѣку пути, которыми онъ долженъ идти къ своей послѣдней цѣли и дало чрезвычайныя, благодатныя средства, помощію которыхъ человѣкъ восполняетъ свои естественныя силы и можетъ достигать своей цѣли. Но опредѣленіе этой цѣли, выборъ путей, ведущихъ къ ней, и употребленіе богодарованныхъ средствъ не предоставлено личному произволу каждаго человѣка; оно поставлено въ необходимое, неизбѣжное условіе для спасенія, и руководство на этомъ пути, сообщеніе этихъ средствъ ввѣрено особому учрежденію — церкви Христовой. Такимъ образомъ церковь основана не ради самой себя, она не есть сама себѣ цѣль; она есть учрежденіе, основанное для осуществленія тѣхъ великихъ цѣлей, какія указаны для человѣчества христіанствомъ. Для этого церкви завѣщано хранить въ чистотѣ ученіе Христа, проповѣдывать, раскрывать и распространять его во всемъ человѣчествѣ, преподавать въ таинствахъ чрезъ внѣшніе знаки и посредства внутреннюю благодатную силу, при помощи которой человѣкъ могъ бы идти къ своей конечной цѣли отъ колыбели до могилы; наконецъ устраивать всю нравственную жизнь и отношенія своихъ членовъ въ соотвѣтствіи съ высшею и послѣднею цѣлію ихъ бытія. Такимъ об-

разомъ существо церкви опредѣляется цѣлями христіанства и въ нихъ лежатъ несокрушимыя внутреннія основанія для самостоятельнаго бытія церкви, по существу независимаго отъ національныхъ, политическихъ и другихъ условій.

Если мы сосредоточимъ свою мысль на сущности христіанской церкви, то намъ не трудно будетъ вывести отсюда существенныя свойства ея. Церковь есть учрежденіе, основанное Христомъ, для осуществленія конечныхъ цѣлей христіанства. Какъ христіанская религія проповѣдана Сыномъ Божіимъ одна и слѣдов. нѣтъ и быть не можетъ двухъ одинаково истинныхъ, но по существу различныхъ христіанскихъ религій, такъ и христіанская церковь истинная только одна, и нѣтъ и быть не можетъ двухъ одинаково истинныхъ, но по существу различныхъ церквей. Какъ цѣль искупленія и цѣль христіанства обнимаетъ все человѣчество, и нѣтъ другаго имени подъ небесемъ, которымъ можно было бы человѣку достигнуть своей конечной цѣли, т.-е. спасенія, то и церковь, какъ учрежденіе, для цѣлей христіанства установленное, должна имѣть всеобщее назначеніе для всего человѣчества. Какъ истины христіанства непреложны и вѣчны, а церковь установлена для храненія ихъ въ чистотѣ и неповрежденности, то она въ существѣ своемъ непогрѣшима; утрата христіанской истины церковію равнялась бы уничтоженію церкви. Непогрѣшимость церкви въ ея существѣ служитъ единственною гарантіею неповрежденности и цѣлости христіанства. Эти существенныя свойства церкви, самой въ себѣ, указаны въ символѣ вѣры, которую мы исповѣдуемъ. Здѣсь она называется единою, святою, соборною или вселенскою. Къ нимъ присоединенъ еще одинъ, историческій, повидимому внѣшній, но по существу весьма важный признакъ: церковь названа апостольскою, потому что отъ апостоловъ была устроена въ началѣ и отъ нихъ же преемственно сохраняетъ коренныя свои учрежденія.

Таково, въ общихъ чертахъ, догматическое понятіе о христіанской церкви самой въ себѣ, въ ея существѣ. Очевидно это понятіе не есть юридическое, и церковь сама въ себѣ не есть инсти-

тутъ юридическій, а нравственное царство Божіе на землѣ. Высшія цѣли ея бытія и главнѣйшія средства къ ихъ достиженію принадлежатъ къ духовной, религіозно-нравственной сферѣ, къ которой не могутъ быть примѣнены юридическія понятія и отношенія. Посему раскрытіе существа церкви, какъ божественнаго учрежденія, ея высшихъ цѣлей, ея духовныхъ, таинственныхъ средствъ принадлежитъ къ области богословія, а не юриспруденціи. Ни христіанское ученіе, ни таинства въ ихъ сущности и внутреннихъ дѣйствіяхъ, ни нравственныя обязанности, сами по себѣ, ни богослуженіе съ его составомъ, не могутъ быть предметомъ науки права и подлежать юридическому анализу. Мало того, внесеніе юридическихъ началъ въ эту духовно-нравственную сферу, примѣненіе къ ней юридическихъ пріемовъ повлекло бы за собою искаженіе самаго существа церкви и изъ нравственнаго царства Божія, всеобщаго и всеобъемлющаго, превратило бы ее въ теократическое государство, которое, какъ и всякое государство, не можетъ быть мыслимо безъ національнаго, ограниченнаго (ни какъ не вселенскаго) характера. Догматическое понятіе о существѣ и внутреннихъ свойствахъ церкви предполагается и принимается наукою права, какъ принципъ, изъ котораго наша наука, путемъ посредствующихъ выводовъ, извлекаетъ нужныя для нея опредѣленія.

Церковь въ области права.

Какъ семья, община, не будучи въ существѣ своемъ юридическими институтами, входятъ однакоже въ область права, такъ и церковь, будучи по преимуществу нравственнымъ, духовно-религіознымъ учрежденіемъ, соприкасается съ областію права, нѣкоторыми своими сторонами входитъ въ него. Хотя высшія цѣли церкви и главнѣйшія ея средства суть духовно-нравственныя, но осуществленіе и примѣненіе ихъ происходитъ въ человѣческомъ обществѣ и твердо установленнымъ порядкомъ. Мы знаемъ, что общій интересъ, какая-либо важная и глубокая цѣль всегда служили

и служатъ въ человѣчествѣ основаніемъ для различныхъ общественныхъ сочлененій или союзовъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ только для того, чтобы воспользоваться аналогіею между церковію и другими общественными союзами для объясненія необходимости внѣшней правильной организаціи церковнаго союза. Ниже мы увидимъ, какія существенныя различія отдѣляютъ церковный союзъ отъ всѣхъ другихъ общественныхъ союзовъ. Теперь намъ нужно высказать только, что цѣли христіанства, которыя суть вмѣстѣ и высшія цѣли человѣчества, осуществляются и могутъ быть правильно осуществлены только въ общественномъ союзѣ и этотъ союзъ воплощается въ церкви. Какія же отличительныя свойства этого союза? 1) Это союзъ религіозный, т.-е. отличительный признакъ его—тотъ, что основаніемъ его служитъ вѣра въ ученіе и учрежденія, установленныя Основателемъ христіанства, и конечною цѣлію—осуществленіе высшаго назначенія человѣка, указаннаго ему христіанствомъ. 2) Это союзъ видимый, внѣшній, а не внутренній только, духовный союзъ людей одинакихъ религіозныхъ убѣжденій, не одно, такъ-называемое у первыхъ реформаторовъ, «общеніе святыхъ», отъ котораго, какъ на землѣ невозможнаго и неуловимаго, постепенно отклоняются современные протестанскіе ученые [2]). Такъ какъ церковь имѣетъ призваніе содѣйствовать осуществленію христіанства въ жизни человѣческой, то дѣятельность ея не можетъ быть ограничена одною совѣстью, однимъ внутреннимъ чувствомъ. По необходимости въ ней должны раскрыться такія стороны, которыя, обнаруживаясь въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, потребуютъ внѣшняго, опредѣленнаго порядка. Вообще видимость есть настолько существенный признакъ церковнаго союза, что безъ него немыслимо и самое бытіе церкви, какъ въ человѣкѣ при настоящемъ его состояніи не мыслима одна душа безъ внѣшнихъ, тѣлесныхъ про-

---

[2]) Richter Kirchenrecht § 3. Meyer Instit. des Kirchenrechts.

явленій ея жизни. Посему невидимая, духовная церковь есть чистая идея нравственнаго царства Божія. 3) Церковь, какъ внѣшній религіозный союзъ, имѣетъ твердо установленный порядокъ и соотвѣтствующую ея внутренней сущности внѣшнюю организацію. Центромъ этаго порядка служитъ установленная въ ней власть, правительство, которое, обладая нѣкоторыми свойствами, принадлежащими каждой правительственной власти, имѣетъ свои, ей исключительно свойственныя особенности, и отличается отъ каждой другой власти особеннымъ характеромъ своихъ дѣйствій, сообразно съ нравственною природою и задачами церкви. Члены церковнаго союза, какъ части, поставлены въ опредѣленныя отношенія къ цѣлому и между собою. Далѣе, такъ какъ не всѣ люди принадлежатъ къ церкви, а между тѣмъ церковь установлена и существуетъ для всѣхъ, то отсюда необходимо возникаетъ новый рядъ отношеній церкви, какъ цѣлаго, и членовъ ее составляющихъ къ другимъ, не входящимъ въ союзъ индивидумамъ. Имѣя свое основаніе въ религіозныхъ и моральныхъ принципахъ, эти отношенія неизбѣжно облекаются во внѣшнія дѣйствія, которыя, исходя изъ опредѣленныхъ началъ, могутъ образоваться въ цѣлую систему. Наконецъ такъ какъ церковный союзъ, въ своемъ внѣшнемъ существованіи, приходитъ необходимо въ соприкосновеніе съ другими политическими и общественными союзами, то отсюда опять возникаетъ система отношеній между церковію и окружающими ее общественными организмами.

Итакъ церковь, разсматриваемая въ своемъ дѣйствительномъ существованіи, есть видимый союзъ или общеніе людей, соединенныхъ между собою въ нравственную личность вѣрою въ ученіе и учрежденія, установленныя Христомъ, имѣющій свое правительство и свою внутреннюю организацію и направленный къ достиженію высшихъ религіозно-нравственныхъ цѣлей человѣчества, указанныхъ для него христіанствомъ. Изъ этихъ свойствъ церкви, какъ внѣшняго союза или общества, уже ясно, съ какихъ сторонъ жизнь церкви входитъ

въ область права. Для того, чтобы церковный союзъ могъ сохранять твердый и правильный порядокъ, чтобы цѣли, имъ достигаемыя, и средства, которыми онъ обладаетъ, не предоставлены были произволу одного, или многихъ лицъ, для того, чтобы отношенія внутреннія и внѣшнія не опредѣлялись одними случайностями, чтобы высшія цѣли церкви, какъ учрежденія — охранять и распространять христ. ученіе, совершать таинства и богослуженіе и руководить религіозно-нравственною жизнію своихъ членовъ, — могли быть осуществляемы безпрепятственно, для этого необходима твердая внѣшняя дисциплина, не зависимая отъ личнаго произвола, необходимы, кромѣ заповѣдей религіи и нравственности, правовыя нормы, которыми обезпечивался бы правильный внутренній порядокъ и внѣшнія отношенія союза церковнаго. Церковь въ своей сущности, ея высшія цѣли, ея духовныя средства, однимъ словомъ вся внутренняя ея природа не можетъ подлежать правовымъ опредѣленіямъ; но внѣшняя организація церковнаго союза входитъ въ область права и требуетъ правовыхъ нормъ. Такимъ образомъ право относится не къ существу церкви, какъ божественнаго учрежденія, а къ той внѣшней организаціи, въ которой церковь является какъ внѣшній религіозный союзъ съ установленнымъ въ немъ и постоянно развивающимся порядкомъ. Необходимость права въ церкви основывается на существованіи внѣшняго церковнаго организма и на необходимости твердаго и правильнаго порядка въ немъ.

Различіе церкви отъ государства и другихъ общественныхъ союзовъ.

Изъ существа и цѣлей церкви, какъ учрежденія, и изъ свойствъ ея, какъ внѣшняго религіознаго союза, открывается различіе между церковію и государствомъ. Они существенно различны по своему происхожденію, по своимъ цѣлямъ и средствамъ. Для бытія государства необходима національность съ своими физіологическими и нравственными особенностями; оно неразрывно связано съ территоріею.

Церковь для своего существованія требуетъ только присутствія человѣческаго общества, которое могло бы принять христіанскія истины, изъ какихъ бы національностей оно ни слагалось, гдѣ бы оно ни жило. Церковь не связана съ территоріею. Одна и та же государственная территорія можетъ заключать въ своихъ предѣлахъ нѣсколько церквей; одна и та же церковь можетъ обнимать собою нѣсколько государствъ. Ближайшая цѣль государства есть опредѣленіе и охраненіе права; высшая цѣль заключается въ содѣйствіи развитію общественнаго и частнаго благосостоянія своихъ гражданъ. Содѣйствіе государства можетъ проявляться въ устройствѣ или пособіи къ устройству тѣхъ учрежденій, которыя могутъ быть полезны для народа, въ особенномъ покровительствѣ тому, что необходимо, и наоборотъ въ стѣсненіи того, что вредно. Въ этомъ отношеніи дѣятельность государства можетъ быть направляема и на церковныя учрежденія, но оно не можетъ поставить себѣ задачею осуществленіе цѣлей церкви, не измѣнивъ своей природы. Высшая цѣль церкви заключается въ воспитаніи человѣка согласно съ божественною волею, открытою въ христіанствѣ, и приготовленіе его къ вѣчному благосостоянію. Стремясь къ этой цѣли дѣятельность церкви также можетъ совпадать съ дѣятельностію государства, направлять свое вліяніе на его учрежденія; но сколько бы осуществленіемъ своихъ собственныхъ цѣлей церковь ни содѣйствовала народному благосостоянію въ различныхъ отношеніяхъ, во всякомъ случаѣ это послѣднее, само по себѣ, не составляетъ прямой ближайшей цѣли ея стремленій. Они главнѣйшимъ образомъ направлены въ духовную, религіозно-нравственную сферу человѣческой жизни. Средства, которыми тотъ и другой союзъ обладаютъ и пользуются для своихъ цѣлей, также существенно различны. Государство вооружено внѣшнею матеріальною силою для осуществленія своихъ законовъ; его средства принудительны. Для осуществленія многихъ своихъ цѣлей оно можетъ обойтись безъ внутренняго признанія и убѣжденія въ нихъ со стороны своихъ

подданныхъ; опираясь на право оно заставляетъ исполнить свой законъ, какъ бы кто ни думалъ о немъ, и цѣль, предположенная государствомъ, будетъ достигнута, потому что часто она не простирается далѣе внѣшняго строя жизни, ограничивается внѣшнею формальною правдою. Не таково положеніе церкви. Она прежде всего имѣетъ дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ его убѣжденіемъ и совѣстію; въ церкви все дѣло въ содержаніи, а не въ формѣ, во внутренней правдѣ, а не во внѣшней. Посему церковь прежде всего требуетъ души, убѣжденія, и что не достигнуто въ этой сферѣ, то не можетъ быть достигнуто ни въ какой другой. Посему какъ бы внѣшность, форма ни казалась стройною и согласною съ закономъ, но если ее не одушевляетъ искреннее убѣжденіе, внутренняя вѣра, она мертва и цѣли церкви не достигнуты. Изъ сказаннаго нами не слѣдуетъ однакоже, чтобы церковь въ своей дѣятельности была ограничена одними духовными средствами, чтобы она не могла примѣнять для своихъ цѣлей внѣшнихъ средствъ, чтобы эти средства не имѣли даже своей, имъ свойственной принудительности. Такова природа человѣка, что внутреннее убѣжденіе, душевный строй жизни воспитываются и поддерживаются внѣшнею дисциплиною. Кромѣ того, необходимость внѣшнихъ средствъ доказывается существованіемъ внѣшняго церковнаго союза и необходимостію порядка въ немъ. Изъ того, что выше сказано, слѣдуетъ только, что 1) вѣрнѣйшія и наиболѣе цѣлесообразныя средства церкви суть духовно-нравственныя; 2) что внѣшнія средства, къ которымъ обращается церковь для осуществленія своихъ духовныхъ цѣлей и безъ которыхъ она не можетъ обойтись какъ внѣшній союзъ, имѣющій опредѣленную организацію, всегда должны быть проникнуты и запечатлѣны нравственнымъ характеромъ; 3) что чисто церковнымъ средствамъ по самой цѣли ихъ чуждъ насильственный матеріально-принудительный характеръ, потому что путемъ одного матеріальнаго насилія ничего нельзя достигнуть въ области внутренняго, душевнаго убѣжденія,

нельзя создать искренней вѣры, которая служитъ основаніемъ церковнаго союза. Принудительная сила внѣшнихъ церковныхъ средствъ заключается не въ матеріальномъ принужденіи (тюрьмахъ, ссылкахъ, казняхъ и т. п.), но въ дисциплинѣ и наказаніяхъ совѣсти, въ лишеніи правъ и преимуществъ соединенныхъ съ извѣстнымъ положеніемъ человѣка въ церковномъ союзѣ, въ правѣ извергать непокорнаго изъ своей среды и лишать его всѣхъ благъ, соединенныхъ съ именемъ христіанина и члена Христовой церкви. На этомъ различіи церкви отъ государства основываются нѣкоторыя важныя особенности въ характерѣ и свойствахъ права церкви въ сравненіи съ государственнымъ правомъ и его отраслями, о чемъ будетъ сказано ниже.

Различіе церкви отъ другихъ общественныхъ союзовъ [3]), составляющихъ основу для государства, открывается изъ слѣдующихъ соображеній: 1) основаніемъ гражданскихъ союзовъ обыкновенно служитъ какой-нибудь общій интересъ, напр. единство занятій, единство происхожденія, единство состоянія, единство мѣста, и т. п. Хотя многіе изъ такихъ союзовъ (не всѣ однакоже) имѣютъ внутреннюю необходимость, но ихъ форма, тотъ или другой видъ организаціи не имѣетъ такой необходимости, болѣе или менѣе случаенъ. Союзъ церковный какъ по своему существу, такъ по началамъ внѣшней организаціи основанъ на внутренней необходимости: на глубочайшей религіозной потребности, живущей въ человѣкѣ, и на божественномъ установленіи церкви, какъ учрежденія, предназначеннаго къ истинному и правильному удовлетворенію этой потребности. 2) Хотя государство не создаетъ общественныхъ союзовъ, но находитъ многіе изъ нихъ уже готовыми, но всѣ они могутъ существовать только въ госу-

---

[3]) Смѣшеніе церкви съ общественными союзами и корпораціями очень обыкновенно въ сочиненіяхъ, относящихся къ государственному праву. Съ этой точки зрѣнія и право церкви разсматривается какъ подчиненная часть права государственнаго. Объ этомъ см. ниже.

дарствѣ, подъ охраною его власти, и для достиженія своихъ цѣлей нуждаются въ признаніи государствомъ; имъ, по самому существу, не принадлежитъ право полной самостоятельности и независимости. Церковь можетъ существовать внѣ государства, безъ охраны государственной власти и достигать своихъ высшихъ цѣлей безъ всякаго признанія со стороны государства. 3) Такъ какъ ни одинъ общественный союзъ не имѣетъ полнаго самостоятельнаго значенія, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ и особаго, самостоятельнаго права, которое бы имѣло свой независимый источникъ и выдѣлялось въ особую систему. Всѣ права, регулирующія отдѣльные общественные союзы, легко и естественно группируются по двумъ главнымъ отраслямъ права — государственному и гражданскому. Только одинъ религіозный, церковный союзъ имѣетъ самостоятельное бытіе, свою власть и свое особое право— право каноническое.

Церковное право, его границы, различіе законовъ нравственныхъ и церковныхъ.

Мы видѣли, что церковь входитъ въ область права съ двухъ сторонъ: 1) какъ внѣшнее общество, имѣющее свою организацію и опредѣленный внѣшній порядокъ, устрояемый и поддерживаемый для достиженія высшихъ цѣлей христіанства; 2) потому, что она, какъ видимый общественный союзъ, живетъ и развивается въ той же внѣшней сферѣ, въ тѣхъ же земныхъ условіяхъ, въ какихъ движутся другіе политическіе, религіозные и общественные союзы; слѣдов. она не можетъ не вступать въ отношенія къ нимъ, которыя также должны быть регулируемы извѣстнымъ порядкомъ. Отсюда необходимость права въ церкви. Оно должно представлять собою совокупность всѣхъ нормъ или законовъ, которыми управляется жизнь и отношенія церкви, какъ внѣшняго общества и учрежденія, другими словами: церковное право представляетъ тотъ внѣшній, необходимый, отъ личной воли независимый порядокъ, который долженъ господ-

Библиотека
Духовныхъ
Курсовъ.
При Москов.
Учр. С. А. Полторацкій.

ствовать въ религіозномъ союзѣ, установленномъ для осуществленія цѣлей христіанства. Таково понятіе о правѣ церкви въ объективномъ смыслѣ. Въ смыслѣ субъективномъ оно есть совокупность различныхъ правъ и обязанностей, принадлежащихъ членамъ церкви, сообразно съ различнымъ положеніемъ, занимаемымъ ими во внѣшнемъ церковномъ союзѣ. Изъ этого понятія о правѣ церкви можно вывести и установить необходимыя его границы и различіе отъ другихъ дисциплинъ, близкихъ къ нему по своимъ свойствамъ. 1) Не всѣ религіозныя и нравственныя обязанности, которыя налагаются на человѣка христіанствомъ, носятъ характеръ правовыхъ обязанностей и могутъ быть предметомъ правовыхъ опредѣленій, но только тѣ, которыя неразрывно связаны съ внѣшнимъ положеніемъ христіанина въ церковномъ союзѣ, безъ которыхъ невозможно опредѣлить его принадлежность къ церкви, какъ внѣшнему обществу, и которыя необходимы для существованія внѣшняго церковнаго порядка. Обязанность молиться, каяться въ своихъ грѣхопаденіяхъ предъ Богомъ есть религіозно-нравственная; обязанность принимать участіе въ общественномъ церковномъ богослуженіи, и подчиняться правиламъ, установленнымъ для внѣшняго порядка церковной жизни, имѣетъ правовый характеръ и т. п. Признаніе за послѣднимъ родомъ обязанностей внѣшняго правоваго характера съ его послѣдствіями не противорѣчитъ свободѣ совѣсти въ сферѣ религіозной. Кто вступаетъ въ церковный союзъ и продолжаетъ оставаться въ немъ, тотъ самою принадлежностію къ нему заявляетъ свое согласіе, свою волю исполнять законы общества и налагаемыя ими обязанности. Такъ какъ порядокъ, установленный въ церковномъ обществѣ, стоитъ выше личнаго произвола и въ своихъ основныхъ чертахъ покоится на внутренней необходимости, то церковь обязана охранять и поддерживать его вопреки личной человѣческой волѣ. Если отдѣльный членъ церкви не покоряется этому порядку, отрицаетъ его, то онъ естественно подвергается всѣмъ послѣдствіямъ сопротивленія, т.-е. духовнымъ наказаніямъ, лишенію одного за другимъ

церковно-общественныхъ правъ и наконецъ изверженію изъ церковнаго союза. Аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко язычникъ. Церковь представляетъ собою цѣлое, что выражается въ господствѣ общаго, установленнаго въ ней, порядка надъ частными индивидуальными стремленіями; этотъ порядокъ не можетъ быть подчиненъ волѣ разрозненныхъ отдѣльныхъ лицъ. Кто не хочетъ подчинятбся этому порядку. тотъ извергается изъ церкви и несетъ на себѣ всѣ общественныя послѣдствія изверженія. 2) Всѣ церковныя учрежденія и дѣйствія, предметъ которыхъ чисто религіозный, нравственный, таинственный, неопредѣлимый внѣшними постоянными признаками, не могутъ по самымъ свойствамъ своимъ входить въ область права и подлежать юридическимъ опредѣленіямъ. Такъ существо, внутреннія дѣйствія всѣхъ церковныхъ таинствъ, какъ принадлежащія внутренней духовно-нравственной сферѣ и неуловимыя въ внѣшнихъ признакахъ, не относятся къ церковному праву и не могутъ быть предметомъ юридическаго анализа. Сюда же должны быть отнесены и всѣ наставленія и приготовленія къ принятію таинствъ, потому что, какъ замѣчаетъ Шульте, (Das Kathol. Kirchenrecht. Bd. 1. s. 12) «хотя сіи дѣйствія и суть нѣчто внѣшнее, но не могутъ входить въ область права, ибо объектъ ихъ не доступенъ внѣшнему познанію и посему никогда нельзя опредѣлить, дѣйствительно ли актъ совершился, соединялось ли съ нимъ душевное намѣреніе и расположеніе, однимъ словомъ внутреннее состояніе субъекта участвующаго въ этихъ дѣйствіяхъ не доступно внѣшнему познанію.» Если подобныя дѣйствія вводятся въ область церковнаго права, то не сами по себѣ, не по существу, а по своимъ внѣшнимъ условіямъ и внѣшнимъ правовымъ послѣдствіямъ. Ихъ природа не юридическая, но они служатъ основаніемъ внѣшнихъ правъ и обязанностей,—и поэтому составляютъ предметъ для юридическихъ опредѣленій. 3) Во всѣхъ другихъ правовыхъ сферахъ отличительное свойство всякой юридической нормы есть ея внѣшне-принудительный характеръ; тотъ

законъ, къ исполненію котораго нельзя принудить силою, не есть юридическій законъ. Таково свойство государственныхъ и гражданскихъ правъ; принужденіе является здѣсь необходимымъ средствомъ для ихъ осуществленія. Практическія послѣдствія этого свойства обнаруживаются въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ. Въ церковномъ правѣ не всѣ нормы обладаютъ тѣмъ же характеромъ и не этимъ свойствомъ опредѣляется принадлежность ихъ къ церковно-правовой сферѣ. Церковь, по своей природѣ, есть по преимуществу нравственный союзъ, посему и право ея болѣе, чѣмъ всякое другое. проникнуто нравственными началами. Граница между нравственностію и правомъ въ церкви лежитъ не тамъ, гдѣ кончается область матеріальнаго принужденія, а тамъ, гдѣ начинается внѣшній видимый порядокъ и строй церковной жизни. Что принадлежитъ къ этому порядку, тѣ нормы, которыя направлены къ его поддержанію и развитію, все это относится къ области права церковнаго. Посему общественно-церковнымъ правамъ и обязанностямъ гораздо болѣе принадлежитъ юридическій характеръ, нежели лично-церковнымъ. Если общественно-церковный порядокъ не долженъ быть предоставленъ случаю и подвергнуться полнѣйшему разстройству, то права и обязанности перваго рода должны имѣть принудительный характеръ, должны быть исполнены, хотя бы вопреки волѣ отдѣльнаго лица. Исполненіе личныхъ, частныхъ церковныхъ обязанностей немыслимо безъ согласія воли человѣческой; оно не можетъ быть достигнуто путемъ внѣшняго матеріальнаго принужденія; въ этой личной сферѣ нудящая сила церковнаго закона направлена не къ тому, чтобы вызвать извѣстное внѣшнее дѣйствіе, съ формальной стороны удовлетворяющее требованію закона, но къ тому, чтобы измѣнить настроеніе воли и мысли человѣческой и привести ее въ согласіе съ внутреннимъ содержаніемъ закона. Вообще принужденіе, какъ и наказаніе, въ области церковнаго права значительно видоизмѣняются и смягчаются въ своихъ свойствахъ; какъ то, такъ и другое утрачиваютъ здѣсь свое внѣшнее зна-

ченіе и становятся средствомъ въ рукахъ церковной власти для внутренняго исправленія человѣка; они существуютъ не для того, чтобы осуществить внѣшній законъ независимо отъ личнаго отношенія къ нему человѣка, но для того, чтобы направить волю къ свободному подчиненію внутреннему закону.

Хотя въ области церковнаго права гораздо труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой правовой сферѣ, отдѣлить и провести рѣзкую черту между нравственнымъ и юридическимъ содержаніемъ, однакоже могутъ быть указаны нѣкоторыя общія черты, устанавливающія различіе между церковнымъ закономъ и закономъ нравственнымъ. 1) Нравственные законы содержатъ въ себѣ общія идеи христіанской морали, законы церкви воплощаютъ эти идеи въ опредѣленныя внѣшнія формы и примѣняютъ къ внѣшнимъ условіямъ и требованіямъ жизни; наприм. нравственный законъ внушаетъ вообще чистоту брака христіанскаго, законъ церковный опредѣляетъ условія и формы заключенія и расторженія браковъ и т. п. 2) Нравственный законъ разсматриваетъ человѣка какъ христіанина вообще; законъ церковный беретъ его какъ члена видимаго религіознаго общества, опредѣляетъ его положеніе въ немъ, права, обязанности и отношенія общественныя. Посему законы христіанской нравственности всегда и для всѣхъ одни и тѣ же; между тѣмъ законы церковные въ разныя времена и въ разныхъ церковныхъ обществахъ различны. Наконецъ 3) нравственные законы вообще не имѣютъ внѣшняго принудительнаго характера; дѣйствія, ихъ нарушающія, не сопровождаются внѣшними юридическими послѣдствіями; они судятся внутреннимъ судомъ совѣсти. Къ этой категоріи должны быть отнесены и тѣ законы церкви, которые выражаютъ чисто религіозныя и нравственныя, такъ сказать личныя или частныя обязанности ея членовъ, нарушеніе которыхъ подлежитъ внутреннему духовному суду церковной власти и влечетъ за собою одни духовныя послѣдствія. Но какъ скоро церковный законъ относится къ внѣшнему общественному порядку рели-

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

гіознаго союза, опредѣляетъ общественныя обязанности и отношенія, тогда онъ пріобрѣтаетъ правовый характеръ, нарушеніе его подлежитъ внѣшнему церковному суду и сопровождается внѣшними послѣдствіями, ограниченіемъ или лишеніемъ церковныхъ правъ, вообще измѣняетъ внѣшнее положеніе члена въ церковномъ обществѣ.

Развитіе церковнаго права въ исторіи.

Христіанская церковь, какъ божественное учрежденіе, въ своей сущности была и будетъ одна и та же со времени своего основанія; почему догматическое понятіе о ней признается неизмѣннымъ. Не такова жизнь церкви какъ внѣшняго общественнаго союза; не таково и право, регулирующее эту жизнь. Какъ та, такъ и другое подлежатъ общимъ условіямъ и законамъ историческаго развитія. Правда, нѣкоторые высшіе принципы внѣшняго правоваго церковнаго порядка выводятся изъ основныхъ догматическихъ истинъ религіи и слѣдов. по самому существу представляются не способными къ какому либо измѣненію. Но во 1) такихъ правовыхъ положеній, которыя выводились бы непосредственно изъ догматическихъ истинъ, весьма не много, и они слишкомъ общи сами по себѣ, наприм. существованіе въ церкви іерархіи и духовныя права ей принадлежащія; огромное же большинство правовыхъ церковныхъ нормъ выводятся не изъ догмата, а изъ практическихъ потребностей церковной жизни въ связи съ различными условіями, среди которыхъ она развивается. Во 2) и такія принципіальныя положенія осуществляясь въ жизни, регулируясь въ правѣ, подлежатъ развитію и разнообразятся въ своихъ формахъ. Такъ существованіе іерархіи церковной основывается на догматическомъ ученіи, но ея внѣшнее устройство, іерархическія отношенія, юрисдикція по дѣламъ внѣшняго управленія, положеніе должностныхъ лицъ, формы назначенія на должности, формы управленія, суда, и многое другое суть произведенія исторической жизни церкви въ разнообразныхъ условіяхъ и подлежатъ общимъ законамъ ея развитія. «Какъ догматъ, за-

мѣчаетъ Шульте, въ своемъ внѣшнемъ (словесномъ) выраженіи условливается степенью развитія языка, образованностію времени, въ которое онъ былъ формулированъ, и внѣшними основаніями (полемикою противъ ересеи), которыя вызвали его установленіе, такъ и основныя церковныя права, смотря по времени и потребностямъ, видоизмѣняютъ свою форму; посему и въ отношеніи къ нимъ не возможно оспаривать историческаго развитія. Опредѣленное пониманіе этихъ (основныхъ) правъ въ извѣстный періодъ времени и составляетъ именно право этого времени; другое позднѣйшее время имѣетъ право, соображаясь съ степенью развитія и пониманія, дать имъ другую форму, удерживая сущность». Отсюда Шульте дѣлаетъ слѣдующіе, вполнѣ справедливые, выводы: 1) несправедливо прилагать масштабъ одного какого либо времени къ оцѣнкѣ истинности или ложности права другаго времени, какъ абсолютную, всегда неизмѣнную норму; 2) поелику церковь не можетъ быть осуждена на застой, при которомъ становилось бы невозможнымъ осуществленіе ея призванія, то установленію какого либо правоваго положенія, вызываемаго условіями жизни, никогда не можетъ быть противополагаемъ фактъ рѣшенія изъ какого либо предшествовавшаго времени, и противъ необходимаго развитія права нельзя возражать указаніемъ на право установленное. Только догматъ въ своей сущности, его неповрежденность, составляетъ предѣлъ для развитія права и законодательства церкви [4]).

Если, такимъ образомъ, основныя, принципіальныя положенія права въ извѣстномъ направленіи способны къ развитію и исторической выработкѣ, то въ отношеніи къ огромной массѣ церковно-юридическаго матеріала доказывать это положеніе не представляется никакой надобности. На его развитіе, измѣненія и переработку оказываютъ вліяніе множество разнообразныхъ факторовъ, изъ взаимодѣйствія и соотношенія которыхъ слагается жизнь человѣчества и народовъ въ тотъ

[4]) Schulte d. katholische Kirchenrecht Bd. I. Lief. 1. стр. 13, 14.

или другой періодъ. Тожество и неизмѣнное равенство права церкви возможно было бы только при слѣдующихъ предположеніяхъ: или чтобы всѣ отношенія политическія, соціальныя, экономическія и національныя были одинаковы у всѣхъ народовъ; или, чтобы церковь развивалась внѣ всѣхъ этихъ отношеній, отвергала воздѣйствіе на свою жизнь всѣхъ вышеуказанныхъ вліяній, или наконецъ, чтобы цѣль основанія и существованія церкви заключалась въ томъ, чтобы поглотить въ себѣ всѣ другіе общественные союзы, начиная съ государственнаго, и всѣ права, такъ сказать, растворить въ своемъ правѣ, какъ всеобламлющемъ. Ни одно изъ этихъ условій не мыслимо. Слѣдов. право церкви должно развиваться примѣнительно къ разнообразнымъ историческимъ и другимъ условіямъ, и жизнь церковная не можетъ быть изъята изъ общихъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ другія формы жизни общественной.

Фактическое подтвержденіе сказаннаго представляетъ исторія христіанской церкви и ея права. Единая въ своей сущности церковь развивается и осуществляетъ свои цѣли въ разнообразныхъ историческихъ формахъ. Мы видимъ въ дѣйствительности много церквей, согласныхъ между собою въ основныхъ догматическихъ вѣрованіяхъ, но представляющихъ болѣе или менѣе крупныя особенности въ своемъ устройствѣ, въ формахъ управленія, богослуженія и дисциплины. Причины этого разнообразія заключаются въ различіи народностей, входящихъ въ составъ церкви и вносящихъ въ церковную сферу свои національныя, психическія и бытовыя особенности, потомъ, въ разности условій государственныхъ, экономическихъ и соціальныхъ, среди которыхъ церковь развивается въ томъ или другомъ народѣ. Доколѣ эти разности не простираются на основныя начала христіанства, онѣ не нарушаютъ существеннаго единства церкви, не извращаютъ ея идеи, но способствуютъ полнѣйшему и разностороннему ея раскрытію. Только вражда церквей, борьба между ними противна идеѣ церкви и указываетъ на отклоненіе отъ нея въ жизни дѣй-

ствительныхъ церквей. Среди возможнаго разнообразія историческихъ церковныхъ формъ, идея церкви въ ея сущности, всеобщія, основныя, всегда и вездѣ одинакія цѣли и задачи церкви—эта идея должна быть душею всѣхъ дѣйствительныхъ церквей; въ ней ихъ жизнь и крѣпость; въ неуклонномъ стремленіи къ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ основана церковь, лежитъ залогъ и условіе правильнаго пониманія и осуществленія особенныхъ цѣлей и стремленій каждой частной церкви. Какъ скоро эти стремленія въ области ли церковной истины, въ характерѣ ли учрежденій идутъ въ разрѣзъ съ основными задачами и призваніемъ христіанской церкви, какъ божественнаго учрежденія для осуществленія цѣлей христіанства въ человѣчествѣ,—ясный признакъ, что они односторонни, неправильны. Точно также и право церкви, развивающееся на основаніи однихъ частныхъ историческихъ потребностей времени, безъ всякаго соображенія съ основными цѣлями и внутреннимъ характеромъ церкви, будетъ односторонне и можетъ далеко отклониться отъ своей нормы. Примѣры такихъ уклоненій подъ вліяніемъ временныхъ историческихъ условій, представляетъ очень нерѣдко исторія права частныхъ церквей, особенно исторія церковно-правительственнаго устройства, судопроизводства и т. п. Особенно сильное и продолжительное вліяніе на формы церковной жизни, на развитіе и характеръ церковнаго права частныхъ церквей оказываетъ строй государственный; учрежденія, отсюда взятыя и перенесенныя на церковную почву, до такой степени иногда проникаютъ строй церковной жизни и управленія, что преобразованіе его возможно не иначе, какъ вмѣстѣ съ реформою строя государственнаго. Отъ того реформы въ правовой жизни частныхъ церквей, во внѣшнемъ ихъ положеніи и отношеніяхъ, по большей части слѣдуютъ за преобразованіями въ жизни общественной и государственной, и это явленіе почти съ неизмѣнною правильностію повторяется особенно въ правѣ такихъ церквей, жизнь которыхъ вслѣдствіе историческихъ условій, слишкомъ тѣсно связана, такъ ска-

зать слилась съ жизнію государственною и народною, какова наприм. наша отечественная церковь.

Итакъ право церковное въ своемъ историческомъ развитіи должно неизбѣжно видоизмѣняться и разнообразиться по времени и многочисленнымъ мѣстнымъ условіямъ. Высшее единство для этого разнообразія правовыхъ церковныхъ формъ должно заключаться въ основныхъ цѣляхъ и характерѣ церкви какъ учрежденія, основаннаго для осуществленія высшихъ цѣлей христіанства въ жизни человѣческой.

Различіе права по вѣроисповѣданіямъ.

Сравнивая между собою правовую организацію, устройство, формы управленія существующихъ христіанскихъ церквей, мы замѣчаемъ между ними такое глубокое различіе, котораго не можетъ вполнѣ объяснить все разнообразіе вышеуказанныхъ условій и вліяній. Не подлежитъ сомнѣнію, что особенности національнаго характера и склада мысли, степень народнаго образованія и общественной культуры, экономическія условія народной жизни, въ особенности формы государственнаго устройства и управленія весьма сильно вліяютъ на внѣшнее устройство церковной жизни и оставляютъ всегда замѣтный отпечатокъ на развитіи права частныхъ церквей. Но различіе здѣсь не оканчивается, оно идетъ глубже и простирается на догматическіе принципы, изъ которыхъ различныя церкви выводятъ основныя положенія для своего права, на самое существо церкви, ея цѣли и средства [5]). Каждая церковь объявляетъ свои воззрѣнія единственно истинными и оспариваетъ, исключаетъ всѣ другія какъ ложныя. Сообразно съ ними каждая церковь развиваетъ основанія своего устройства и управленія; такимъ образомъ мы видимъ въ исторіи—церкви съ монархическимъ устройствомъ въ чистой (римская церковь), или смѣшанной, такъ сказать конституціонной (галликанская) фор-

[5]) Сущность вѣроисповѣдныхъ различій и выводимыя отсюда основанія для права будутъ раскрыты при изложеніи системы права.

мѣ, церкви республики съ преобладаніемъ епископально-аристократическаго или пресвитеріально-демократическаго элемента и т. д. Эти принципальныя разности существенно вліяютъ на внутреннюю конструкцію церковнаго права и служатъ причиною главнѣйшаго различія права по вѣроисповѣданіямъ. Такъ существуютъ право католической церкви, право лютеранскихъ и реформатскихъ церковныхъ обществъ, право восточной православной и русской церкви. Противорѣчіе между вѣроисповѣдными принципами такъ глубоко, что за нимъ исчезаетъ идея единства церкви, не видно высшаго объединяющаго начала. Но и среди этаго прискорбнаго положенія стремленіе къ возстановленію нарушеннаго единства, по временамъ сказывающееся съ большею или меньшею ясностію, указываетъ на жизненность и непреложность идеи о единствѣ церкви, ибо такова верховная воля Основателя церкви, да вси едино будутъ, да будетъ едино стадо и единъ Пастырь. Въ виду этого положенія нравственная задача каждой церковной науки заключается не въ томъ, чтобы своею нетерпимостію и исключительностію расширять уже существующее глубокое раздѣленіе между церквами, но сравнивая ихъ жизнь и устройство сближать то, что между ними общаго, сходнаго, отдавать справедливое хорошему и разумному повсюду, гдѣ бы оно ни существовало, увеличивать точки соприкосновенія, а не усиливать разности.

Различныя названія для права церкви.

Съ древнѣйшихъ временъ правила церковной жизни были означаемы наименованіемъ *каноновъ*. Слово канонъ (κανών) означаетъ орудіе для проведенія прямыхъ линій, нормальная мѣра, масштабъ, образецъ и не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ, духовномъ смыслѣ [1]). У священныхъ писателей оно употребляется въ значеніи правила вѣры и жизни христіанской (Гал. 6, 16. Еф. 3, 16), у церковныхъ

[1]) Смотр. Bickell, Geschichte d. K. Rechts Bd. 1, 4.

писателей именемъ канона назывались правила соборовъ и св. отцевъ, какъ въ отдѣльности каждое, такъ и цѣлыя собранія ихъ; даже весь составъ и сводъ правъ и постановленій церковныхъ назывался общимъ именемъ канона. Въ этомъ смыслѣ канонъ въ церкви есть тоже, что законъ (νομος) въ государствѣ и называется κανονικὸς νόμος. (Ник. пр. 13). Въ соборныхъ постановленіяхъ *канонъ* имѣетъ въ особенности значеніе церковнаго правила, относящагося къ управленію, дисциплинѣ и жизни церковной, и въ этомъ смыслѣ онъ отличается отъ правилъ вѣры, называемыхъ догматами (Трул. соб. сравн. пр. 1 и 2). Какъ законъ, имѣющій своимъ источникомъ церковную власть, утвержденный ея авторитетомъ, *канонъ* отличается отъ церковнаго обычая, хотя иногда сопоставляется съ нимъ (1 Ник. 18 «ни правиломъ, ни обычаемъ не предано»). Каноническими назывались разные церковные акты: напр. *каноническія* посланія епископовъ съ изъясненіемъ церковныхъ правилъ, съ отвѣтами на разные вопросы по церковному управленію; *каноническія* грамоты выдаваемыя епископами клирикамъ, при отправленіи ихъ въ чужія епархіи. Каноническими назывались сборники церковныхъ правилъ. Въ Юстиніановомъ правѣ названіе *канона* усвоено церковнымъ постановленіямъ въ отличіе отъ νόμος—законовъ государственныхъ, и πολιτικοὶ νομοι и ἱεροὶ κανονες противопоставляются какъ два параллельныя права, изъ сопоставленія которыхъ возникъ номоканонъ. На западѣ, у римскихъ канонистовъ вся совокупность церковно-правовыхъ нормъ получила названіе ius canonicum въ отличіе отъ ius civile—свѣтскаго права. Но западное понятіе каноническаго права не соотвѣтствуетъ у насъ принятому понятію; тамъ это названіе спеціально примѣнено было къ corpus iuris canonici и означаетъ всѣ правовыя опредѣленія церковной власти, вошедшія въ это собраніе, относятся ли они собственно къ жизни церкви, или къ гражданскимъ отношеніямъ ея членовъ. Въ этомъ отношеніи оно шире собственно церковнаго права. Теперь для большей части гражданскихъ отношеній канониче-

ское право не дѣйствительно, и они опредѣляются государственнымъ законодательствомъ въ различныхъ странахъ. Съ другой стороны corpus iuris canonici или западное каноническое право не обнимаетъ собою всего содержанія римскаго католическаго права, которое, съ завершеніемъ средневѣковаго оффиціальнаго собранія права, развивалось изъ новыхъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи оно уже церковнаго права [1]). У насъ названіе каноническаго права, *канона* усвояется собственно древнему составу церковныхъ правилъ, положенныхъ или принятыхъ на соборахъ, бывшихъ до раздѣленія церкви, и соединенныхъ въ «книгѣ правилъ св. апостоловъ, соборовъ и св. отцевъ». Въ общемъ своемъ составѣ вся совокупность этихъ правилъ и постановленій имѣетъ своимъ источникомъ и предметомъ самую церковь, т.-е. исходитъ отъ церковной власти и относится исключительно къ устройству, управленію и жизни церкви; гражданскія отношенія мірскихъ членовъ церкви не входятъ въ каноны; тѣ же отношенія членовъ іерархіи затрогиваются лишь поскольку они связаны съ ихъ церковнымъ положеніемъ и въ предѣлахъ, предоставленныхъ византійско-римскимъ правомъ. Въ этомъ отношеніи восточный каноны существенно отличается отъ западнаго corpus iuris canonici, который нерѣдко выходитъ за предѣлы собственно церковной сферы и съ своей точки зрѣнія регулируетъ многія свѣтскія отношенія членовъ церкви и іерархіи. Всѣ позднѣйшія опредѣленія, вышедшія отъ самой ли церковной власти или отъ государственной власти при участіи церковной и не вошедшія въ составъ древняго законодательства, у насъ не пользуются именемъ *канона* и называются церковными или церковно-гражданскими постановленіями. Этимъ различіемъ названія обозначается различіе авторитета и значенія, какое наша церковь усвояетъ тѣмъ и другимъ, отдавая въ принципѣ особенное преимущество первымъ предъ послѣдними. Но такъ какъ постановленія

[1]) Richter Lehrb. d. K. Rechts стр. 4. Schulte Lehrb. 10.

послѣдняго рода составляютъ весьма значительную, преобладающую часть въ содержаніи дѣйствующаго права, то названіе всей его совокупности каноническимъ правомъ не соотвѣтствовало бы всей широтѣ его объема, было бы тѣснѣе содержанія; посему представляется болѣе сообразнымъ и точнымъ обозначать весь церковно-юридическій матеріалъ, подлежащій научной обработкѣ, именемъ *церковнаго права.*

Положеніе права церкви въ общей системѣ права.

Вся обширная область права обыкновенно раздѣляется на двѣ великія вѣтви: право государственное и право гражданское. Къ этимъ двумъ отраслямъ легко подводятся и по нимъ могутъ быть сгруппированы всѣ другія частнѣйшія подраздѣленія права. Можно ли подвести къ которой-нибудь изъ двухъ вѣтвей и право церковное и подчинить принципамъ, характеризующимъ ту или другую? Римляне смотрѣли на ius sacrum какъ на часть ius publicum и подчиняли послѣднему; но у римлянъ не было церкви и ius sacrum не есть ius ecclesiasticum. Въ наше время нѣкоторые канонисты и цивилисты, разсматривающіе церковь какъ общественную корпорацію, видятъ въ правѣ церкви только часть публичнаго права и подчиняютъ его государственному праву. Существуютъ и такія воззрѣнія [*]) на церковь, по которымъ праву ея дается частно-правовой характеръ и оно подчиняется принципамъ, характеризующимъ гражданскія отношенія. И тотъ и другой взглядъ односторонень и не вѣренъ: первый, опуская изъ виду существо религіозно-церковнаго союза, внутреннія основанія и цѣли его бытія, останавливается только на внѣшнемъ положеніи церкви въ государствѣ и внѣшнихъ ея отношеніяхъ, регулируемыхъ государственною властію и зависящихъ отъ нея. Второй, останавливаясь исключительно на отдѣльныхъ правовыхъ отношеніяхъ въ церковномъ союзѣ,

[*]) Falk, Encyclopädie.

имѣющихъ повидимому характеръ частно-правовый, совсѣмъ опускаетъ изъ вниманія свойства и характеръ церкви какъ цѣлаго, ея устройство и назначеніе. Природа церковнаго права и его положеніе въ общей правовой системѣ опредѣляются природою церкви и ея положеніемъ въ различныхъ человѣческихъ союзахъ. Выше мы видѣли [9]), что церковь ни по происхожденію, ни по условіямъ своего существованія, ни по цѣлямъ, ни по средствамъ не есть государственный институтъ; духовныя свои права и средства она не получила и не можетъ получить отъ государства; признаніе или непризнаніе ихъ со стороны государства ничего не прибавляетъ къ существу этихъ правъ и ничего не отнимаетъ отъ нихъ: въ своемъ внутреннемъ существованіи она не зависитъ необходимо отъ государства, можетъ развиваться, даже процвѣтать непризнанная, отрицаемая, гонимая имъ. Государство и церковь существуютъ въ одномъ и томъ же человѣческомъ обществѣ, суть двѣ великія формы общенія или союза людей; но они движутся въ различныхъ сферахъ, управляются различными цѣлями, обладаютъ различными средствами. Ни государство не можетъ взять на себя осуществленіе церковныхъ цѣлей, ни церковь — государственныхъ, не измѣнивъ своей природѣ, не исказивъ своихъ существенныхъ свойствъ. Государство, говорятъ защитники перваго взгляда, есть высшее единство съ верховною властію во главѣ; оно не можетъ допустить существованія внутри себя такихъ обществъ, которымъ принадлежитъ абсолютное значеніе. Это было бы status in statu. Посему никакой союзъ не можетъ существовать, если онъ не признанъ государствомъ и не подчиняется ему. Только подъ этими условіями возможно существованіе отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ въ государствѣ [10]). Внѣ

---

[9]) Смотри выше: различіе церкви отъ государства.

[10]) Этотъ взглядъ можно назвать господствующимъ въ современныхъ системахъ государственнаго права, хотя въ юридической наукѣ высказываются воззрѣнія, значительно ограничивающія его. Вотъ мнѣніе Савиньи объ этомъ вопросѣ: „съ чисто-свѣтской точки зрѣнія церковь является какъ и всякое

предѣловъ нашей задачи разсматривать, вполнѣ ли справедливъ и не преувеличенъ ли этотъ взглядъ на значеніе государства въ отношеніи ко всѣмъ другимъ гражданскимъ или общественнымъ союзамъ. Еслибы мы и допустили его въ такой широтѣ, все-таки, полагаемъ, онъ былъ бы правомѣренъ въ отношеніи только къ такимъ обществамъ, которыя по существу своихъ цѣлей, по своимъ средствамъ и задачамъ, движутся въ одной съ государствомъ сферѣ, хотя бы въ гораздо болѣе ограниченныхъ предѣлахъ; цѣли и средства этихъ союзовъ, постоянно сталкиваясь, по своей однородности, съ государственными, естественно должны были бы

другое общество, и какъ всѣ другія корпораціи занимаютъ свое подчиненное и зависимое положеніе частію въ государственномъ, частію въ гражданскомъ правѣ, такъ и для церкви можно было бы указать подобное положеніе. Но такъ относиться къ ней не дозволяетъ великое значеніе церкви, объемлющее всю внутреннюю сущность человѣка. Посему въ различные періоды всемірной исторіи церковь и церковное право занимали весьма различное положеніе въ отношеніи къ государству. У римлянъ ius sacrum составляло часть государственнаго права и было подчинено государственной власти. Общечеловѣческое назначеніе христіанства исключаетъ такія чисто-національныя отношенія къ нему. Въ средніе вѣка церковь пыталась подчинить себѣ государства и господствовать надъ ними. Мы можемъ разсматривать различныя христіанскія церкви только какъ существующія подлѣ государства (neben dem Staat), но въ разнообразномъ, внутреннемъ соприкосновеніи съ нимъ. Посему и церковное право, по нашему мнѣнію, есть отдѣльная (für sich bestehendes) правовая область, которая не можетъ быть подчинена ни публичному, ни частному праву.“ Savigny, System des heutigen Romischen Rechts. Bd. I, 27.

Въ этомъ взглядѣ Савиньи представляется: 1) невѣрнымъ даже съ свѣтской точки зрѣнія уравненіе церкви со всѣми другими обществами и корпораціями, положеніе которыхъ въ государственномъ отношеніи различается существенно по степени внутренняго значенія, исторической и бытовой роли каждаго изъ нихъ. Въ этомъ отношеніи положеніе церкви не можетъ быть уравнено со всѣми другими корпораціями. 2) Основаніе, по которому церковь и ея право выдѣлены изъ сферы государственной и частной, указано въ великомъ значеніи церкви для человѣчества, слѣдовательно субъективное; между тѣмъ какъ главное основаніе для этого заключается въ самой природѣ, назначеніи и цѣляхъ церкви, слѣдовательно должно быть объективное, т.-е. въ ней самой, а не въ признаніи или непризнаніи за церковію ея историческаго значенія.

подчиняться государству, какъ высшему единству. Но если представить себѣ такое общество, которое осуществляетъ цѣли, какихъ не можетъ поставить себѣ никакое государство, имѣетъ средства, недоступныя ни для какого государства и если какъ тѣ такъ и другія могутъ осуществляться и примѣняться во всѣхъ формахъ государственнаго и гражданскаго быта и не имѣютъ съ ними никакой прямой связи, тогда бытіе и развитіе такого общества въ чистой его формѣ мыслимо и возможно внѣ всякой зависимости, безъ всякаго признанія отъ государства. Еслибы такое общество вступило въ союзъ съ государствомъ, то оно стало бы отъ него въ зависимость только по своему внѣшнему положенію, не смѣшавшись своимъ существомъ, не утрачивая своей внутренней самобытности, не сталкиваясь по своимъ цѣлямъ и средствамъ. Такое общество есть именно церковь. Она движется въ отличной отъ государства сферѣ, имѣетъ свои особенныя цѣли, можетъ осуществлять ихъ своими средствами; пути ея не одни съ путями государства; она можетъ развиваться безъ признанія съ его стороны. Находясь въ союзѣ съ государствомъ она подчиняется ему во внѣшнемъ своемъ положеніи, въ политическихъ и гражданскихъ правахъ, но свое внутреннее право, свою внутреннюю организацію она вырабатываетъ изъ себя и можетъ осуществлять его (осуществляла въ исторіи III вѣковъ и теперь осуществляетъ, отказавшись отъ всѣхъ привиллегій и правъ государственныхъ, напр. свободная церковь въ Шотландіи), безъ признанія со стороны государства. Такая независимость церкви не будетъ status in statu; сферы религіозно-церковная и государственно-правовая не однокачественны и могутъ существовать одна подлѣ другой, въ союзѣ одна съ другою и не уничтожая своей независимости. Если таково положеніе церкви въ отношеніи къ государству, то и право церкви въ своихъ основаніяхъ не можетъ быть только частію права государственнаго; если оба союза движутся въ различныхъ сферахъ, то и право одного не можетъ соотвѣтствовать цѣлямъ другаго, подчиняться прин-

ципамъ господствующимъ въ другомъ; корни и источныя начала ихъ различны; отсюда и различіе въ ихъ духѣ, свойствахъ и характерахъ. Государство существуетъ прежде всего для установленія и осуществленія права; церковь же не основана для права; но имѣетъ его какъ внѣшнее условіе для своего существованія и дѣятельности; сущность и бытіе государства не отдѣлимо отъ права; только чрезъ право, вооруженное принудительною властію, оно можетъ осуществлять свои цѣли; для церкви право есть только внѣшнее средство, связанное не съ внутреннею ея природою, а съ внѣшнимъ существованіемъ.

Приравнивать церковное право къ области гражданскихъ, частныхъ отношеній можно только при полномъ забвеніи назначенія и характера церкви, какъ общечеловѣческаго учрежденія, стоящаго выше сферы частной воли и личныхъ цѣлей правоваго субъекта, которыя служатъ центромъ гражданскихъ отношеній. Личная воля никогда не была и не можетъ быть источникомъ церковныхъ правъ и обязанностей, которыя опредѣляются церковною властію на основаніи цѣлей и потребностей церковнаго союза. Этотъ взглядъ на церковь есть отголосокъ, отраженіе господствовавшей въ свое время теоріи договора, какъ основанія для всѣхъ общественныхъ союзовъ, для государства и для церкви. Несостоятельность этого взгляда въ объясненіи происхожденія церкви видна изъ исторіи ея установленія; она явилась не какъ продуктъ соглашенія многихъ, или нѣсколькихъ личныхъ воль, основанія и цѣли ея бытія даны въ христіанскомъ откровеніи, коренныя ея учрежденія опираются также на положительномъ законѣ, а не на договорѣ, и имѣютъ характеръ внутренней необходимости. Въ объясненіе такого взгляда на право церкви можно указать на то развѣ, что защитники его имѣютъ въ виду одну личную сферу религіозно-церковной жизни. Но еслибы и справедливо было, что религія и церковность есть личное дѣло каждаго, что принадлежать или не принадлежать къ церкви есть также

дѣло личной воли [11]), и тогда было бы не логично и не правильно всю совокупность церковныхъ учрежденій, всѣ права и отношенія церкви какъ цѣлаго включать въ сферу частнаго права, гдѣ все исходитъ изъ понятія о моемъ и твоемъ и направлено къ огражденію личныхъ интересовъ. Въ церкви существуютъ личныя права и обязанности частныхъ лицъ, нѣкоторыми сторонами своей жизни (напр. имущественною) церковь, какъ цѣлое, входитъ въ область частнаго, гражданскаго права, но отсюда никакъ нельзя заключать, чтобы все право церковное можно было построить на принципахъ, господствующихъ въ частномъ правѣ, подчинять имъ и разсматривать какъ часть гражданскаго права. Въ немъ содержится много такихъ учрежденій, много нормъ для такихъ отношеній, которыя стоятъ совершенно внѣ и гораздо выше не только личной правовой сферы и круга частныхъ интересовъ, но и выше интересовъ и отношеній того или другаго государства, выходятъ за его предѣлы. Таковы напр. междуцерковныя отношенія.

При распредѣленіи правовыхъ сферъ человѣческой жизни, въ юридической наукѣ сдѣлана была попытка установить между государствомъ и частными лицами посредствующее звено — общество, которому должно соотвѣтствовать особое право — общественное. «Внѣ предѣловъ правильно очерченнаго круга государственныхъ наукъ, говоритъ Робертъ Моль, лежатъ не только наука частнаго права, но также и науки объ обществѣ вообще и объ отдѣльныхъ общественныхъ кругахъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ въ особенности наука о церковномъ правѣ». Въ своей классификаціи общественныхъ наукъ Р. Моль причисляетъ церковное право къ догматическимъ общественнымъ наукамъ, именно къ отдѣлу положительнаго обществен-

[11]) Ученіе о договорѣ, какъ основаніи церковнаго союза и о слѣдствіяхъ, отсюда вытекающихъ, часто развивалось въ системахъ церковнаго права конца прошедшаго и начала настоящаго столѣтія. См. Krug, Kirchenrecht nach Grundsätzen der Vernunft 1826 г. стр. 41—64. Но признавая договоръ Krug не относитъ однакоже церковнаго права къ частно-правовой сферѣ.

наго права, наряду съ правами сословій, промышленныхъ компаній [12]). Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе научнаго значенія и состоятельности этого нововведенія въ юриспруденціи, далеко не всѣми учеными раздѣляемаго. Будущее развитіе народной жизни, быть-можетъ, оправдаетъ его; но теперь, по крайней мѣрѣ, цѣли и интересы, служащіе основаніемъ для большинства общественныхъ союзовъ, не представляются на столько развитыми, чтобы права, ихъ регулирующія, выдѣлялись въ особую самостоятельную систему. Оттого нововведеніе Роберта Моля до сихъ поръ никѣмъ не осуществлено и самъ онъ не предлагаетъ обработки этого права. Изъ всѣхъ общественныхъ союзовъ одинъ религіозно-церковный союзъ дѣйствительно достигаетъ самостоятельнаго значенія и имѣетъ свое особое право. Если причисленіемъ этого права къ разряду общественныхъ имѣется въ виду выразить его самостоятельность и независимость какъ отъ государства, такъ и отъ воли частныхъ лицъ, или указать на отдѣльность, особенность церковно-правовой сферы по отношенію къ сферамъ государственной и частной, то съ этимъ, пожалуй, удобно можно согласиться. Но если такимъ названіемъ и группировкой хотятъ указать на сходство церковнаго права по принципамъ, источникамъ, значенію и характеру съ ученіемъ о сословіяхъ, промышленныхъ компаніяхъ, общинахъ и съ правами каждого изъ этихъ союзовъ, то все сказанное нами выше о природѣ, цѣляхъ, средствахъ, организаціи церкви рѣшительно отрицаетъ всякую возможность правильной аналогіи. Для того, чтобы проводить такую аналогію, прежде всего потребуется совершенно измѣнить понятіе о церкви и ея происхожденіи.

Итакъ, если церковное право, по своимъ внутреннимъ основаніямъ, значенію и характеру не можетъ быть подчинено ни одной изъ существующихъ отраслей права и разсматриваемо, какъ его часть, то необходимо дать ему особое, самостоятельное положеніе въ общей системѣ права, выдѣлить въ

---

[12]) Робертъ Моль, Енцикл. Госуд. Наукъ пер. Попова, стр. 34—35.

особую юридическую дисциплину, имѣющую своимъ предметомъ отдѣльную правовую сферу человѣческой жизни, параллельную другимъ великимъ вѣтвямъ, не сливающуюся, но и не противоположную имъ, не исключающую никакой другой. Высшимъ единствомъ для нихъ служитъ общее имъ всѣмъ понятіе права и то, что предметомъ и цѣлію всѣхъ служитъ тотъ же человѣкъ съ разнообразными потребностями своей природы и различными направленіями своей жизни и дѣятельности. Внутри церковно-правовой сферы различаются [13]) два вида права, по отличительнымъ свойствамъ, характеризующимъ совокупность каждаго изъ нихъ: 1) право церкви какъ цѣлаго со всею совокупностію ея учрежденій и отношеній или *публичное церковное право*, не въ смыслѣ, впрочемъ, противоположенія частному праву (какъ римское ius publicum въ отношеніи къ ius privatum), ибо такой противоположности между цѣлями и интересами церкви какъ цѣлаго и правильно понятыми цѣлями и интересами отдѣльныхъ ея членовъ, какое мы видимъ въ государственной жизни, нѣтъ и быть не можетъ въ правильной церковной жизни [14]). Такимъ названіемъ хотятъ только обозначить ту сторону церковнаго права, которая обнимаетъ и регулируетъ цѣлый правовой организмъ церкви съ его устройствомъ и отношеніями. 2) Частное право отдѣльныхъ членовъ церкви, обнимающее собою личную церковную жизнь индивидума съ его церковными правами и обязанностями. Здѣсь опять названіе ius privatum указываетъ не на то, чтобы воля лица была источникомъ для его церковныхъ правъ и обязанностей, или чтобы пользованіе одними и выполненіе другихъ предоставлялись его распоряженію, какъ это можетъ имѣть мѣсто въ частномъ гражданскомъ быту. Всѣ эти права по своимъ основаніямъ и послѣдствіямъ суть публичныя и имѣютъ одинъ съ ними источникъ; выдѣленіе ихъ въ особую группу основывается на преимущественномъ отношеніи ихъ къ личной жизни члена церкви. Вообще эти

[13]) Schulte, Kath. K. Recht Bd. 1. стр. 19. 39.

подраздѣленія имѣютъ значеніе для распредѣленія церковно-юридическаго матеріала въ научной системѣ права, не указывая на какое-либо существенное различіе въ самыхъ принципахъ и характерѣ права.

Наука церковнаго права; ея задачи.

Для обработки самостоятельной церковно-юридической дисциплины нужна отдѣльная, самостоятельная наука, съ своими особыми задачами, которыхъ не беретъ на себя и не можетъ выполнить никакая другая юридическая или богословская наука. Положительный характеръ церкви, какъ божественнаго установленія, положительный источникъ высшихъ основаній ея права и главнѣйшихъ учрежденій указываетъ, что наука церковнаго права должна быть положительная наука, что построеніе правоваго зданія церкви на основаніи апріорныхъ, раціоналистическихъ началъ естественнаго или философскаго права, не возможно. Высшія основанія церковнаго права (понятіе о природѣ, цѣляхъ, средствахъ церкви) извлекаются не изъ апріорныхъ, путемъ философской дедукціи добытыхъ принциповъ, а изъ положительнаго христіанскаго ученія. Общая задача этой науки заключается въ томъ, чтобы представить въ системѣ внутренній организмъ права, регулирующаго жизнь

---

[14]) Въ жизни государственной различіе между общимъ и частнымъ благомъ бываетъ иногда таково, что достиженіе перваго становится возможнымъ не иначе какъ жертвованіемъ послѣдняго. Установить возможное равновѣсіе между этими элементами жизни есть великая проблемма государственной жизни, еще далекая отъ своего осуществленія. И теперь господство цѣлаго надъ частнымъ идетъ нерѣдко до полнаго уничтоженія послѣдняго. Такой противоположности между общимъ и частнымъ благомъ нѣтъ и не можетъ быть въ церковной жизни, потому что церковь какъ цѣлое не имѣетъ цѣлей и потребностей противоположныхъ церковнымъ цѣлямъ и потребностямъ частныхъ членовъ ея. Осуществленіе цѣлей христіанства, для котораго именно учреждена и существуетъ церковь, можетъ совершаться и въ цѣломъ человѣчествѣ, и въ народѣ, и въ обществѣ, и въ жизни отдѣльнаго лица въ полной гармоніи, и никогда для достиженія этихъ цѣлей въ народѣ не потребуется отреченія отъ тѣхъ же цѣлей со стороны частныхъ лицъ. Цѣли эти для всѣхъ однѣ и тѣже.

церкви, возвести отдѣльныя его положенія къ основнымъ началамъ, показать связь церковныхъ институтовъ съ существомъ и цѣлями церкви и прослѣдить, какъ развивались они подъ вліяніемъ догматическихъ, государственныхъ, національныхъ и другихъ условій. Въ составъ этой общей задачи входятъ три отдѣльные момента, изъ единства которыхъ могла бы образоваться полная и всеобъемлющая система. 1) Какъ наука положительная, почерпающая свои основанія и матеріалъ изъ положительнаго законодательства, она должна изслѣдовать критически и екзегетически свои источники, т. е. памятники церковнаго законодательства, чтобы видѣть, какъ постепенно отъ первыхъ вѣковъ бытія церкви развивалось ея право, какъ слагался, расширялся и видоизмѣнялся объемъ и составъ церковнаго законодательства, пока онъ не достигъ современнаго, многосложнаго своего вида. Эта подготовительная работа составитъ исторію церковнаго права—какъ внѣшнюю, т. е. исторію составленія и расширенія церковнаго канона, критику памятниковъ, опредѣленіе ихъ значенія въ связи съ историческими условіями жизни церковной въ періодъ возникновенія памятника, такъ и внутреннюю, т. е. исторію развитія церковныхъ институтовъ и видоизмѣненій въ нихъ подъ вліяніемъ различныхъ условій. 2) На основаніи добытаго такимъ образомъ догматическаго, каноническаго и историческаго матеріала наука имѣетъ создать систему основнаго церковнаго права, т. е. систему основныхъ законовъ церковнаго устройства, управленія и жизни. Эта часть научной работы самая важная, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самая трудная и спорная. На ея конструкцію оказываютъ всего болѣе вліянія съ одной стороны вѣроисповѣдныя разности, съ другой—философское развитіе права вообще и теоріи въ немъ господствующія въ то или другое время. 3) Установивъ основные законы церкви, наука пріобрѣтаетъ для себя руководящую нить, съ которою она должна приступить къ изученію дѣйствующаго права частныхъ церквей во всемъ ихъ разнообразіи. Каждая частная церковь въ своей исторической жизни, подчиняясь условіямъ

своего внѣшняго положенія, сообразуясь съ характеромъ народа, съ его исторіею и требованіями жизни, раскрывала въ подробностяхъ, видоизмѣняла въ практикѣ, иногда искажала основныя общецерковныя начала, подчиняясь въ своемъ внутреннемъ устройствѣ порядкамъ государственной жизни, до порабощенія своихъ собственныхъ принциповъ и требованій своей внутренней природы. При изученіи дѣйствующаго права церквей наука очевидно не можетъ ограничиться только изложеніемъ и систематизаціею его содержанія, для того, чтобы служить ближайшимъ практическимъ потребностямъ. Главная ея задача въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, чтобы путемъ историческаго и философско-юридическаго анализа возводить отдѣльные институты къ ихъ основной идеѣ, раскрывать не только практическую цѣлесообразность, но и соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе ихъ съ внутренними свойствами и цѣлями церкви, а также съ основными нормами ея жизни. При этомъ сравнительное изученіе права церквей различныхъ христіанскихъ исповѣданій имѣетъ особенную важность. Вотъ важнѣйшія задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ должна трудиться самостоятельная наука церковнаго права и которыхъ не беретъ на себя и не можетъ разрѣшить никакая другая юридическая или богословская наука.

Методы научнаго изслѣдованія.

Для обработки церковно-юридическаго матеріала наука можетъ употреблять различные методы; преобладаніе того или другаго въ системѣ можетъ зависѣть отъ того, какая изъ указанныхъ выше задачъ имѣется преимущественно въ виду. Сообразно съ симъ можно указать слѣдующіе главные пріемы: 1) практическій, когда ограничиваются изложеніемъ содержанія дѣйствующаго права той, или другой церкви съ его казуистикою; главная задача здѣсь—въ удовлетвореніи ближайшимъ практическимъ потребностямъ; 2) историческій, который разсматриваетъ постепенное развитіе права, слѣдитъ за образованіемъ церковныхъ институтовъ, какъ тѣхъ, которые дѣй-

ствуютъ, такъ и перешедшихъ уже въ область исторіи; главная задача здѣсь въ томъ, чтобы показать перемѣны, происшедшія въ положительномъ правѣ и поставить дѣйствующее право на историческую почву; 3) философскій, который точку отправленія полагаетъ не въ настоящемъ правѣ церкви и не въ исторіи прошедшаго, но въ основныхъ идеяхъ о природѣ, цѣли и свойствахъ церкви, и стремится возвести каждый институтъ церковный къ его основнымъ началамъ и показать соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе его основной идеѣ; 4) сравнительный, состоящій въ параллельномъ изученіи учрежденій нѣсколькихъ церквей и въ оцѣнкѣ ихъ по сравненію между собою. Очевидно, ни одинъ изъ этихъ методовъ, примѣненный исключительно, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Первый мало наученъ по самой своей задачѣ; онъ беретъ церковное законодательство въ данный моментъ и, отрывая его отъ органическаго развитія, отъ его прошедшаго, онъ не можетъ дать отвѣта на вопросы, для науки имѣющіе первостепенную важность: откуда и подъ какими вліяніями развилось въ церкви то или другое учрежденіе, какъ выработался тотъ или другой законъ? Безъ этого трудно будетъ понять даже прямой смыслъ учрежденія. Съ другой стороны для оцѣнки закона или учрежденія этотъ методъ также не пригоденъ; помощію его мы никогда не можемъ разрѣшить, основывается ли извѣстный институтъ на существенныхъ, или на случайныхъ потребностяхъ церкви, соотвѣтствуетъ ли онъ идеѣ и основнымъ нормамъ церковной жизни. Наука, построенная однимъ практическимъ методомъ, въ своихъ сужденіяхъ о достоинствѣ существующихъ установленій и законовъ, въ своихъ преобразовательныхъ стремленіяхъ, будетъ руководиться только требованіями минуты, годностію для ближайшихъ, можетъ быть неправильно понятыхъ, цѣлей и потребностей времени. Второй методъ, хотя значительно восполняетъ первый пробѣлъ, оставляемый практическимъ методомъ, т. е. можетъ раскрыть историческое образованіе и постепенныя измѣненія положительнаго законодательства, проливаетъ обильный свѣтъ

на прямой смыслъ его, но такъ же, какъ и первый, не можетъ восполнить втораго пробѣла. Разсматривая явленія церковно-правовой жизни въ ихъ исторической послѣдовательности, безъ руководящей основной идеи переходя изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного порядка церковной жизни къ другому, онъ не можетъ привести къ правильной оцѣнкѣ ихъ внутренняго достоинства, ихъ соотвѣтствія съ существомъ и идеею церкви. Вѣрнаго масштаба для такой оцѣнки не можетъ дать одно историческое изученіе права церкви; историку грозитъ или увлеченіе извѣстною эпохою, принявъ которую за масштабъ, за норму, онъ можетъ придти къ результатамъ вовсе не историческимъ [15]), или извѣстнаго рода индифферентизмъ, при весьма естественной наклонности все объяснять потребностями вѣка, во всемъ признавать историческую необходимость. Нужно, чтобы историческое изученіе права церкви освѣщалось философско-догматическою идеею о церкви, ея природѣ и назначеніи. Философскій методъ, правильно понятый и примѣненный, безъ сомнѣнія можетъ оказать великую услугу наукѣ. Въ правѣ съ положительнымъ характеромъ, каково церковное, значеніе этого метода заключается не въ открытіи новыхъ принциповъ, не

---

[15]) Воспользуемся для разъясненія замѣчаніемъ Вальтера о примѣненіи историческаго метода къ изученію права церкви: „злоупотребленіе исторіею, говоритъ онъ, обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что изъ жизни церкви выхватываютъ извѣстный періодъ времени, именно первые три вѣка, и формы, тогда образовавшіяся, выставляютъ за идеалъ, масштабъ, по которому должны быть оцѣниваемы учрежденія настоящаго времени. Но такой пріемъ, несмотря на блескъ учености, которою онъ поддерживается, вовсе не историческій, потому что отрицаетъ органическій процессъ въ дальнѣйшемъ развитіи церкви, какъ будто геній ея совершенно истощился въ одинъ этотъ періодъ, и представляетъ развитіе послѣдующаго времени какимъ-то вырожденіемъ, рядомъ случайностей. Особенно странно то, что именно люди, въ другихъ случаяхъ весьма безразлично и равнодушно относящіеся къ формамъ, на этотъ разъ хотятъ заключить церковную жизнь въ неподвижныя формы. Истинный историкъ поступитъ иначе; слѣдя за развитіемъ своего матеріала изъ одного вѣка въ другой, онъ изъ связи отношеній, изъ особенностей каждаго времени будетъ познавать внутреннюю необходимость, которая дала этому матеріалу форму, и съ нею, а не съ фальшивымъ историческимъ идеаломъ, будетъ соображать свое сужденіе“. Lehrb. d. K. Rechts s. 4 примѣч.

въ апріорныхъ, теоретическихъ построеніяхъ, а въ томъ, чтобы выяснить уже данныя основныя начала права, извлечь ихъ изъ отдѣльныхъ правовыхъ опредѣленій и возвести разрозненныя положенія къ внутреннему единству. Посредствомъ этого пріема можетъ быть выяснена разумность учрежденія или закона, соотвѣтствіе его идеѣ и цѣлямъ церкви. Но если философскій методъ, отрѣшившись отъ исторіи и положительнаго права и взявъ за точку отправленія чистую идею церкви, захочетъ діалектическимъ путемъ вывести изъ нея нормы для права церкви, создать идеальный порядокъ церковнаго общества и его взять за масштабъ для оцѣнки дѣйствительности, то онъ легко можетъ повести къ построенію системы церковнаго права, совершенно субъективной. Легко можетъ случиться, что самая идея церкви, составленная абстрактно отъ исторіи и дѣйствительности и принятая за основаніе всей юридической конструкціи, будетъ односторонняя, даже фальшива [16]). Сравнительный методъ самъ по себѣ не ведетъ къ знанію учрежденій той или другой церкви, ибо предполагаетъ

---

[16]) Вальтеръ указываетъ на слѣдующія злоупотребленія философскимъ методомъ въ нѣмецкой наукѣ церковнаго права: „существенный элементъ христіанской церкви, говоритъ онъ, есть откровеніе, слѣдов. нѣчто положительное; отсюда должно исходить всякое философствованіе о церковномъ правѣ. Между тѣмъ въ новѣйшее время въ этой области вводится такой методъ философствованія, что совершенно отрѣшившись отъ христіанства, пытаются подъ именемъ естественнаго церковнаго права вывести изъ одинхъ раціоналистическихъ началъ систему церковнаго устройства и церковной власти. Но такой пріемъ съ одной стороны совершенно негоденъ для христіанскаго церковнаго права, потому что выходитъ изъ совершенно не свойственной ему точки зрѣнія, съ другой—вреденъ для науки, потому что отклоняетъ мысль и интересъ отъ правильнаго пути. Нѣкоторые желали бы отстоять значеніе и примѣнимость естественнаго церковнаго права по крайней мѣрѣ къ внѣшнимъ церковнымъ отношеніямъ, напр. къ государству, къ другимъ религіознымъ обществамъ Но правила, которымъ должна слѣдовать церковь въ этихъ отношеніяхъ, опредѣляются на основаніи ея положительной природы и назначенія; принципы же, которыми должна руководиться при этомъ государственная власть, или выводятся изъ той же положительной точки зрѣнія, если государство хочетъ быть христіанскимъ, или входятъ въ теорію государственнаго законодательства.“ Ibid. стр. 5.

эти учрежденія уже извѣстными, но онъ имѣетъ большое значеніе для расширенія научныхъ взглядовъ, для правильности оцѣнки учрежденій и для смягченія вѣроисповѣдной исключительности [17]). Такимъ образомъ каждый изъ указанныхъ методовъ въ отдѣльности и исключительности представляетъ свои неудобства и невыгоды. Для науки и для разрѣшенія поставленныхъ предъ нею задачъ всего лучше соединять ихъ всѣ, давая перевѣсъ то одному, то другому въ различныхъ частяхъ системы, смотря по свойству матеріала и характеру самыхъ задачъ, какія ближе имѣются въ виду.

Какъ на удачную попытку соединенія первыхъ трехъ пріемовъ для построенія системы католическаго церковнаго права, мы можемъ указать на методъ, представляемый Шульте во введеніи въ систему. Онъ называетъ этотъ методъ *историко-философскимъ*. Сущность его представляется въ слѣдующемъ. Точкой отправленія служитъ современное состояніе дѣйствующаго права. «Мы беремъ, говоритъ Шульте, за исходную точку готовый правовой институтъ въ современномъ его состояніи, и должны отыскать его зародышъ, корень. Мы находимъ этотъ корень или въ законѣ Божіемъ (lex Dei), или въ природѣ церкви, или въ какомъ нибудь національномъ убѣжденіи, признанномъ и усвоенномъ церковію. Нашедши, мы должны твердо держать его слѣдить по всѣмъ фазисамъ историческаго развитія, постоянно и точно отмѣчая тѣ мѣстныя, національныя, политическія вліянія, подъ воздѣйствіемъ которыхъ онъ постепенно достигъ настоящаго своего положенія, принялъ форму современнаго инсти-

---

[17]) Опыты сравнительнаго изложенія права особенно двухъ христіанскихъ западныхъ вѣроисповѣданій довольно многочисленны въ нѣмецкой литературѣ, напр. *Walter*, Lehrbuch d. K.—rechts allen christl. Confessionen; *Hilshoff*, Grundsatze der gemeinen K.—rechts d. Kattohken und Evangelischen 1832 г. *Kunstmann*, Grundzuge eines vergleichenden K.—rechts d. christ. Confessionen 1867 г. *Hinschius* K.—recht der Kathol. und Protestanten in Deutschland 1869—1872 г. и мн. др. Но церкви восточныя по большей части совсѣмъ не входятъ въ обозрѣніе, да и сравненіе между церквами западными рѣдко идетъ далѣе сопоставленія и внѣшняго параллелизма.

тута. Въ этомъ генетическомъ процессѣ право предстанетъ предъ нашими глазами какъ живое, въ своемъ жизненномъ ростѣ, съ своимъ собственнымъ характеромъ. Съ этимъ пріемомъ нужно соединять еще другой: съ отдѣльныхъ встрѣчающихся намъ въ церковно-правовой жизни отношеній, извѣстныхъ намъ по своему характеру, мы совлекаемъ чисто фактическую ихъ оболочку, схватываемъ юридическое ихъ содержаніе, анализируемъ его, отыскиваемъ все высшія и высшія понятія, подъ которыя подводятся эти отношенія, и такимъ образомъ устанавливаемъ правовыя формы, *правовые институты*. Такимъ образомъ отрывочность и разрозненность правовыхъ положеній исчезнетъ и уступитъ мѣсто институтамъ, родовымъ понятіямъ. При этомъ процессѣ необходимо имѣть постоянно въ виду связь права съ цѣлію церкви, съ догматическими основаніями. Они служатъ пробою для права. Тогда откроется, что̀ составляетъ основное зданіе церковнаго права, его неизмѣнныя, постоянно одинаковыя основанія, и что̀ есть только внѣшняя ткань, измѣняющаяся и невмѣстимая въ одну постоянную и твердую форму. Такой историческій и раціональный методъ покажетъ намъ, что̀ слѣдуетъ признавать въ правѣ церкви существеннымъ и что̀ случайнымъ, или несущественнымъ, какъ далеко можно идти въ измѣненіяхъ, не касаясь сущности, не колебля основаній церкви. Онъ объясняетъ намъ законы историческаго образованія и чрезъ то даетъ критерій для рѣшенія важнаго вопроса: какія измѣненія въ существующихъ церковныхъ порядкахъ и отношеніяхъ возможны, желательны или даже необходимы? Обработывая такимъ образомъ право, наука въ тоже время способствуетъ его примѣненію къ практической жизни и, давая церковной власти матеріалъ для законодательства, пролагаетъ путь къ обновленію и дальнѣйшему развитію права. Такимъ образомъ, извлекая право изъ существа церкви, мы проводимъ его чрезъ всю его жизнь и познаемъ какъ цѣльный организмъ [18]).

[18]) Schulte, Das Kathol. K. Recht Bd. 1, Liefer. 1. стр. 29.

Отношенія науки церковнаго права къ богословскимъ и юридическимъ наукамъ.

Самое названіе нашей науки указываетъ, что она по своему содержанію и конструкціи находится въ близкихъ отношеніяхъ къ двумъ различнымъ сферамъ человѣческаго знанія, богословской и юридической. Къ какой группѣ научныхъ знаній она должна быть отнесена по своему содержанію и характеру, — это должно опредѣлиться тѣмъ положеніемъ и значеніемъ, какое оба вышеупомянутые элемента занимаютъ въ наукѣ церковнаго права.

Предметъ ея есть христіанская церковь, основанная на догматическихъ и нравственныхъ истинахъ христіанской религіи и для осуществленія религіозныхъ цѣлей. Слѣдовательно по своему содержанію она должна стоять въ связи съ богословіемъ догматическимъ, излагающимъ ученіе объ истинахъ христіанской вѣры, и нравственнымъ, изъясняющимъ законы христіанской морали. Съ тѣмъ и другимъ она должна имѣть нѣкоторые общіе принципы и заимствовать ихъ изъ догматики. Такъ право беретъ изъ догматики основную идею о внутренней природѣ церкви, ея высшихъ цѣляхъ и назначеніи. Такъ излагая ученіе о церковной іерархіи, какъ правительственномъ классѣ, право предполагаетъ установленіе ея догматически обоснованнымъ. Въ ученіи о церковныхъ таинствахъ оно также предполагаетъ догматическія основанія для нихъ готовыми, выработанными въ богословіи. Эта общность въ основаніяхъ и источникахъ (христіанскомъ откровеніи), такъ ясно бросающаяся въ глаза, была причиною, что церковное право долгое время относилось къ богословскимъ дисциплинамъ, и на западѣ, въ періодъ схоластики, называлось *theologia practica*, *theologia rectrix*. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ содержаніе права представляло аггрегатъ правилъ, заимствованныхъ изъ практическаго и обрядоваго богословія и примѣнейныхъ къ церковно-практической дѣятельности лицъ духовныхъ, и исчерпывалось церковною ка-

зуистикою. Но такой узкій взглядъ не могъ удержаться при дальнѣйшемъ развитіи науки. Соприкосновеніе ея съ римскимъ правомъ (на Западѣ въ XII в.) показало, что въ ней есть другая сторона—юридическая, и по мѣрѣ разработки ея подъ вліяніемъ общаго развитія юриспруденціи взглядъ на характеръ науки церковнаго права измѣнялся и устанавливалась другая точка зрѣнія на ея содержаніе и на методы его обработки.

Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая богословіе и право церкви по ихъ содержанію, мы видимъ, что сродство между ними ограничивается очень не многими простѣйшими и общими истинами, которыя и та и другая наука берутъ въ христіанскомъ ученіи. Огромная же масса церковно-юридическаго матеріала имѣетъ свой источникъ и основаніе не въ богословіи, а въ разнообразнѣйшихъ условіяхъ церковной жизни того или другаго времени. Несомнѣнно, болѣе или менѣе глубокое, разумное и правильное пониманіе догматическихъ принциповъ оказывало вліяніе на развитіе и характеръ права церкви и ея учрежденій. Но еще гораздо большее вліяніе на него оказывала та масса жизненныхъ условій и отношеній, которая ничего не имѣетъ общаго съ догматикой и отъ которой, однакоже, много зависѣлъ внѣшній строй и порядокъ церковной жизни. Съ этимъ-то матеріаломъ, его обработкой и регулированіемъ приходится главнымъ образомъ имѣть дѣло наукѣ церковнаго права.

Различіе идетъ далѣе, если мы обратимъ вниманіе на задачи и направленіе той и другой науки. Богословіе изучаетъ церковь, какъ божественное учрежденіе, въ его сущности; наука права изучаетъ ее какъ внѣшнее религіозное общество съ опредѣленною, постоянно развивающеюся организаціею. Задача богословія—раскрыть внутреннюю природу церкви, уяснить и догматически обосновать ея идею и приблизить къ разумному пониманію; задача права въ церкви та, чтобы содѣйствовать установленію внѣшняго организма общественной церковной жизни, наиболѣе соотвѣтствующаго правильному и безпрепятственному осуществленію религіозно-нравственныхъ

цѣлей церкви. Одно обращено къ внутренней, другое къ внѣшней сторонѣ; одно имѣетъ дѣло съ идеями, и стремится уяснить и обосновать ихъ, другое съ жизнію и стремится регулировать ее. Высшее единство для обѣихъ наукъ заключается въ томъ, что внѣшній правовой организмъ церкви долженъ развиваться въ согласіи съ правильно понятымъ внутреннимъ (духовнымъ) ея существомъ и цѣлями, и правильное пониманіе и воплощеніе послѣдняго въ первомъ, гармоническое единство обоихъ составляетъ высшую проблемму какъ богословскаго знанія, такъ и церковной жизни.

Наконецъ вслѣдствіе не богословской, а юридической задачи наука права иначе относится и къ тому содержанію, которое прямо заимствуется въ нее изъ догматики. Юридическая точка зрѣнія, съ какой обрабатываются въ правѣ догматическіе принципы, взятые изъ богословія, измѣняетъ ихъ характеръ и они являются здѣсь съ другимъ значеніемъ, нежели въ богословіи. Приведемъ для объясненія нѣсколько примѣровъ. Догматическое ученіе о церковной іерархіи есть основное для науки права. Оно основывается на духовномъ, таинственномъ правомочіи, сообщаемомъ чрезъ рукоположеніе. Но эта сторона, которою именно занимается богословіе, не имѣетъ мѣста въ правѣ, потому что самый актъ хиротоніи основывается на вѣрѣ, и никогда внѣшнимъ образомъ не можетъ быть доказано, получилъ ли дѣйствительно рукоположенный духовныя дарованія, соединяемыя съ понятіемъ таинства. Посему рукоположеніе, какъ таинство, не входитъ въ область права, но разсматривается въ немъ, какъ единственный законный способъ вступленія въ іерархію; съ правовой точки зрѣнія оно создаетъ новое положеніе въ церкви для принявшаго, даетъ ему новыя права, налагаетъ новыя обязанности. Посему въ правѣ разсматриваются и регулируются условія его сообщенія и принятія и всѣ юридическія послѣдствія, отсюда вытекающія. Тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ таинствахъ. Въ богословіи крещеніе разсматривается какъ средство, чрезъ которое омывается первородный человѣческій грѣхъ и крещенный изъ

чада гнѣва Божія становится чадомъ благодати. Праву опять нечего дѣлать съ этою стороною, ибо внутреннее дѣйствіе крещенія, какъ таинства, также основывается на вѣрѣ и юридически не можетъ быть доказано. Въ правѣ крещеніе имѣетъ мѣсто какъ условіе личной церковной правоспособности, какъ способъ вступленія въ церковный союзъ, и съ этой точки зрѣнія разсматриваются условія его принятія и сообщенія. Въ ученіи церковнаго права о бракѣ также выступаетъ на первый планъ не таинственная его сторона, по которой въ богословіи онъ разсматривается какъ духовное освященіе союза двухъ лицъ, при чемъ даруется имъ благодатная сила для исполненія ихъ духовныхъ обязанностей, но общественно-нравственная,—и она опредѣляетъ церковно-юридическое воззрѣніе на бракъ.

Такія измѣненія въ характерѣ и направленіи науки церковнаго права производитъ юридическая точка зрѣнія на ея содержаніе, задачи и методы обработки. Она не разрываетъ существенной связи права съ догматикою и моралью, но отводитъ богословскому содержанію надлежащее мѣсто и значеніе въ наукѣ. Она не вводитъ въ науку началъ противуположныхъ тѣмъ, которыя прежде служили ея основаніемъ, но направляетъ обработку даже прямо взятаго изъ догматики содержанія къ другимъ задачамъ, слѣдитъ не богословскую, но юридическую его сторону. Такимъ образомъ и самой наукѣ церковнаго права она указываетъ мѣсто скорѣе въ ряду юридическихъ, нежели чисто богословскихъ наукъ [19]).

---

[19]) Шульте въ своемъ введеніи въ систему католическаго права, разсматривая вопросъ: богословъ или юристъ можетъ быть признанъ болѣе способнымъ къ обработкѣ церковнаго права, и взвѣшивая для этого относительное значеніе богословскаго и юридическаго элемента въ этой наукѣ, высказываетъ слѣдующее мнѣніе: „тѣ догматическія ученія, которыя необходимы юристу для познанія и обработки каноническаго права, почти каждый пріобрѣтаетъ изъ общаго школьнаго образованія, во всякомъ случаѣ легко можетъ усвоить ихъ, не вдаваясь въ спеціальное изученіе богословія, не становясь богословомъ-спеціалистомъ. Иное положеніе богослова, принимающагося за обработку церковнаго права. Такъ какъ оно требуетъ юридическаго знакомства съ пра-

Отношенія науки церковнаго права къ исторіи церкви также опредѣляются юридическими ея задачами и конструкціей. Съ одной стороны связь между двумя науками очевидна. Исторія церковнаго права возможна только въ связи съ общею исторіею церкви, и безъ серьезнаго вниманія къ послѣдней положительно невозможно уразумѣть смыслъ многихъ церковныхъ законовъ. Слѣдить за постепеннымъ развитіемъ церковныхъ правовыхъ учрежденій можно только при помощи исторіи вообще и церковной въ особенности. Чѣмъ глубже наука будетъ входить въ изученіе дѣйствующаго права церквей, тѣмъ болѣе она будетъ погружаться въ исторію какъ церковной, такъ и народной жизни. Особенно важна въ этомъ отношеніи исторія іерархіи церковной, такъ какъ іерархія была органомъ, вырабатывавшимъ право церкви. Слѣдовательно ея внѣшняя организація и положеніе въ извѣстную эпоху, вліянія, какими она была окружена и т. п. необходимо условливали свойство и характеръ законовъ, ею выработанныхъ. Но съ другой стороны юридическая задача науки церковнаго права указываетъ границы, далѣе которыхъ историческій элементъ не можетъ имѣть мѣста въ ней, и обработку, какой должно подвергнуться здѣсь церковно-историческое содержаніе. Такъ большая часть историческаго матеріала совсѣмъ не имѣетъ

вомъ и его развитіемъ во всѣхъ направленіяхъ, то лишь тотъ богословъ будетъ способенъ къ этой работѣ, который обладаетъ юридическимъ образованіемъ. Отсюда происходитъ, что многія сочиненія богослововъ о предметахъ каноническаго права не имѣютъ никакой цѣны, что высшее и низшее духовенство по эту сторону Альпъ вообще мало или ничего не знаетъ о каноническомъ правѣ. Пусть не воображаетъ богословъ, что онъ лучше нежели юристъ способенъ понять и обработать тотъ матеріалъ въ церковномъ правѣ, который имѣетъ свое основаніе въ богословіи. Если основанія (правоваго зданія церкви) поставлены прямо—а они даны (въ христіанскомъ ученіи), просты и не могутъ быть измѣнены богословомъ — то также правильна должна быть и юридическая конструкція. Но какъ вездѣ, такъ и здѣсь необходимо соглашеніе; и юристъ и богословъ пусть идутъ объ руку, не питая вражды, одинъ знакомясь съ богословіемъ, другой изучая право, и пусть не воображаютъ, чтобы одно званіе или санъ дѣлали человѣка свѣдущимъ болѣе, нежели сколько онъ изучалъ.“ Schulte s. 31—32.

отношенія къ праву; наука права мало интересуется исторіей развитія богословскаго ученія, исторіей обрядовъ и богослуженія, исторіей церковныхъ дѣятелей, еще менѣе исторіей внѣшняго распространенія христіанской вѣры; ея вниманіе главнымъ образомъ направлено на исторію церковно-правительственныхъ учрежденій и на отношенія церкви къ политическимъ союзамъ, среди которыхъ она существовала. Но и здѣсь историческое содержаніе не имѣетъ самостоятельнаго значенія и должно подвергнуться новой обработкѣ, согласно съ юридическою задачею науки. Исторія нужна ей для того, чтобы понимать видоизмѣненія въ церковно-юридическихъ институтахъ, какимъ подвергались они вслѣдствіе различныхъ вліяній, отмѣчаемыхъ исторіею, чтобы уразумѣть, какъ и почему сложилось дѣйствующее теперь право въ такихъ, а не другихъ формахъ, чтобы опредѣлить, что въ немъ должно быть отнесено на долю временныхъ, внѣшнихъ и случайныхъ вліяній изъ той или другой исторической эпохи. Такимъ образомъ историческій матеріалъ долженъ подвергнуться въ наукѣ права юридической переработкѣ, а не вноситься въ нее въ своемъ первоначальномъ видѣ, составляя лишній балластъ въ ней.

Чѣмъ болѣе выясняется юридическая задача и конструкція науки церковнаго права, тѣмъ ближе и плодотворнѣе для него становится связь съ основными юридическими науками. Изъ сказаннаго прежде о положеніи церковнаго права въ общей правовой системѣ [20]) видно, что здѣсь можетъ идти рѣчь не о подчиненіи нашей науки принципамъ государственнаго или частнаго права—что равнялось бы отреченію отъ своихъ самостоятельныхъ началъ,—но о приведеніи въ связь церковно-юридическаго содержанія со всѣмъ движеніемъ государственной, общественной и частно-правовой жизни человѣческой,

---

[20]) Смотр. выше, стр. 25—32.

и о примѣненіи къ обработкѣ перваго тѣхъ методовъ, какіе прилагаются къ обработкѣ послѣдняго. Эта связь и взаимодѣйствіе обѣихъ сферъ права признана и поставлена теперь внѣ всякаго сомнѣнія. Такъ при изученіи древняго каноническаго права нельзя обойтись безъ греко-римскаго законодательства. Кромѣ того, что византійское право, при тѣсной связи церковной и государственной жизни въ Византіи, безъ сомнѣнія оказывало вліяніе на образованіе и характеръ нѣкоторыхъ церковныхъ учрежденій, въ немъ, особенно въ Юстиніановомъ законодательствѣ, находится не мало постановленій, прямо относящихся къ церкви и ея положенію въ государствѣ. Изученіе дѣйствующаго законодательства помѣстныхъ церквей находится въ такой тѣсной связи съ государственнымъ правомъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ существуютъ церкви, что разумѣніе многихъ учрежденій и направленія законодательства церковнаго не возможно безъ знанія государственнаго строя. Наша отечественная церковь представляетъ много тому примѣровъ и въ исторіи своего права и въ современномъ его состояніи. Далѣе, по вопросамъ судоустройства и судопроизводства наука церковнаго права входитъ въ не менѣе близкое соприкосновеніе какъ съ общими ученіями процессуальнаго права, такъ и съ дѣйствующими кодексами. Наконецъ обладая собственностію церковь входитъ въ область частнаго права, и ученіе о церковной собственности естественно приводится въ связь съ развитіемъ принциповъ гражданскаго права. Такимъ образомъ между наукою церковнаго права и основными юридическими науками несомнѣнно существуетъ близкая матеріальная связь и гораздо большее сродство по содержанію, нежели напр. съ догматическимъ богословіемъ. Слѣдуетъ желать большаго сближенія въ методахъ обработки, чтобы наука получила болѣе строгую юридическую конструкцію и менѣе была стѣснена въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ не правильнымъ примѣненіемъ къ юридическому матеріалу богословско-догматическихъ воззрѣній.

Систематика церковнаго права.

Наука церковнаго права въ различные періоды своего развитія слѣдовала различнымъ планамъ и системамъ въ расположеніи и обработкѣ церковно-юридическаго матеріала. Попытки классификаціи начинаются съ VI вѣка на Востокѣ, ограничиваясь собираніемъ церковныхъ правилъ изъ разномѣстныхъ и разновременныхъ источниковъ, приведеніемъ ихъ въ порядокъ по предметамъ содержанія и соединеніемъ церковныхъ законовъ съ государственными, относящимися къ церкви. Таково на Востокѣ значеніе сборниковъ Іоанна Схоластика (VI в.), Фотія (IX в.), Михаила Пселла (1070 г.), Арсенія Аѳонскаго (XIII в.), Матѳея Властаря (ок. 1335 г. алфавитный), Константина Арменопула (1345 г.), на Западѣ—сборниковъ Діонисія Малаго (въ концѣ V в.), Мартина Брагскаго (ок. 562 г.), подъ именемъ Исидора Севильскаго (VII в.) и сборниковъ африканскихъ—Фульгенція Ферранда (VI в.) и Кресконія (ок. 690 г.). Цѣль собирателей была практическая—облегчить употребленіе правилъ, потому и труды ихъ не имѣютъ характера научныхъ системъ, гдѣ матеріалъ группировался бы около объединяющихъ общихъ началъ. Попытки научной систематизаціи начались на Западѣ съ XII стол., вмѣстѣ съ общимъ оживленіемъ юриспруденціи. Граціанъ въ своемъ Decretum (ок. 1150 г.) раздѣлилъ весь церковно-юридическій матеріалъ на 3 части: первая трактуетъ о правѣ вообще, о естественномъ и положительномъ церковномъ правѣ и о церковныхъ законахъ, присоединяя къ сему ученіе о церковныхъ лицахъ и должностяхъ; вторая—главнымъ образомъ о церковной власти и о судебномъ процессѣ, съ ученіемъ о покаянной дисциплинѣ; третья—о богослужебныхъ дѣйствіяхъ и учрежденіяхъ. Въ этомъ дѣленіи конечно трудно усмотрѣть какое нибудь единство. Со времени Григорія IX (1227—1241) порядокъ, имъ принятый въ пяти книгахъ его собранія декретовъ (1234 г.), послужилъ образцомъ систематики какъ для преподаванія въ университетахъ, такъ

и для ученыхъ работъ при изложеніи церковнаго права. Все содержаніе его было подведено подъ слѣдующія пять главныхъ категорій: iudex, iudicium, clerus, connubia, crimen и сообразно съ этимъ раздѣлялось на пять отдѣловъ съ различными подраздѣленіями. Очевидно такія рамки произвольны, стѣснительны для систематическаго изложенія права, разрываютъ по частямъ то, что должно находиться въ естественной связи, вообще совершенно внѣшне относятся къ содержанію церковнаго права. Рядомъ съ этою системою въ итальянскихъ университетахъ, подъ вліяніемъ Юстиніановыхъ институцій римскаго права, сложилась другая, по которой весь церковно-юридическій матеріалъ сведенъ былъ къ тремъ категоріямъ: о лицахъ, вещахъ и дѣйствіяхъ. Къ отдѣлу de personis отнесено церковное устройство, de rebus—ученіе о церковной собственности и о богослужебныхъ принадлежностяхъ, наконецъ къ группѣ de actionibus—церковно-судебный процессъ. Такимъ образомъ къ содержанію церковнаго права примѣнена система, основанная на принципахъ частнаго права, противныхъ природѣ церкви и характеру ея законовъ. Эта система долгое время господствовала въ наукѣ послѣ того, какъ были отвергнуты ея основанія и слѣды ея вліянія можно видѣть даже въ современныхъ намъ сочиненіяхъ [21]). Воззрѣнія исторической а потомъ философской школы въ юриспруденціи оказали важное и плодотворное вліяніе на систематику церковнаго права. Прежде всего мысль обращена была на историческое изученіе права церкви; каждый правовой институтъ церковный стали обработывать исторически, слѣдить постепенное его развитіе и видоизмѣненія. Потомъ, что особенно важно, основанія для научной системы церковнаго права, стали искать въ немъ самомъ, въ свойствахъ его содержанія и въ природѣ самой церкви. Рамки, извнѣ заимствованныя и насильственно приложенныя къ невмѣстимому въ нихъ матеріалу, были отброшены. Познакомимся въ краткихъ чертахъ

[21]) Наприм. Rosshirt, Canonisches Recht. 1857 г.

съ нѣкоторыми изъ современныхъ пріемовъ научной систематизаціи церковнаго права, обнаруживающихъ стремленіе свести содержаніе права къ единству.

Рихтеръ (проф. Берлинскаго университета) въ своемъ учебникѣ церковнаго права, исходя изъ понятія о церкви какъ учрежденіи съ опредѣленнымъ порядкомъ, въ ея устройствѣ, управленіи и церковной жизни указываетъ главныя части права, присоединяя къ нимъ ученіе о церковной собственности, какъ суммѣ средствъ для внѣшняго и временнаго ея существованія. Согласно съ этимъ взглядомъ систему науки онъ начертываетъ въ слѣдующихъ формахъ. Введеніемъ въ нее служитъ исторія церковнаго права, какъ внутренняя т. е. исторія устройства церкви (куда включается и исторія отношеній церкви къ государству и другимъ церковнымъ обществамъ) такъ и внѣшняя т. е. исторія источниковъ права и ихъ критика. Затѣмъ, подъ именемъ общаго ученія, послѣ новаго обозрѣнія источниковъ права со стороны ихъ значенія и употребленія въ дѣйствующемъ правѣ, излагаются главныя и общія основанія права и устройства церкви и ея отношеній къ политическимъ и другимъ религіознымъ союзамъ. Въ 3-й и 4-й книгахъ подробное ученіе объ устройствѣ и управленіи; въ 5-й ученіе о церковной жизни т. е. о богослуженіи, въ особенности о таинствахъ и объ особенныхъ формахъ и учрежденіяхъ для религіозной жизни и воспитанія, напр. монашествѣ; наконецъ въ 6-й книгѣ—правовыя опредѣленія относящіяся къ церковной собственности [22]).

Вальтеръ въ основаніе своей системы полагаетъ двоякую точку зрѣнія на церковь. Съ одной стороны церковь можетъ быть разсматриваема какъ цѣлое, какъ организмъ, посредствомъ котораго сохраняется и сообщается отдѣльнымъ членамъ ученіе и жизнь христіанства; съ другой—можетъ подлежать разсмотрѣнію все то, что должны дѣлать отдѣльные члены для того, чтобы быть соучастниками этой жизни и соединен-

[22]) Richter, Lehrbuch d. Kath. u. Evang. K. Rechts 1858 г. § 6.

ныхъ съ нею обѣтованій. Къ этому присоединяются отношенія церкви къ государству и вліяніе, какое она имѣла на развитіе свѣтскаго права. Изъ совокупности всего этого у Вальтера создается такой порядокъ системы: въ 1-й книгѣ излагаются общія основанія права церкви (католической, восточной и протестантской) и отношенія церкви къ государству и различныхъ церквей между собою; во 2-й—источники права, ихъ внѣшняя литтературная исторія и практическое употребленіе и значеніе въ дѣйствующемъ правѣ. Слѣдующія четыре книги разсматриваютъ право церкви какъ цѣлаго, именно: ученіе о церковномъ устройствѣ, или правительственныхъ лицахъ (3-я книга), о предметахъ церковнаго управленія (4-я кн.); о церковныхъ должностяхъ (5 я кн. эта часть очевидно сливается съ третьею, какъ сознавалъ и самъ Вальтеръ) и о церковномъ имуществѣ (6-я кн.) 7-я книга излагаетъ ученіе о церковной жизни отдѣльныхъ членовъ церкви; наконецъ 8-я представляетъ очеркъ вліянія церкви, ея духа и жизни на развитіе свѣтскаго права. По всѣмъ этимъ отдѣламъ излагается параллельно право католической и восточной церкви и протестантскихъ обществъ [23]).

Филлипсъ, отзываясь съ похвалою о системѣ Вальтера и особенно Рихтера, находитъ однакоже, что ни тотъ ни другой не выдержали основной идеи, что «церковное право заключаетъ въ себѣ самомъ свою систему» т.-е. должно быть точнымъ и вѣрнымъ воспроизведеніемъ и выраженіемъ идеи церкви. Но его собственная попытка основать систему права прямо на духовной природѣ и характерѣ церкви и на божественной Личности ея Основателя, представляя, повидимому, больше внѣшней стройности, имѣетъ мало научнаго значенія для права, и повредила ученому характеру и достоинству его обширнаго и важнаго труда, который, по нашему мнѣнію, выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы изъ него вычеркнуто было все, что навѣяно исключительно теологи-

[23]) Walter, Lehrbuch d. K. Rechts aller christl. Confessionen 1856 стр. 6.

ческою точкою зрѣнія. Вотъ въ краткихъ чертахъ основанія его системы: «I. Христосъ есть глава церкви и Его лице, будучи жизнію для церкви, тѣмъ самымъ, въ отношеніи къ церковному праву составляетъ центръ, около котораго все должно вращаться и въ немъ все сходиться. Какія же изъ свойствъ Спасителя преимущественно должны подлежать разсмотрѣнію съ точки зрѣнія церковнаго права? Слѣдующія: 1) I. Христосъ есть царь; церковь есть Его царство. 2) I. Христосъ есть учитель, онъ имѣетъ глаголы жизни вѣчной (Іоан. VI, 68); церковь есть Его школа. 3) I. Христосъ есть первосвященникъ Новаго Завѣта по чину Мельхиседекову (Евр. VI, 20); церковь есть Его храмъ. Съ этими тремя свойствами I. Христа находятся въ связи три власти, которыми облечена Его церковь: управленіе (iurisdictio) ученіе (magisterium) священство (ordo, ministerium). Эти три божественныя власти служатъ естественнымъ основаніемъ для систематической классификаціи церковнаго права, которое, посему, раздѣляется на три главныя части: ученіе о церкви какъ царствѣ Христовомъ т.-е. о церковномъ правительствѣ въ различныхъ его степеняхъ (приматъ, патріархаты, экзархаты и т. д,); ученіе о церкви, какъ школѣ, въ которой Христосъ есть учитель (сюда принадлежатъ всѣ учрежденія для религіознаго обученія и мѣры противъ ересей и расколовъ); ученіе о церкви, какъ храмѣ Христовомъ (сюда входитъ все богослуженіе) [24]. Съ точки зрѣнія этихъ трехъ властей Филлипсъ предположилъ обозрѣть все содержаніе и права церковнаго, хотя при выполненіи этого плана въ сочиненіи, растянувшемся на много лѣтъ и доселѣ еще не оконченномъ, высказанныя въ началѣ идеи остались безъ вліянія на ходъ работы, такъ что въ послѣднихъ томахъ съ трудомъ можно отыскать какіе-либо ясные слѣды ихъ. При всемъ уваженіи къ труду Филлипса, мы не можемъ не замѣтить, что своими достоинствами онъ

[24]) Цитуемъ по франц. переводному изданію: Du Droit Ecclésiastique dans ses principes généraux 1855 г. Т. I. стр. 39—44.

всего менѣе обязанъ принципамъ вышеизложенной системы. Взятая прямо изъ богословія она не содержитъ въ себѣ никакихъ юридическихъ началъ и не можетъ служить основаніемъ для юридической конструкціи. По нашему мнѣнію странно разсматривать какое-либо изъ личныхъ свойствъ І. Христа съ юридической точки зрѣнія. Изъ того, что І. Христосъ есть царь нельзя юридически вывести ни одной изъ существующихъ формъ церковнаго правительства, потому что царство Христа со всѣмъ не юридическаго свойства, оно не отъ міра сего. Такое смѣшеніе богословскихъ понятій съ юридическими можетъ повести только къ вреднымъ въ жизни и наукѣ иллюзіямъ въ родѣ той, что папа есть представитель, намѣстникъ І. Христа—царь во всемъ христіанскомъ мірѣ, епископъ есть представитель или образъ Его въ епархіи и тому подобнымъ олицетвореніямъ, неимѣющимъ мѣста въ правѣ, изучающемъ дѣйствительную жизнь и юридическія въ ней отношенія. Что годится въ богословской системѣ, какъ разсудочный пріемъ для связности обозрѣнія богословскаго содержанія, то оказывается вовсе не пригоднымъ для права, имѣющаго дѣло только съ тѣмъ, что подлежитъ по своей природѣ юридическому опредѣленію и анализу. Съ этой точки зрѣнія ни одно изъ личныхъ свойствъ І. Христа и ни одно изъ духовныхъ свойствъ Его церкви не доступны праву, составляютъ область вѣры и богословскаго знанія. Трудъ Филлипса есть любопытный образецъ построенія системы права на основаніяхъ не юридическихъ и смѣшенія началъ богословскихъ съ правовыми. Онъ имѣетъ одну внѣшнюю стройность безъ внутренняго единства.

Профессоръ Фрейбургскаго университета *Буссъ* въ своемъ сочиненіи «Die Methodologie des Kirchenrechts» представляетъ планъ построенія системы на широкихъ-философско-историческихъ и юридическихъ началахъ, въ строго церковномъ духѣ и направленіи. Попытка вызвана стремленіемъ дать церковному праву научную самостоятельность и освободить его отъ по-

рабощенія произвольнымъ юридическимъ и государственнымъ теоріямъ.. Хотя мы не можемъ судить, насколько удобенъ оказался бы предлагаемый планъ въ примѣненіи къ дѣлу, но онъ самъ по себѣ, широтою и научностію своихъ основаній, заслуживаетъ вниманія, особенно при скудости методологическихъ изслѣдованій въ литературѣ церковнаго права. Такъ какъ построеніе сообразной съ содержаніемъ и вполнѣ правильной системы, по нашему мнѣнію, есть одна изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ науки, и совершенная система была бы вѣнцомъ науки, то не можетъ быть лишена значенія всякая серьезная попытка ея построенія. Отсылая къ самому сочиненію Бусса для подробнаго знакомства съ основаніями и частнѣйшимъ развитіемъ плана системы, мы ограничимся возможно краткимъ очеркомъ ея. Буссъ раздѣляетъ всю систему церковнаго права на четыре главныя части: 1) *Основная*—въ ней должны быть разсмотрѣны по 4-мъ отдѣламъ слѣдующія стороны: 1) религія въ своей сущности; церковь сама въ себѣ; правильныя (нормальныя) отношенія между церковію и государствомъ; правильныя отношенія церквей между собою (принципіальная часть) 2) Философія положительнаго христіанскаго церковнаго права по отдѣльнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Здѣсь разрѣшаются тѣже четыре вопроса только съ вѣроисповѣдныхъ точекъ зрѣнія. 3) Методологія и систематика церковнаго права 4) органическая статистика церковно-правовой литературы (отдѣлъ прикладной къ предыдущему), гдѣ литература науки въ настоящемъ ея положеніи должна явиться какъ resumé, какъ выводъ изъ всѣхъ методологическихъ и систематическихъ процессовъ, какіе проходила въ разныя эпохи науки церковнаго права (стр. 155—157). Часть II *историческая* — въ ней также въ 4-хъ отдѣлахъ должны быть представлены: 1) какъ результатъ изъ синхронистическаго обозрѣнія каждаго періода, основное направленіе (духъ) церковной жизни въ существенныхъ характеристическихъ чертахъ; 2) исторія церковнаго устройства, (основаніемъ для него служитъ цѣль церкви, указанная ея

Основателемъ), т.-е. исторія правительства въ субъективномъ (т.-е. какъ состава правительственныхъ лицъ и средствъ) и въ объективномъ (т.-е. примѣненія этихъ средствъ къ достиженію цѣлей церкви) смыслѣ. Опредѣленіе главныхъ направленій и важнѣйшихъ сферъ дѣятельности церковной власти и ея компетентности составляетъ право управленія (Kirchenregierungsrecht), которое имѣетъ свою исторію. Наконецъ примѣненіе дѣятельности церковной власти въ отдѣльныхъ сферахъ къ лицамъ и отношеніямъ составляетъ церковную администрацію (Verwaltung), которая также имѣетъ свою исторію. 3) Исторія церковнаго законодательства, гдѣ должно быть представлено, въ какихъ формахъ и подъ какими условіями церковное законодательство развивалось въ разные періоды, и какіе памятники оно создало и оставило — это формальная, или внѣшняя исторія права; содержаніе этихъ памятниковъ или внутренняя матеріальная исторія права, по методологическимъ требованіямъ, должна быть отнесена съ догматической части науки. 4) Литтературная исторія церковнаго права, или исторія образованія и развитія науки (стр. 158—164). Часть III *догматическая*, въ которой содержатся четыре отдѣла: 1) церковное устройство, подъ которымъ Буссъ разумѣетъ основной порядокъ церковной жизни и вытекающія отсюда права и обязанности, связанныя съ существомъ церкви и религіозными потребностями человѣка [25]), 2) церковное правительство, куда входитъ ученіе объ органахъ церковной власти, церковныхъ должностяхъ, ихъ организаціи и отношеніяхъ; 3) церковное управленіе, или совокупность правовыхъ нормъ для дѣятельности власти учащей, освящающей и управляющей въ отношеніи какъ къ цѣлой церкви,

---

[25]) Изъ сочиненія Бусса см. стр. 172, трудно понять, въ чемъ должно заключаться содержаніе этой части, поставленной отдѣльно отъ 1 и 2 отдѣла основной части и 2 отдѣла догматической, — при которомъ содержаніи они должны слиться. Тоже слѣдуетъ замѣтить о 4 отдѣлѣ исторической части, и 4 отдѣла основной части. Неясно также содержаніе и отношеніе къ наукѣ церковнаго права перваго отдѣла исторической части.

такъ и къ отдѣльнымъ ея членамъ [26]). 4) Право церкви на воздѣйствіе на свѣтскую жизнь (часть прикладная), примѣняемое къ слѣдующимъ сферамъ человѣческой культуры: а) хозяйственной, б) народнаго здравія, в) государственно-правовой. г) учебно-воспитательной и д) нравственной (стр. 164—179). Часть IV *практическая*—это собственно церковная политика, или наука, предлагающая практическое руководство для церковнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ (для руководства по другимъ сторонамъ церковной жизнисуществуютъ особыя науки, по своему содержанію относящіяся къ богословскимъ дисциплинамъ напр. для учительства церковнаго—гомилетика и катехетика; для священнодѣйствія—литургика). Эта часть науки, основанная на идеѣ цѣлесообразности, касается четырехъ главныхъ функцій управленія церковнаго: законодательства, организаціи управленія, судовъ и судопроизводства и исполнительной администраціи (стр. 180). Вотъ планъ системы Буса. На нашъ взглядъ, несмотря на нѣкоторую запутанность и неясность въ подробностяхъ и, быть-можетъ, излишнее усложненіе и раздробленность отдѣловъ, онъ въ главныхъ своихъ частяхъ имѣетъ несомнѣнныя научныя достоинства; система по нему построенная обнимала бы предметъ со всѣхъ сторонъ и не была бы лишена внутренняго единства и стройности.

Въ заключеніе остановимся еще на планѣ системы, предложенномъ и выполненномъ извѣстнымъ *проф. Шульте* въ его сочиненіи «System des allgemeinen Katholischen Kirchenrechts (стр. 79—96). Онъ заслуживаетъ вниманія особенно по преобладающему во всей системѣ стремленію сообщить содержанію науки возможно полную юридическую конструкцію,

---

[26]) Частнѣйшіе пріемы при обработкѣ содержанія этой важнѣйшей изъ частей, Буссъ указываетъ слѣдующіе: а) опредѣленіе идеи каждаго института, б) внутреннее историко-юридическое развитіе его, в) догматика института по внѣшней и внутренней системѣ церковнаго права, сначала общей, потомъ сравнительной по вѣроисповѣданіямъ, г) модификація общаго посредствомъ частныхъ церковно-государственныхъ опредѣленій.

сдѣлать юридическую точку зрѣнія въ ней преобладающею и очистить ея содержаніе отъ всѣхъ несродныхъ праву историческихъ, теологическихъ и другихъ матерій, которыя обременяютъ науку и подавляютъ въ ней главный елементъ-юридическій. Слѣдующія положенія Шульте ставитъ основными и руководящими при научной обработкѣ церковнаго права: 1) взглядъ, по которому церковное право разсматривается какъ часть богословія, основывается на незнаніи сущности и значенія науки; 2) для основательной его разработки необходимо серьезное юридическое образованіе, именно (для католическаго права) изученіе римскаго и нѣмецкаго права и мѣстныхъ законодательствъ отдѣльныхъ государствъ; 3) было бы весьма ошибочно примѣнять къ праву церкви систему взятую изъ какой-нибудь другой отрасли юриспруденціи, напр. государственнаго, или частнаго права; 4) построенная на богословскихъ началахъ система ведетъ за собою смѣшеніе разнородныхъ елементовъ теологіи и права, для богословія слишкомъ юридическое, для права слишкомъ богословское, и была бы для науки вообще шагомъ назадъ. Система церковнаго права должна быть развита изъ него самого. Хотя объектъ его есть нѣчто религіозное въ своихъ высшихъ основаніяхъ, нѣчто относящееся къ вѣрѣ и нравственности, но мы постоянно имѣемъ дѣло только съ правовою его стороною, почему и обработка его должна быть юридическая (стр. 83).

Съ этой точки зрѣнія Шульте развиваетъ слѣдующій планъ научной системы: послѣ введенія, въ которомъ должны быть раскрыты предварительныя понятія о церкви, ея правѣ, его задачахъ, системѣ и т. д., слѣдуетъ: 1) ученіе объ источникахъ церковнаго права въ трехъ отдѣлахъ: а) о матеріальныхъ источникахъ (откровеніе, положительный законъ, обычай и т. д.) б) о формальныхъ источникахъ (собраніяхъ правилъ и кодексахъ законовъ) в) исторія (литературная) науки права. II. Догма церковнаго права (или матеріальная его часть), которая сообразно съ положеніемъ и отношеніями церкви распадается на двѣ обширныя части: А) право церкви, какъ

цѣлаго, самостоятельнаго организма, или *публичное* (въ смыслѣ параллельнаго съ другимъ публичнымъ—государственнымъ правомъ) *право церкви*. Въ этой сферѣ церковь является и дѣйствуетъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ: какъ организмъ, имѣющій свою внутреннюю законченность и полноту, свое устройство, управленіе и жизнь, и съ другой стороны какъ общественный союзъ, вступающій въ правовыя отношенія съ другими человѣческими обществами. На этомъ основаніи публичное право церкви распадается на два обширные отдѣла: *право внутреннее*, куда входятъ ученія о церковной власти, іерархіи, какъ представительницѣ этой власти, ея разчлененіи и внутренней организаціи, о руководствѣ церкви чрезъ іерархію, посредствомъ должностныхъ лицъ и другихъ служебныхъ учрежденій, о чрезвычайныхъ средствахъ управленія и о важнѣйшихъ его функціяхъ (надзоръ, судъ) [27]),—и *право внѣшнее*, гдѣ должны быть разсмотрѣны отношенія церкви къ правовымъ субъектамъ, стоящимъ подлѣ нея, и прежде всего къ государству, потомъ къ церковнымъ обществамъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, къ сектамъ и расколамъ и наконецъ къ нехристіанамъ. Въ этой части системы, говоритъ Шульте, предметомъ изученія служитъ церковь какъ цѣлое, какъ организмъ правовыхъ институтовъ и именно въ собственной своей сферѣ, внутри которой она призвана осуществлять свое предназначеніе. Церковь выступаетъ здѣсь не какъ личность (person),

---

[27]) Руководству религіозно-нравственной жизни членовъ церкви чрезъ іерархію Шульте даетъ мало мѣста въ наукѣ церковнаго права; богослуженіе съ его порядкомъ, преподаніе таинствъ совсѣмъ не входятъ въ кругъ ея системы; только по поводу ихъ разъясняются нѣкоторые вопросы, имѣющіе отношеніе къ праву, Шульте упрекаетъ большинство новыхъ учебниковъ церковнаго права за внесеніе разнообразныхъ литургическихъ, догматическихъ и нравственныхъ матерій и говоритъ, что кромѣ ненаучности такой пріемъ практически безплоденъ. Если ограничиваться по этимъ вопросамъ извлеченіями изъ богословскихъ сочиненій, то это будетъ безполезный трудъ; если обрабатывать ихъ подробно и самостоятельно, тогда это будетъ отклоненіемъ отъ дѣла въ ущербъ юридическому содержанію. Потому всего правильнѣе ограничиться тѣмъ, что принадлежитъ собственно праву и его разрабатывать (стр. 87).

но болѣе какъ учрежденіе, установленное для религіозныхъ цѣлей человѣчества и управляемое твердыми законами, какъ общество, civitas Dei. Но подлѣ публичнаго права церкви стоитъ B), *право частное* [28]), распадающееся на два отдѣла: 1) *частное право церкви* какъ цѣлаго общественнаго союза, какъ нравственнаго лица, содержащаго въ себѣ извѣстное количество лицъ физическихъ. Основаніемъ такой постановки его въ системѣ служатъ слѣдующія соображенія: дѣятельность церкви не ограничивается тѣмъ, чтобы въ своей области осуществлять свои цѣли специфическими, для того данными ей средствами. Въ стремленіи къ этой цѣли она необходимо обнимаетъ и свѣтскія отношенія; она въ мірѣ, служители ея суть люди съ человѣческими потребностями; сама она для достиженія своихъ цѣлей нуждается въ матеріальныхъ благахъ. Такимъ образомъ она необходимо должна войдти въ область чисто-свѣтскаго имущественнаго права. Являются въ ней отдѣльные институты, какъ юридическія лица, вообще аналогическія съ другими юридическими и нравственными лицами. Но значеніе и цѣль церкви, исторія и назначеніе ея имуществъ, право церкви установлять и въ этой сферѣ правовыя нормы, особенныя отношенія государства къ церкви по этому предмету—все это необходимо ведетъ за собою особое имущественное право, въ которомъ отдѣльные индивидумы и институты разсматриваются по скольку они суть церковные и занимаютъ опредѣленное положеніе въ частномъ правѣ церкви. 2) *Частное право въ церкви* или церковныя права и обязанности отдѣльныхъ лицъ, какъ таковыхъ. Въ публичномъ правѣ разсматриваются права и обязанности лицъ церковныхъ, насколько они принадлежатъ къ іерархіи, участвуютъ въ церковномъ правительствѣ. Но независимо отъ этого лицу, какъ члену церкви и всему состоянію вѣрующихъ принадлежитъ опредѣленный кругъ правъ и обязанностей по-

---

[28]) При дѣленіи права церковнаго на публичное и частное не нужно опускать изъ виду того, что было уже нами замѣчено касательно смысла и значенія такихъ названій. См. стр. 32

тому уже, что они суть церковныя лица, члены церкви. На сколько эти права и обязанности относятся къ внутреннему человѣку, наука права не входитъ и не можетъ входить въ ихъ разсмотрѣніе; но насколько исполненіе ихъ подлежитъ внѣшнему принужденію и влечетъ за собою внѣшнія послѣдствія, они составляютъ правовыя обязанности. Въ отличіе отъ предшествующаго отдѣла, гдѣ хотя разсматривается право, принадлежащее церкви, но не она сама служитъ главнымъ его источникомъ, этотъ отдѣлъ названъ у Шульте частнымъ правомъ *въ церкви*, поелику исходитъ изъ нее, нормируется и охраняется ея законами. Сюда входятъ условія для пріобрѣтенія церковныхъ правъ вообще, сущность правъ и обязанностей отдѣльныхъ церковныхъ лицъ (въ особенности ученіе о брачномъ правѣ), участіе отдѣльныхъ лицъ и корпорацій въ церковномъ управленіи [29]) и наконецъ права церковныхъ корпорацій, напр. монашества съ своими учрежденіями, поскольку достиженіе общихъ церковныхъ цѣлей можетъ совершаться не только въ отдѣльности каждымъ индивидумомъ, но исоюзами, цѣлою совокупностью лицъ внутри церкви, какъ великаго и всеобъемлющаго цѣлаго. Шульте выдѣляетъ такіе

---

[29]) Заслуживаетъ вниманія основаніе, по которому Шульте участію отдѣльныхъ лицъ и корпорацій въ церковной юрисдикціи указываетъ мѣсто въ области частнаго права въ церкви, а не публичнаго. Публичная церковная правоспособность, по взгляду Шульте, основывается исключительно на принадлежности къ церковной іерархіи, на положеніи занимаемомъ въ ней членами церкви. Внѣ этого положенія отдѣльному лицу, по самой природѣ человѣческихъ отношеній, можетъ принадлежать опредѣленное, прямое или непрямое вліяніе на отношенія, стоящія выше его личной правовой сферы напр. на управленіе церкви, на замѣщеніе церковныхъ должностей (напр. въ римской церкви въ силу патрональнаго права) и т. п. Но всѣ такія права, принадлежащія мірянину, или клирику, но не вытекающія изъ іерархическаго положенія его, не основанныя на немъ, подходятъ подъ точку зрѣнія частнаго права въ церкви и условливаются частною церковною правоспособностію лица. Будетъ ли такой правомощный индивидумъ лицо физическое или юридическое — это не производитъ никакого измѣненія въ сущности права. Оно есть только высшій предѣлъ проявленія правъ частнаго лица въ отношеніи къ предметамъ публичнаго церковнаго права.

союзы изъ публичнаго права потому, что они не принадлежатъ къ іерархіи, не основываются на ней и могутъ состоять какъ изъ членовъ клира, такъ и изъ мірянъ [30]).

Планъ системы Шульте, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ удовлетворителенъ въ научномъ отношеніи. Одно изъ главныхъ его достоинствъ заключается въ стремленіи дать надлежащее значеніе юридической точкѣ зрѣнія въ наукѣ церковнаго права и очистить ея содержаніе отъ матерій, неимѣющихъ съ правомъ ничего общаго. Только то, что имѣетъ въ себѣ правовой елементъ, служитъ основаніемъ для права и само можетъ быть юридически обосновано—только это можетъ имѣть мѣсто въ наукѣ права. Посему даже для тѣхъ ученій, которыя заимствуются въ право изъ богословія, должна быть указана юридическая основа, и онѣ должны быть обработаны съ правовой точки зрѣнія; иначе они всегда останутся чуждыми праву, безъ всякаго значенія въ немъ. Укажемъ одинъ примѣръ: въ богословіи значеніе постановленій вселенскихъ соборовъ основывается на томъ, что чрезъ нихъ глаголалъ Духъ Святый, авторитетъ соборовъ заключается въ томъ, что они постановляли такъ, какъ изволися Духу Святому. Это основаніе, какъ бы ни возвышенно было оно въ богословскомъ отношеніи, остается не уловимымъ для науки права, остановившись на немъ наука пресѣкала бы для себя возможность и надобность въ какихъ-либо изслѣдованіяхъ. Посему, разсматривая въ своей сферѣ и съ своей точки зрѣнія соборныя постановленія, наука права указываетъ для ихъ авторитета другое основаніе въ общемъ признаніи ихъ церковію, въ томъ, что они служили выраженіемъ общаго голоса и разума церкви. Съ этой точки зрѣнія наука можетъ и

---

[30]) Въ третьей части своей системы, доселѣ еще неизданной, Шульте предположилъ раскрыть вліяніе права церкви на историческое развитіе различныхъ отраслей права христіанскихъ народовъ и современную его миссію, нераздѣльную съ миссіею церкви, въ политико-соціальныхъ отношеніяхъ. См. стр. 95.

должна разсматривать и изслѣдовать условія, необходимыя для правильныхъ соборовъ, формы соборной дѣятельности, значеніе соборныхъ постановленій въ дѣйствующемъ правѣ и т. д. Посему все, что имѣетъ свое основаніе въ области чистой вѣры и нравственности, что не можетъ быть уловлено, анализировано и воплощено въ юридическія формы, то непринадлежитъ къ области права, и юридической наукѣ нечего дѣлать съ этимъ матеріаломъ.

Признавая такую точку зрѣнія правильною въ научномъ отношеніи, мы и во многихъ подробностяхъ отдаемъ преимущество плану Шульте предъ другими и будемъ держаться общей его конструкціи настолько, насколько позволяетъ особенность нашего научнаго матеріала (Шульте вовсе не имѣлъ въ виду права древней вселенской и восточныхъ церквей) и нѣкоторыя практическія потребности, которыми должно было въ различныхъ отношеніяхъ опредѣляться развитіе и направленіе нашего курса.

Сообразно съ указанными выше [31]) задачами науки церковнаго права, полная ея система должна была бы состоять изъ трехъ обширныхъ частей. Первая должна содержать въ первомъ изъ своихъ отдѣловъ внѣшнюю исторію церковнаго права, т.-е. исторію и критику источниковъ (памятниковъ) каноническаго законодательства, ихъ постепеннаго состава и образованія; во второмъ отдѣлѣ — внутреннюю исторію права, т.-е. исторію развитія и видоизмѣненій различныхъ церковноправовыхъ учрежденій и институтовъ, со времени ихъ возникновенія въ церкви. Вторая часть должна представить систему основныхъ, общихъ законовъ церковнаго устройства, управленія и жизни, независимо отъ тѣхъ формъ, въ какихъ онѣ развиваются теперь въ тѣхъ или другихъ частныхъ церквахъ. Въ третьей — изложеніе дѣйствующаго права важнѣйшихъ церквей, въ современномъ его состояніи. Такимъ образомъ

[31]) См. стр. 33.

первая часть представила бы исторію церковнаго права, вторая — теорію его т.-е. общія основанія права, извлеченныя конечно не изъ абстрактныхъ началъ разума, но изъ анализа и синтеза общихъ и главныхъ каноническихъ принциповъ, положенныхъ въ основаніе древняго церковнаго канона какъ руководственнаго источника; наконецъ третья — практику современнаго дѣйствующаго права церквей. Въ нашемъ курсѣ для первой части не предполагается особаго мѣста: 1) потому, что внѣшняя исторія древняго основнаго канона сравнительно болѣе разработана и въ нашей литературѣ, какъ со стороны внѣшняго его состава, такъ и екзегетически [32]). Посему мы считаемъ достаточнымъ въ сжатомъ видѣ (во 2 главѣ введенія въ науку) указать и разобрать важнѣйшіе особенно каноническіе источники права. Что касается позднѣйшихъ церковныхъ памятниковъ византійскаго законодательства не вошедшихъ въ канонъ, то они мало имѣютъ значенія для современнаго положительнаго права и вообще относятся болѣе къ обрядности церковной, нежели къ праву [33]). Что касается внутренней исторіи права, историческаго развитія институтовъ и учрежденій церковно-правительственныхъ, то для избѣжанія повтореній, замѣчаемыхъ въ иностранныхъ курсахъ, ставящихъ эту часть особо отъ догмы права, мы находимъ болѣе удоб-

---

[32]) Почтенный въ этомъ отношеніи и единственный у насъ трудъ, къ сожалѣнію не оконченный, представляетъ: „Курсъ церковнаго Законовѣденія“ епископа Іоанна, два выпуска котораго посвящены толкованію правилъ церковнаго канона въ связи съ исторіей и практикой древней церкви. Главными руководствами для автора при контроверсахъ служили восточные средневѣковые комментаторы, особенно Вальсамонъ (XII в.). Въ новой нѣмецкой литературѣ весьма полезное и въ научномъ отношеніи авторитетное сочиненіе— Hefele Conciliengeschichte (для древняго канона три первые тома) гдѣ вмѣстѣ съ весьма обстоятельною исторіею соборовъ помѣщены и толкованія филологическія, критическія и историческія на ихъ правила.

[33]) Ближе къ праву относящіяся постановленія (синодскія мнѣнія, каноническіе отвѣты и покаянныя правила восточныхъ патріарховъ и епископовъ) изъ поздняго (съ X в.) періода, касающіяся вопросовъ брачнаго права, имѣютъ по большей части одно историческое значеніе.

нымъ въ самой системѣ предварятъ анализъ сущности каждаго института исторіею его происхожденія и развитія. Такимъ образомъ нашъ курсъ будетъ состоять изъ двухъ главныхъ частей: *первая* должна представить общія основанія церковнаго устройства и управленія, или систему общаго права церкви, какъ публичнаго, такъ и частнаго, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Этой части, мы думаемъ, всего точнѣе будетъ соотвѣтствовать названіе *каноническаго* [34]) *права церкви*, такъ какъ съ одной стороны главный источникъ, изъ котораго она должна черпать свои основанія и весь юридическій матеріалъ, есть древній церковный кабонъ, объясняемый древнею практикою жизни; съ другой — главная ея задача должна состоять въ томъ, чтобы представить въ цѣломъ точный образъ древняго законодательства церкви по духу и сущности, такъ сказать воспроизвести каноническій типъ церкви; отвлекая отъ него временныя, случайныя и мѣстныя черты, условныя формы. Вторая часть (въ нѣсколькихъ отдѣлахъ) будетъ содержать изложеніе и анализъ существующихъ формъ устройства, управленія и жизни важнѣйшихъ христіанскихъ церквей, дѣйствующее ихъ право, въ связи съ догматическими принципами каждой. Само собою разумѣется, что русскому церковному праву должно быть отведено между ними главное мѣсто, хотя нельзя не замѣтить, что за отсутствіемъ всякаго свода или кодекса дѣйствующихъ церковныхъ законовъ и всякой попытки къ систематическому съ юридической точки построенію ихъ; такая работа даже въ первичныхъ своихъ формахъ представляетъ трудности, почти неизвѣстныя для занимающихся нашимъ гражданскимъ и уголовнымъ правомъ.

---

[34]) О значеніи этого техническаго названія по разумѣнію нашей церкви см. выше стр. 24. Въ этомъ смыслѣ мы употребляемъ его здѣсь.

Глава II. Источники права церкви и церковнаго законовѣденія.

Въ юриспруденціи различаются источники права отъ источниковъ познанія его. Первыми называются причины, производящія право, источныя его начала. Такою причиною можетъ быть очевидно только разумная, правоопредѣляющая творческая воля, воплощенная въ томъ или другомъ субъектѣ. Послѣдними называются тѣ внѣшнія историческія формы или факты, въ которыхъ и посредствомъ которыхъ проявилъ и проявляетъ свою волю правоопредѣляющій авторитетъ. Первые называются внутренними, матеріальными источниками или основаніями права, вторые—внѣшними, формальными. Въ церковномъ правѣ источниками перваго рода признаются 1) божественная воля Основателя церкви, выраженная Имъ Самимъ, или Его ближайшими учениками; право, непосредственно на ней основанное, называется божественнымъ правомъ. Проявленіемъ ея служитъ священное Писаніе, которое и составляетъ источникъ познанія божественнаго права; 2) жизнь и практика церкви, въ которой непосредственно въ дѣйствіи и употребленіи выражалось и выражается правовое сознаніе и воля церкви; воплощеніемъ его служитъ церковное преданіе и церковный обычай; 3) воля церкви, воплощаемая въ установленной власти; выраженіемъ ея служитъ церковное законодательство,—и наконецъ 4) верховная государственная власть съ своимъ законодательствомъ по внѣшнему правовому положенію церкви и ея отношеніямъ. Кромѣ того въ наукѣ церковнаго права его источники различаются еще по своему внутреннему значенію и авторитету 1) на первоначальные или основные, общіе для всѣхъ христіанскихъ церквей, называемые также *каноническими;* 2) на историческіе, дѣйствовавшіе въ извѣстные періоды времени, но теперь имѣющіе главнымъ образомъ научное значеніе; 3) практическіе, въ которыхъ заключается дѣйствующее право част-

ныхъ церквей. Въ предварительномъ введеніи въ науку—мы должны ограничиться только разсмотрѣніемъ формальныхъ источниковъ, такъ какъ теорія церковнаго правообразованія, органы его и условія, въ которыхъ они дѣйствуютъ творя право, должны имѣть мѣсто въ ученіи о законодательной дѣятельности церковной власти. Разсмотримъ съ юридической точки зрѣнія каждый изъ вышеупомянутыхъ источниковъ права и церковнаго законовѣденія по тремъ сейчасъ указаннымъ разрядамъ [35]).

Источники каноническіе.

1. Божественное право (ius divinum).

Въ наукѣ церковнаго права не много вопросовъ, которые имѣли бы такую первостепенную важность, какъ вопросъ о божественномъ правѣ. Съ другой стороны такъ же мало вопросовъ, которые были бы такъ спорны, на рѣшеніе которыхъ въ такой сильной степени повліяли бы вѣроисповѣдныя разности. Въ составъ этого общаго вопроса входятъ слѣдующіе

---

[35]) Мы приняли это раздѣленіе источниковъ на три разряда для удобства изложенія, хотя нельзя не замѣтить, что основанія, на которыхъ оно обыкновенно утверждается, т. е. внутреннее значеніе, сила дѣйствія и общій авторитетъ однихъ источниковъ въ противоположность другимъ частнымъ (см. Опытъ курса церк. закон. архим. Іоанна. Т. I, 23), не могутъ быть проведены и поддержаны съ научною строгостію. Ниже мы сами увидимъ, что многое въ основныхъ, главныхъ и общихъ источникахъ или не признается всѣми христіанскими церквами, или гдѣ и признается въ принципѣ, то не дѣйствуетъ въ практикѣ. Практическіе источники во многомъ отступаютъ отъ основныхъ и по силѣ дѣйствія и значенію становятся на ихъ мѣсто и заслоняютъ собою Такимъ образомъ многое изъ содержанія основныхъ источниковъ силою жизни и, дѣйствіемъ послѣдующаго церковнаго законодательства, перешло въ исторію. Съ измѣненіемъ отношеній между источниками должны были видоизмѣниться и понятія о ихъ свойствахъ и значеніи. Послѣдующее изложеніе между прочимъ имѣетъ въ виду—показать и уяснить болѣе точныя и соотвѣтствующія дѣйствительному положенію права церковнаго соотношенія между различными источниками. Хотя рѣшеніе подобныхъ вопросовъ есть задача собственно законодательства, но и наука не можетъ обходить ихъ общими фразами и оставлять безъ всякихъ съ своей стороны попытокъ къ разрѣшенію.

частнѣйшіе: 1) проявила ли себя божественная воля Основателя церкви въ какихъ либо опредѣленныхъ правовыхъ формахъ, которыя, имѣя своимъ предметомъ внѣшнее благоустройство церкви какъ видимаго общественнаго союза, заключали бы въ себѣ положительныя постановленія съ характеромъ и значеніемъ неизмѣннаго закона и могли бы служить источникомъ для положительнаго права церкви,—однимъ словомъ, существуетъ ли божественное право? 2) Если существуетъ, то какъ великъ объемъ этого права, какъ широко обнимаетъ оно собственно правовую жизнь церкви? Все ли то, что содержится въ откровеніи относительно внѣшняго устройства и порядка церковной жизни, имѣетъ значеніе и авторитетъ неизмѣннаго божественнаго права? 3) Гдѣ критерій для опредѣленія его содержанія? и наконецъ 4) Въ какомъ отношеніи должна стоять къ нему законодательная власть церкви и положительное церковное законодательство въ своемъ историческомъ развитіи? Очевидно, отъ такого или другаго рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ самая сущность научныхъ воззрѣній на право и законодательство церкви. Несомнѣнно также, что разрѣшить эти вопросы однимъ философскимъ путемъ не возможно, потому что они возникли на исторической почвѣ; подвергнутъ вопросу фактъ, его бытіе; значитъ изслѣдованіе его можетъ быть правильно произведено только путемъ историческимъ.

Обращаясь къ содержанію священнаго Писанія Новаго Завѣта [36]), которое всѣ христіанскія церкви признаютъ несо-

[36]) Что касается Ветхаго Завѣта, то древнее право, въ немъ заключающееся, не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ христіанской церкви, а только значеніе историческое. „Древнее церковное право, говорится въ курсѣ архим. Іоанна, заключающееся въ ветхозавѣтныхъ законахъ обрядовыхъ, или установленіяхъ іерархическихъ, церковно-судебныхъ и пр. уже прешло, вмѣстѣ со всѣмъ Ветхимъ Завѣтомъ, и въ Новомъ обязательной силы не имѣетъ, какъ это утверждено и Апостольскимъ соборомъ (Дѣян. 15). Есть впрочемъ и въ ветхозавѣтномъ законѣ нѣкоторыя постановленія, принятыя христіанскою церковью, какъ напр. постановленія о родствѣ (Лев 18, 6 и слѣд.) Но они уже съ большею точностію раскрыты въ канонахъ церкви, и слѣдо-

мѣнным выраженіемъ воли божественнаго Основателя церкви, мы находимъ въ немъ нѣкоторыя изрѣченія, заповѣди и установленія, касающіяся церкви, какъ внѣшняго общества, основаннаго на вѣрѣ въ Него. Таковы: установленіе апостольскаго служенія и полномочія, ему данныя (Мѳ. 28, 19 и 20) «идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ» (Мѳ. 18, 18), «что вы свяжете на земли, то будетъ связано на небѣ» и т. д.; указаніе отношеній апостоловъ между собою, по вопросу, кто изъ нихъ больше? (Марк. 9, 35); установленіе крещенія и евхаристіи (Марк. 16, 16. Лук. 22, 19. 1 Кор II, 23—25); ученіе о разводѣ браковъ (Мѳ. 19, 3—10, 5, 32); о клятвѣ (Мѳ. 5, 33, Іак. 5, 12); наставленія касательно отношеній къ согрѣшившему брату и о судѣ надъ нимъ церкви (Мѳ. 18, 15—17); наконецъ изрѣченіе объ отношеніи къ верховной власти (Мѳ. 22, 21) и т. п. Въ писаніяхъ апостоловъ мы также находимъ установленія, касающіяся внѣшняго порядка церковной жизни, таковы: учрежденіе пресвитеровъ и предстоятелей въ церковныхъ обществахъ (Дѣян. 14, 23. Тит. 1, 5); обязанность послушанія въ отношеніи къ наставникамъ (Евр. 13, 17 1. Петр. 5, 5); изображеніе качествъ и обязанностей предстоятелей и епископовъ церкви (1 Тим. 3 гл.) и служащихъ въ ней, діаконовъ (тамъ же), вдовицъ (гл. 5, 9 и слѣд.); о содержаніи служащихъ церкви самою церковною общиною (1 Кор. 9, 7—14. 1 Тим. 5, 17), о судѣ надъ ними въ случаѣ жалобъ (1 Тим. 5, 19); распоряженія о порядкѣ церковныхъ собраній (1 Кор. 14 26—40); о помазаніи елеемъ больныхъ (Іак. 5, 14); о употре-

---

вательно должно болѣе опираться на ея канонахъ, нежели на собственномъ толкованіи Ветхаго Завѣта.“ (Т. I, стр. 26)

Подобный взглядъ высказывается и римскими канонистами. (Phil ips Т. III, стр. 320 и слѣд.) Значеніе постановленій, заимствованныхъ въ западное каноническое право изъ Ветхаго Завѣта, основывается не на божественномъ правѣ, но на признаніи ихъ законодательнымъ авторитетомъ церковной власти.

бленіи въ пищу мяса и идоложертвеннаго (1 Кор. 10, 25. 28); о бракахъ смѣшанныхъ (гл. 16, 7. 10—16 и др. мѣста); объ отношеніи членовъ церкви къ свѣтскимъ властямъ (Тит. 3, 1. Римл. 13, 1 и др. мѣста) и къ нехристіанамъ (1 Кор. 5, 9—11); о судѣ надъ грѣшниками (1 Тим. 5, 20) и т. п.

Итакъ фактъ существованія въ христіанскомъ откровеніи такихъ установленій, которыя имѣютъ своимъ предметомъ внѣшнее устройство и порядокъ церковно-общественной жизни, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Въ признаніи его согласны всѣ христіанскія церкви различныхъ вѣроисповѣданій [37]). Даже право протестантскихъ обществъ признаетъ въ принципѣ этотъ фактъ, хотя, какъ увидимъ ниже, существенно видоизмѣняетъ его значеніе [38]).

Но при несомнѣнности факта въ наукѣ права должны быть разрѣшены два вопроса, имѣющіе ближайшее отношеніе къ ней: 1) все ли то, что содержится въ христіанскомъ откровеніи объ этомъ предметѣ, имѣетъ авторитетъ неизмѣннаго божественнаго права? Основаніемъ для отвѣта на этотъ вопросъ можетъ служить: 1) самое откровеніе. Здѣсь мы находимъ нѣкоторыя указанія для различенія въ содержаніи божественнаго права. Апостолы сами отличали свои правила отъ тѣхъ, которыя непосредственно даны Основателемъ церкви. Такъ ап. Павелъ, повторяя заповѣдь Спасителя о неразрывности брачнаго союза, говоритъ: завѣщаваю не я, но Господь (1 Кор. 7, 10), но прилагая эту заповѣдь къ бракамъ смѣшаннымъ и признавая ихъ также неразрывными, апостолъ прибавляетъ: я говорю, а не Господь (Ibid. 12 и слѣд.). Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о дѣвствѣ, тотъ же апостолъ замѣчаетъ: относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ, какъ получившій отъ Господа милость быть Ему вѣрнымъ (Ibid. ст. 25).

2) Отношеніе церкви и положительнаго ея законо-

---

[37]) См. архим. Іоанна Оп. курса церк. законов. 1, 40 и слѣд. Phillips, du drôit Ecclesiast. III. 309 - 333. Walter, Lehrb. d. K. Rechts стр. 120 издан. 12. Dickell, Geschichte d. K. Rechts 1, 19.

[38]) Richter, Lehrbuch d. K. Rechts. стр. 175.

дательства къ нѣкоторымъ правиламъ жизни церковной, указаннымъ въ откровеніи. Не всѣ эти правила мы встрѣчаемъ неизмѣнно сохранившимися въ церковныхъ законахъ; нѣкоторыя изъ нихъ съ измѣненіемъ условій церковной жизни вышли изъ практики или замѣнены другими, напр. предписаніе апостола предстоятелю ефесской церкви обличать согрѣшающихъ предъ всѣми оставалось пока была практикуема въ церкви публичная исповѣдь и покаяніе; правило, что епископъ долженъ быть мужъ одной жены (1 Тим. 3, 2) замѣнено предписаніемъ обязательнаго безбрачія для епископовъ, когда церковь нашла этотъ порядокъ болѣе сообразнымъ съ ея цѣлями и пользами паствъ (Трул. соб. 12. 48); порядокъ церковныхъ собраній апостольскаго времени, основанный на особенностяхъ духовной жизни того времени (1 Кор. гл. 14), замѣненъ другимъ, въ которомъ право не только ученія и изъясненія, но и чтенія въ церкви св. Писанія найдено нужнымъ передать исключительно церковному клиру (Трул. 33).

Наконецъ 3) самое содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ правилъ указываетъ, что относясь къ порядку жизни, начинавшей слагаться въ церковныхъ обществахъ апостольскаго времени, онѣ не имѣли цѣлію устанавливать эти порядки на вѣчныя времена, напр. постановленія о вдовицахъ, ихъ служеніи при церкви и содержаніи для нихъ (1 Тим. 5, 9, 14, 16); о сборахъ пожертвованій для церквей (1 Кор. 16, 1, 2); о судѣ предъ язычниками [39]) (1 Кор. 6, 1—6).

---

[39]) Эта мысль высказывается въ курсѣ церковнаго законовѣденія архим. Іоанна. Говоря о свящ. Писаніи Новаго Завѣта, какъ о главномъ источникѣ церковнаго права, онъ замѣчаетъ: „Не надобно забывать, что и въ Новомъ Завѣтѣ видимое состояніе церкви апостольской, изображаемое въ священномъ Писаніи, *по многимъ отношеніямъ* уже не сходствуетъ съ обстоятельствами другихъ временъ, ибо церковь сама въ себѣ едина, но люди и времена измѣняются. Поэтому не все, видимое во времена апостольскія, возможно въ настоящее время, какъ напр. обиліе чрезвычайныхъ духовныхъ дарованій, порядокъ церковныхъ собраній, въ которыхъ христіане назидали другъ друга по вдохновенію, общеніе имуществъ и пр. Это были преимущества церкви апостольской, не свойственныя позднимъ временамъ христіанства и потому не должны быть принимаемы какъ правила для христіанскихъ обществъ всѣхъ временъ и мѣстъ.“ Т. I, стр. 27.

Итакъ не всѣ тѣ правила и установленія о внѣшнемъ устройствѣ и порядкѣ церковной жизни, которыя содержатся въ Новомъ Завѣтѣ, имѣютъ значеніе и авторитетъ неизмѣннаго божественнаго права. Подъ нимъ можно разумѣть только то, что неразрывно связано съ существомъ церкви, служитъ основаніемъ ея устройства, безъ чего достиженіе цѣлей церкви сдѣлалось бы невозможнымъ или сомнительнымъ, что или прямо основано на догматахъ христіанской вѣры, или есть непосредственное слѣдствіе изъ нихъ. Объективными признаками для опредѣленія, принадлежитъ ли учрежденіе, или правило къ области божественнаго права, могутъ, по нашему мнѣнію, быть признаны слѣдующія его свойства: 1) оно должно имѣть ясное и твердое основаніе въ свящ. Писаніи, т. е. въ волѣ Основателя церкви, выраженной Имъ Самимъ, или Его ближайшими учениками. 2) Оно должно быть сопровождаемо и сохраняемо непрерывнымъ въ церкви историческимъ преданіемъ. 3) Въ этомъ преданіи, кромѣ удостовѣренія въ фактическомъ существованіи правила или учрежденія, должно выражаться еще сознаніе церкви о божественномъ установленіи его, о томъ, что источникъ и основаніе учрежденія лежитъ въ божественной волѣ. Посему не достаточно однимъ историческимъ путемъ возвести какое либо церковное учрежденіе или правило, напр. соборы, областную форму церковнаго управленія, нѣкоторыя права епископской юрисдикціи и т. п.—даже ко временамъ апостольскимъ для того, чтобы получить твердое основаніе къ заключенію, что то или другое учрежденіе и правило суть божественныя установленія. Такимъ путемъ мы могли бы возвести многія учрежденія въ божественныя. Необходимо, чтобы съ непрерывностію фактическаго существованія соединялась непрерывность общаго церковнаго сознанія о божественномъ характерѣ учрежденія, непрерывность убѣжденія, что воля Основателя церкви есть основаніе и источникъ его установленія. Въ этомъ смыслѣ божественному праву приписывается характеръ неизмѣнности.

2) Принадлежитъ ли божественному праву юридическій

характеръ? Имѣетъ ли оно само по себѣ свойства, присущія праву? Извѣстно, что одно изъ самыхъ существенныхъ отличій права состоитъ во внѣшнемъ принудительномъ его характерѣ. Такого характера мы конечно не можемъ усвоить ни правиламъ религіи, ни другимъ установленіямъ Христа, иначе мы принуждены были бы признавать Основателя церкви земнымъ верховнымъ владыкою, а Его церковь представлять себѣ земнымъ царствомъ; или, по крайней мѣрѣ, намъ необходимо было бы придти къ идеѣ личнаго намѣстничества Христа на землѣ, съ аттрибутами земнаго владыки, какъ и пришла къ тому римская церковь. Хотя цѣль церкви — духовно-нравственное совершенство человѣка — есть самая высшая и необходимѣйшая, но религіозные и нравственные законы, исполненіемъ которыхъ условливается ея достиженіе, не имѣютъ внѣшне-принудительнаго характера, — какъ законы юридическіе. Они имѣютъ нравственный характеръ и свойственную всѣмъ нравственнымъ принципамъ внутреннюю принудительную силу для совѣсти. Но какъ въ гражданскомъ обществѣ право не есть что-то противуположное нравственному добру, а напротивъ составляетъ съ нимъ одно общее цѣлое, и цѣль ихъ взаимно пополнять другъ друга; такъ и въ церкви законъ откровенный не есть что либо противуположное положительному церковному закону, и цѣль послѣдняго заключается въ томъ, чтобы своими учрежденіями содѣйствовать полнѣйшему проявленію перваго какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни человѣка. Тѣмъ не менѣе какъ въ гражданской жизни и въ общей юридической наукѣ не только возможно, но и необходимо строгое отдѣленіе понятія о правѣ отъ понятія о нравственности, такъ и въ наукѣ церковнаго права нельзя опускать изъ виду различія между правомъ церкви въ смыслѣ юридическомъ и правомъ божественнымъ, какъ религіозно-нравственнымъ закономъ. Откровеніе не представляетъ кодекса юридическихъ законовъ, изданныхъ Христомъ, какъ земнымъ царемъ для церкви, какъ своего царства; оно содержитъ

въ себѣ высшія общія начала, которыя церковь признаетъ и хранитъ какъ основанія, съ которыми долженъ быть соображаемъ внѣшній порядокъ и устройство ея жизни въ ихъ историческомъ развитіи, и которыя она призвана воплощать въ своихъ внѣшнихъ учрежденіяхъ [40]).

Если не все, содержащееся въ откровеніи о внѣшнемъ порядкѣ и жизни церкви какъ общества, имѣетъ авторитетъ бо-

---

[40]) Такъ понимается сущность божественнаго права лучшими изъ католическихъ канонистовъ, на которыхъ въ разсматриваемомъ вопросѣ мы можемъ указывать потому, что вѣроисповѣдная точка зрѣнія римско-католической церкви не расходится съ ученіемъ восточныхъ православныхъ церквей въ этомъ пунктѣ вопроса. „Зерно, корень церковнаго порядка, говоритъ Вальтеръ, составляютъ предписанія, которыя, по свидѣтельству св. Писанія и преданія, І. Христосъ Самъ положилъ въ ея устройство и дисциплину. Они, какъ божественныя основанія, не могутъ быть измѣнены въ своей сущности или отмѣнены человѣческими постановленіями. Къ нимъ присоединяются предписанія, сдѣланныя апостолами (1 Кор. VII, 12) и апостольскими церквами по своему усмотрѣнію. Хотя такимъ апостольскимъ и древне-церковнымъ постановленіямъ принадлежитъ высокое уваженіе по ихъ глубокой древности и происхожденію, однакоже они различаются отъ первыхъ тѣмъ, что, какъ вышедшія отъ человѣческаго авторитета, они не суть необходимо неизмѣнныя.“ (Walter s. 120). „Новозавѣтный законъ, говоритъ Филлипсъ, главнѣйшимъ образомъ содержитъ въ себѣ предписанія нравственныя, потомъ правила относительно таинствъ; предписаній собственно юридическихъ онъ не содержитъ Посему въ отличіе отъ ветхаго закона онъ называется закономъ вѣры (Римл. 3. 27), закономъ духа жизни (Ibid. 8. 2), закономъ свободы (Іак. 1. 25). Христосъ установилъ духовную власть для управленія Своею церковью, и установленіемъ основныхъ принциповъ далъ Своему царству устройство твердое и непоколебимое въ томъ, что касается его общихъ началъ“ (éléments généraux (Du Droit ecclesiastique T. III, 325). Шульте, называя откровеніе основаніемъ (Fundament) церковнаго права и свящ. Писаніе источникомъ познанія божественнаго права, замѣчаетъ: „это право составляетъ основаніе церкви; въ немъ природа и основныя свойства церкви опредѣляются съ такою необходимостью, что отклоненіе отъ нихъ невозможно безъ уничтоженія самого существованія церкви. Но не смотря на то, право это нельзя назвать правовымъ источникомъ въ собственномъ смыслѣ; ибо Христосъ не оставилъ свящ. Писанія Новаго Завѣта въ видѣ кодекса законовъ для Своей церкви; въ немъ не заключено все то, что церковь приняла за основныя истины; она была раньше, нежели положено начало свящ. Писанію Новаго Завѣта“ (Schulte K. K. Recht B. 1. L. 1. §. 4. 7).

жественнаго права, и если послѣднее само по себѣ не имѣетъ внѣшне-принудительнаго характера юридическаго закона: то гдѣ-же и въ чемъ заключается критерій для опредѣленія того, что должно быть признаваемо таковымъ въ откровеніи и что нѣтъ? и гдѣ та сила или власть, которая правомощна извлекать изъ этого источника религіозно-нравственныхъ принциповъ внѣшне-обязательные законы и сообщать имъ юридическій характеръ? Очевидно, такимъ критеріемъ не можетъ быть личный разумъ, потому что откровеніе и церковь не развились изъ началъ разума и не на нихъ основаны. Откровеніе есть историческое проявленіе божественной воли, и у личнаго разума нѣтъ средствъ, на основаніи своихъ началъ, опредѣлить границы, въ какихъ она хотѣла проявить себя. Бытіе и установленіе церкви какъ учрежденія, предназначеннаго и одареннаго необходимыми средствами для осуществленія цѣлей христіанства, само собой доказываетъ недостаточность личныхъ средствъ человѣка для этихъ цѣлей и вмѣстѣ необходимость существованія такого органа, который могъ бы обладать правильнымъ пониманіемъ божественной воли. Такимъ органомъ можетъ быть не иное что, какъ сама церковь, общій ея разумъ, обще-церковное признаніе. Только обще-церковнымъ признаніемъ можетъ быть опредѣлено содержаніе божественнаго права и его границы. Иного высшаго крите-

---

Въ опытѣ курса церковнаго законовѣденія преосв. Іоанна сдѣлано также различеніе церковныхъ правилъ по происхожденію на божественныя, апостольскія и собственно церковныя, но при этомъ 1) догматы вѣры, начала нравственности, литургическія и обрядовыя установленія не отличены отъ правовыхъ, такъ что къ праву отнесены напр. правила о исповѣданіи двухъ естествъ въ лицѣ І. Христа, о почитаніи истиннаго Бога въ единомъ существѣ и трехъ лицахъ, о крестномъ знаменіи, о славословіи Отцу и Сыну и Св. Духу и т. п. 2) О всѣхъ трехъ родахъ правилъ говорится, что они не различаются ни въ своемъ основаніи, ни въ сущности своей, ни въ дѣйствіи, ибо всѣ вмѣстѣ составляютъ одно всецѣло дѣйствующее законоположеніе и общее ненарушимое обязательство для всѣхъ, такъ что становится не понятнымъ, какой же смыслъ въ сдѣланномъ прежде различеніи правилъ по происхожденію? что оно можетъ значить въ наукѣ и практикѣ? (Т. I, стр. 39—43).

рія мы не имѣемъ, кромѣ авторитета церкви вселенской. Итакъ божественнымъ правомъ можно назвать совокупность содержащихся въ свящ. Писаніи установленій въ той мѣрѣ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ признавала, признаетъ и объявляетъ ихъ таковыми вселенская церковь, ея разумъ.

Такой авторитетъ церкви, какъ высшаго критерія для рѣшенія вопроса, что̀ слѣдуетъ признавать божественнымъ правомъ, согласно утверждается въ принципѣ какъ восточною православною церковью съ ея частями, такъ и римско-католическою. Какъ та, такъ и другая принимаютъ обще-церковное преданіе, какъ преемственное и непрерывное выраженіе разума церкви, хранилищемъ основныхъ началъ церковнаго порядка [41])

Дѣятельность церкви въ отношеніи къ образованію божественнаго права можетъ быть опредѣлена по аналогіи съ отношеніями ея къ догмату вѣроученія. Предполагается, что какъ догматъ вѣры, такъ и божественное право не суть произведенія церкви, не исходятъ отъ нея, какъ своего источника. Какъ тотъ, такъ и другое даны церкви при самомъ ея установленіи и положены въ основаніе всего послѣдующаго развитія. Такимъ образомъ какъ въ отношеніи къ догмату вѣры, такъ и къ божественному праву церковь не имѣетъ производительной творческой дѣятельности, т. е. она не можетъ составлять такихъ догматовъ, которыхъ нѣтъ въ откровеніи, не можетъ творить и выдавать за божественныя такихъ постановленій, для которыхъ нѣтъ твердаго основанія въ томъ же источникѣ. Они независимы по своему происхожденію и должны оставаться неизмѣнными въ своей сущности. Задача церкви и ея дѣятельности въ отношеніи къ божественному праву ограничивается тѣмъ, чтобы извлечь содержаніе божественнаго права изъ его источниковъ, утвердить своимъ признаніемъ божественный авторитетъ того или другаго уста-

---

[41]) Опытъ курса церковнаго законовѣденія Т. I, стр. 44 и слѣд. Phillips Т. III, 310—333. Т. II, стр. 218.

новленія (констатировать его), раскрывать и объяснять его значеніе, воплощать его во внѣшнихъ учрежденіяхъ и регулировать его практическое примѣненіе. Такимъ образомъ божественное право становится церковнымъ правомъ не по своему происхожденію, но только по своему содержанію, по формамъ раскрытія и примѣненія, въ которыя оно облекается чрезъ посредство обще-церковнаго разума. Конечно, этотъ разумъ нельзя представлять себѣ однажды навсегда заключеннымъ въ одинъ неподвижныя, отвердѣвшія формы; онъ вѣчно живой, дѣйствующій, проявляющій себя, и мы не можемъ представить себѣ моменга, когда бы онъ переставъ углублятьсяся въ разумѣніе божественнаго права и трудиться надъ созданіемъ совершеннѣйшихъ формъ для его практическаго примѣненія. Если пониманіе догматовъ христіанскаго вѣроученія имѣло въ церкви и имѣетъ свою исторію, то можетъ имѣть и имѣетъ свою исторію въ ней разумѣніе и примѣненіе божественнаго права.

Кому же внутри церкви принадлежитъ эта (назовемъ ее для краткости) декларативная и констатирующая дѣятельность въ отношеніи къ божественному праву?

Взгляды канонистовъ на этотъ вопросъ существенно между собою разнятся, смотря по различію вѣроисповѣдныхъ точекъ зрѣнія, такъ что придти къ какому нибудь единству въ его рѣшеніи на основаніи положительнаго права существующихъ христіанскихъ церквей не представляется возможности.

Признавая вообще за церковью доктринальную непогрѣшимость, римско-католическіе канонисты указываютъ на учащую іерархію, какъ на органъ, обладающій iure divino авторитетомъ и способностью изъяснять свящ. Писаніе, и центромъ ея признаютъ папу. О личной непогрѣшимости послѣдняго, въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ признанной на послѣднемъ ватиканскомъ соборѣ, въ наукѣ права существуютъ большія разногласія, смотря по тому, какой теоріи ближе держится тотъ или другой ученый канонистъ: папской или епископальной, такъ называемой конституціонной. Вальтеръ держится послѣд-

ней и въ соединеніи папства съ епископатомъ видитъ полноту церковной власти (слѣд. и непогрѣшимость), при чемъ однакоже высшій авторитетъ и главенство признаетъ за папой [42]). Къ этой же теоріи ближе стоитъ, повидимому, и Шульте [43]); Пахманъ [44]), и особенно Филлипсъ [45]) признаютъ и доказываютъ личную непогрѣшимость папы. Впрочемъ выраженія римскихъ канонистовъ въ ученіи объ этомъ пунктѣ вопроса не отличаются полною ясностью и опредѣленностью. Въ одномъ всѣ они, повидимому, согласны между собою, что безъ папы, мимо его, или безъ его утвержденія никакая другая власть въ церкви, ни вселенскій соборъ, ни весь соединенный епископатъ не имѣютъ права окончательно рѣшать и постановлять какъ по вопросамъ вѣроученія, такъ и относительно содержанія божественнаго права, и что съ другой стороны ius divinum выше папы, ограничиваетъ его власть, такъ что папа не можетъ отмѣнять или въ существѣ измѣнять его [46]).

---

[42]) Lehrbuch (изданіе 12) стр. 261.

[43]) System d. K. Rechts стр. 178—193.

[44]) Pachmann, Lehrb. d. K. R. (изд. 3 1863 г.) стр. 236.

[45]) Филлипсъ посвящаетъ двѣ главы въ своемъ сочиненіи на то, чтобъ доказать непогрѣшимость папы, хотя, не имѣя еще авторитета послѣдняго ватиканскаго собора, онъ называетъ это мнѣніемъ только, формально непризнаннымъ Т. II, стр. 218—243.

[46]) Schulte, Lehrbuch d. K. R. 1868 г. стр. 193. Такъ какъ основанія этой теоріи не юридическаго, а догматическаго свойства, то опроверженіе ихъ принадлежитъ богословію, а не праву. Свойство непогрѣшимости, кому бы оно ни приписывалось—одному, или многимъ, или всѣмъ вмѣстѣ,—не можетъ быть предметомъ юридическихъ опредѣленій и облечено въ точныя правовыя формы. Признаніе его есть вѣрованіе, внутреннее убѣжденіе совѣсти. Никакимъ закономъ не можетъ быть предписано совѣсти человѣка такое вѣрованіе точно такъ же, какъ никакими внѣшними признаками нельзя опредѣлить условія для непогрѣшимости. Для права имѣетъ значеніе не самое это свойство, въ своей сущности, а всеобщее или господствующее признаніе его за тѣмъ, или другимъ органомъ. Положительный характеръ всякаго права, откуда бы оно ни происходило, въ концѣ концовъ основывается ни на чемъ другомъ, какъ на всеобщемъ признаніи его въ народѣ, государствѣ, церкви и т. п.

Восточная православная церковь съ своими частями не признаетъ ни за однимъ изъ своихъ іерарховъ права, подобнаго приписываемому папѣ; ни одинъ изъ нихъ, въ силу своего личнаго авторитета, не компетентенъ рѣшать для церкви по вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ божественному праву, не обладаетъ рѣшающимъ авторитетомъ въ его изъясненіи и констатированіи. Такимъ органомъ она признаетъ только соборъ православныхъ церквей (до раздѣленія церкви носившій названіе вселенскаго), какъ выражающій собою голосъ соединенной церкви и представляющій ея разумъ. Толкованіямъ, рѣшеніямъ и опредѣленіямъ такихъ соборовъ церковь придаетъ высокій авторитетъ верховной законодательной власти, переноситъ на нихъ совокупность своихъ духовныхъ правъ, какъ бы сливаетъ себя съ ними въ извѣстный періодъ своей жизни, хотя въ цѣломъ теченіи своего неизсякаемаго духовнаго развитія она стоитъ выше ихъ, покрываетъ своимъ авторитетомъ и утверждаетъ своимъ признаніемъ [47]). На томъ основаніи, что съ IX в. и до настоящаго времени не было ни одного вселенскаго собора, который бы признанъ былъ во всей православной церкви имѣющимъ общеобязательный авторитетъ, и что въ догматическомъ ученіи и въ основныхъ постановленіяхъ семи признанныхъ соборовъ церковь видитъ главное истолкованіе какъ догматическаго вѣроученія, такъ и божественнаго права,—было бы ошибочно заключать, что и все содержаніе его церковь считаетъ уже исчерпаннымъ, что она отреклась отъ дальнѣйшаго законодательнаго раскрытія и примѣненія его началъ въ своей внутренней жизни, на вѣки связала себя тѣми формами жизни, которыя были установлены въ древнюю эпоху ея существованія. Соборъ изъ представителей всѣхъ православныхъ церквей, если бы онъ состоялся въ настоящее время, несомнѣнно имѣлъ бы право издавать обще-обязательные церковные

[47]) О томъ, чтобы древніе вселенскіе соборы обладали свойствомъ непогрѣшимости въ вопросахъ каноническихъ, относящихся къ церковному устройству—церковь восточная, сколько мы знаемъ, не высказывалась нигдѣ въ своихъ символическихъ книгахъ.

законы для всей церкви, измѣнить, дополнить, пересмотрѣть то, что было постановлено прежде, и авторитетъ его имѣлъ бы тѣже самыя основанія, какъ и прежде бывшихъ соборовъ. Впрочемъ въ авторизированной богословской и канонической литературѣ нашей мы не находимъ твердо и опредѣленно выраженнаго рѣшенія относительно подробностей разсматриваемаго здѣсь вопроса, и потому не считаемъ себя въ правѣ говорить отъ имени церкви, чтобъ не покрыть ея авторитетомъ мнѣній, имѣющихъ личный характеръ и выражающихъ только личное пониманіе [48]).

Протестантскіе канонисты, признавая въ принципѣ божественное право, отвергаютъ существованіе въ церкви непогрѣшимаго органа для его установленія и изъясненія. Не указывая множества оттѣнковъ въ частныхъ мнѣніяхъ какъ самихъ реформаторовъ, такъ и позднѣйшихъ ученыхъ [49]), мы для знакомства съ положеніемъ вопроса ограничимся изложеніемъ его въ сочиненіи Рихтера—писателя, принадлежащаго къ консервативному въ протестантствѣ направленію. «Что въ Новомъ Завѣтѣ, говоритъ Рихтеръ, божественная воля проявила себя опредѣляющимъ образомъ и въ отношеніи къ праву, въ этомъ согласны какъ евангелическая, такъ и католическая церковь. Но объемъ правовыхъ опредѣленій этого рода обѣ церкви опредѣляютъ различно. Католическая церковь признаетъ существованіе вдохновляемаго Св. Духомъ органа, который непогрѣшимо изъясняетъ свящ. Писаніе. Вслѣдствіе этого для нея открылась возможность непосредственно связать съ различными мѣстами Писанія многія исторически образовавшіяся въ ней учрежденія и разсматривать послѣднія какъ истинное вы-

---

[48]) Наше личное мнѣніе отчасти уже высказано выше и будетъ раскрыто подробнѣе при разсмотрѣніи вопроса о значеніи каноническихъ постановленій семи бывшихъ въ древности вселенскихъ соборовъ въ дѣйствующемъ правѣ церкви.

[49]) Этотъ вопросъ съ крайней протестантской точки зрѣнія хорошо разсмотрѣнъ въ сочиненіи, Ern. Meier, Die Rechtsbildung in Staat und Kirche 1861 г См. стр. 95—297.

раженіе божественной воли, содержащейся въ первыхъ. Иначе смотритъ церковь евангелическая. Она отрицаетъ существованіе такого посредствующаго органа, при чемъ кругъ правовыхъ положеній, выводимыхъ непосредственно изъ св. Писанія, становится гораздо тѣснѣе. Въ особенности она не признаетъ, чтобы въ Писаніи установлена была опредѣленная форма церковнаго устройства, необходимая и неизмѣнная. Но она рѣшительно утверждаетъ, что предоставленное свободѣ самой церкви развитіе и организація ея устройства должны совершаться на основныхъ началахъ Писанія» [50]). Но гдѣ же критерій для установленія этихъ основныхъ началъ? Протестантскіе канописты не указываютъ его ни въ чемъ объективномъ; обычный отвѣтъ, что само Писаніе есть источникъ познанія божественной воли, ничего не прибавляетъ къ опредѣленію вопроса, потому что Писаніе, какъ сами они свидѣтельствуютъ, не имѣетъ принудительнаго смысла и можетъ быть изъясняемо различно. Церковь, говорятъ, можетъ излагать свое сужденіе объ ученіи, содержащемся въ Писаніи, въ своихъ исповѣданіяхъ или символахъ. Но эти исповѣданія, по сознанію самихъ протестантовъ, не имѣютъ авторитета неизмѣнныхъ правилъ для пониманія; ихъ значеніе временное, насколько въ нихъ выражается религіозное пониманіе въ извѣстный періодъ времени; они удерживаютъ это значеніе, пока не измѣнилось пониманіе. Рихтеръ пытается установить въ символахъ нѣчто постоянное, не отмѣняемое; «то, говоритъ онъ, что стоитъ надъ всѣми конфессіональными различіями, какъ общее благо различныхъ церквей, должно быть разсматриваемо какъ неизмѣнное; потомъ то, что составляетъ зерно, средоточіе реформаціи, ея *Kirchenbildendes Princip* [51]) т. е. ученіе объ оправданіи вѣрою». Но эти выраженія, какъ замѣчаетъ другой болѣе послѣдовательный протестантъ [52]), до

---

[50]) Richter стр 175.
[51]) Richter, стр. 368
[52]) Meier, Rechtsbildung стр. 230.

такой степени широки и неопредѣленны, что на практикѣ высшая церковная власть имѣла бы полнѣйшую свободу внутри этихъ неосязаемыхъ предѣловъ.—Церковное учительство (geistliche Lehramt), еще менѣе можетъ быть такимъ критеріемъ, ибо, какъ выражается тотъ же протестантъ, и оно не изъято изъ потока исторической измѣняемости [53]); его голосъ не имѣетъ другаго преимущества предъ мнѣніемъ всѣхъ другихъ членовъ, кромѣ того, которое вообще пріобрѣтается спеціальностію профессіи и ближайшимъ знакомствомъ съ вѣроученіемъ; авторитетъ его власти основывается на выборѣ и уполномочіи отъ церковнаго общества, въ волѣ и разумѣніи котораго и заключается весь центръ тяжести въ разсматриваемомъ вопросѣ. Къ этому заключенію, хотя въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, пришелъ и Рихтеръ; «что касается церковнаго устройства, говоритъ онъ, то оно можетъ быть измѣняемо, если только останутся нетронутыми постановленныя въ *исповѣданіяхъ* въ противуположность римской церкви границы, и тѣ положительныя начала, которыя указаны въ нихъ относительно учительской должности въ самой себѣ и въ отношеніяхъ ея къ церкви. Но и въ этихъ условіяхъ реформы не могутъ быть предоставлены одностороннему распоряженію церковнаго правительства (т. е. государственной власти съ ея учрежденіями для управленія церковью), но каждое существенное измѣненіе должно опираться на согласіе церкви. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ это согласіе требуется, церковь, при современномъ ея устройствѣ, представляется чрезъ отдѣльныя общины, которымъ теорія усвояетъ право согласія и отрицанія. Но это послѣднее положеніе логически несправедливо, потому что отдѣльные члены не могутъ имѣть функцій цѣлаго организма, и практически невыполнимо, потому что должно въ концѣ концовъ повести къ голосованію въ общинахъ и по общинамъ. Поэтому прибѣгаютъ къ фикціи, по которой молчаніе общинъ и духовенства считается за

[53]) Ibid. стр. 230.

согласіе.» [54]). Самъ Рихтеръ болѣе склоняется къ тому мнѣнію, которое при установленіи новыхъ церковныхъ порядковъ, или при существенныхъ измѣненіяхъ въ прежнихъ, требуетъ согласія синода и государства. Очевидно, въ этомъ процессѣ правообразованія церковнаго божественному праву мало дается положительнаго значенія. Все содержаніе его, если замѣнить очень общія и неопредѣленныя выраженія Рихтера болѣе ясными и прямыми, сводится къ слѣдующему: есть христіанскій божественный законъ, заключенный въ книгахъ св. Писанія, пониманіе котораго развивается и измѣняется съ развитіемъ времени, при посредствѣ христіанской науки, насколько результаты ея будутъ признаны церковью за выраженіе церковнаго пониманія (Richter стр. 368); «символы не суть критеріи, но только свидѣтельство вѣры, какъ она понималась и изъяснялась въ то или другое время людьми тогда жившими въ церкви» (см. Form. concord. стр. 3. изд. Baumgarten; также Гельветич. исповѣд. сар. 2. de interpret. Scriptur.); христіанской церкви божественнымъ авторитетомъ дана опредѣленная цѣль, и съ тѣмъ вмѣстѣ правомочіе учреждать все, необходимое для ея достиженія; слѣдовательно бытіе церковной власти основывается на ясной божественной волѣ, но въ своей законодательной дѣятельности эта власть не стѣснена какими либо неизмѣнными формами и можетъ измѣнять ихъ по требованію нуждъ церковныхъ. Одна церковь (напр. англиканская), отвергнувъ папство, можетъ удерживать епископатъ; другая, найдя и эту форму устройства не соотвѣтствующею потребностямъ и пользамъ церковнымъ, можетъ замѣнить его синодально-пресвитеріанскимъ устройствомъ и т. п. Но какъ папство, такъ епископатъ и пресвитеріанство суть только историческія формы и не имѣютъ характера необходимости. Во всѣхъ подобныхъ измѣненіяхъ должно оставаться неизмѣннымъ существо церковной власти съ богодарованными ей правами—учить вѣрѣ и совершать богослуженіе.

---

[54]) Richter, стр. 368—370.

Курсовъ
въ Москвѣ.
Упр. В. А. Полѣевъ

Во всѣхъ этихъ измѣненіяхъ власть должна руководиться цѣлями, указанными для церкви въ св. Писаніи. Вотъ сущность божественнаго права по воззрѣніямъ консервативныхъ протестантскихъ ученыхъ. Писатели болѣе крайняго направленія и болѣе послѣдовательные съ точки зрѣнія реформаціи приходятъ къ полному отрицанію божественнаго права [55]).

Въ какомъ отношеніи къ божественному праву должно стоять положительное церковное законодательство въ своемъ историческомъ развитіи? Для теоретическаго разъясненія этого вопроса можно допустить аналогію между естественнымъ и положительнымъ правомъ вообще. 1) Несомнѣнно, что человѣческой природѣ присущъ внутренній законъ правды и добра, о которомъ ап. Павелъ сказалъ, что онъ написанъ въ сердцахъ людей, и слѣдуя которому они, не зная положительнаго закона, творятъ дѣла его (Римл. 11, 13—15). Такъ какъ этотъ законъ основывается на существѣ человѣческой природы и ея предназначеніи, то онъ истиненъ и долженъ быть безусловно обязателенъ для совѣсти и разума. Принципы его, поскольку они касаются не одного только внутренняго человѣка, должны находить свое выраженіе въ правѣ, воплощаться въ правовыхъ формахъ, хотя сами по себѣ не имѣютъ юридическаго характера и внѣшней принудительной силы права. Такой характеръ сообщаетъ имъ законодательная власть, воплощая ихъ въ положительномъ законѣ. Въ подобномъ отношеніи къ содержанію божественнаго права стоитъ церковное законодательство. Ни одно изъ установленій Спасителя не имѣетъ юридическаго характера и неразрывной съ нимъ внѣшней принудительной силы. Въ этомъ смыслѣ Христосъ есть божественный Учитель религіи и нравственности, а не законодатель въ смыслѣ юридическомъ. Но власть церковная путемъ законодательства сообщаетъ юридическій характеръ и значеніе основнымъ положеніямъ божественнаго права, поскольку они касаются не внутренняго только человѣка, но и

[55]) Meier, Die Rechtsbildung in Staat und Kirche 1861 г. 224—237.

его внѣшнихъ общественно-церковныхъ отношеній. 2) Какъ естественное право, положенное Творцемъ въ природу человѣка, по существу своему необходимо и неизмѣнно, между тѣмъ какъ положительное право, служа внѣшнимъ выраженіемъ перваго, видоизмѣняется по отношеніямъ, потребностямъ и степени развитія времени и народа, такъ и божественное право, какъ выраженіе неизмѣнной божественной воли, необходимо и непреложно, между тѣмъ какъ положительное церковное законодательство подлежитъ, какъ и все человѣческое, общимъ законамъ измѣненія и въ различныхъ условіяхъ церковной жизни болѣе или менѣе вѣрно и глубоко входитъ въ разумѣніе своего идеала и осуществляетъ его въ своихъ учрежденіяхъ. 3) Какъ въ положительномъ правѣ только то, что можетъ быть выведено изъ принциповъ здраваго общечеловѣческаго разума и совѣсти, можетъ имѣть притязаніе на внутреннюю необходимость и неизмѣнность, такъ и въ церковномъ законодательствѣ, только то, что, по признанію церкви, заключено или можетъ быть выведено непосредственно изъ божественнаго откровенія, можетъ быть признано божественнымъ правомъ и обладать его авторитетомъ. 4) Какъ въ области положительнаго права могутъ встрѣчаться противорѣчія закона съ принципами естественнаго права и справедливости—при чемъ у личной совѣсти и разума не можетъ быть отнято право внутренняго отрицанія такого закона, хотя за непослушаніе ему человѣкъ можетъ подвергнуться всѣмъ внѣшнимъ послѣдствіямъ неповиновенія,—такъ и въ области положительнаго права частныхъ церквей могутъ быть мыслимы подобныя явленія съ подобными же послѣдствіями. Но 5) какъ въ государствѣ естественный законъ правды и справедливости обязываетъ законодателя соображать съ нимъ положительное право, уничтожать въ послѣднемъ все, противорѣчащее первому, такъ еще болѣе божественный законъ откровенія обязываетъ законодателя въ церкви, углубляясь въ истинный смыслъ его, приводить въ согласіе съ нимъ церковное законодательство и не допускать противорѣчій и от

клоненій отъ него въ положительныхъ учрежденіяхъ. Наконецъ 6) божественное право по своему содержанію и назначенію не одинаково относится ко всѣмъ частямъ положительнаго церковнаго законодательства. Какъ совокупность религіозно-нравственныхъ правилъ, содержащихся въ откровеніи, какъ ученіе религіи и морали, оно конечно оказываетъ и должно оказывать свое могущественное вліяніе на всѣ стороны церковной жизни; но какъ совокупность установленій и законовъ для церковной жизни, оно имѣетъ отношеніе только къ внутреннему праву церкви, къ законодательству по внутреннимъ собственно церковнымъ предметамъ, и не относится къ праву внѣшнему, напр. къ отношеніямъ и политическому положенію церкви въ государствѣ, къ гражданскимъ и имущественнымъ правамъ ея и т. д.; за тѣмъ и во внутренней церковной сферѣ оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ правиламъ вѣры и нравственности, къ священно-таинственной сторонѣ богослуженія, и болѣе отдаленное къ отношеніямъ юридическимъ, къ тому, что входитъ собственно въ область права.

Изъ всего того, что выше сказано было по вопросу о значеніи божественнаго права, какъ источника права церковнаго, нельзя не видѣть, что ученіе о божественномъ правѣ, въ смыслѣ научной теоріи церковнаго правообразованія, еще мало разработано въ наукѣ и не имѣетъ достаточной ясности и опредѣленности. Можетъ быть, одна изъ главныхъ причинъ этого заключалась во взглядахъ на самое ученіе, какъ на принадлежащее скорѣе къ области богословія, нежели юриспруденціи. Но богословіе не имѣетъ никакихъ побужденій разсматривать его съ юридической точки зрѣнія; богословское ученіе о божественномъ законѣ развивается въ области вѣры, разумнаго ея пониманія и свободной нравственной дѣятельности. Эта область безъ всякаго сомнѣнія несравненно шире, нежели область права; она обнимаетъ собою всю внутреннюю жизнь человѣка съ его вѣрованіями, убѣжденіями и нравственными правилами дѣятельности. Посему божественный законъ въ богословскомъ ученіи является всеобъемлю-

щимъ. Но право есть только норма для внѣшнихъ дѣйствій человѣка въ обществѣ, норма принудительная. Посему для правовой сферы существуютъ другія и гораздо болѣе тѣсныя границы. Божественный законъ, всеобъемлющій въ богословскомъ ученіи, какъ скоро переносится въ область права, объявляется положительнымъ его источникомъ, необходимо долженъ получить точное юридическое опредѣленіе въ своемъ содержаніи; область чистой вѣры, область свободныхъ нравственныхъ обязанностей должны быть выдѣлены отсюда, иначе онъ или будетъ правомъ только по имени, а не по свойствамъ, или, если бы не опредѣливъ юридически его содержанія, захотѣли придать ему правовыя свойства, это былъ бы самый деспотическій изъ законовъ. Такого законодательнаго опредѣленія юридической стороны въ содержаніи божественнаго права, его предѣловъ, мы не находимъ въ существующемъ ученіи о немъ. Всѣми утверждается его существованіе, но нигдѣ съ юридической точки зрѣнія не разработано, не приведено въ ясность и опредѣленность его содержаніе. Оттого въ частныхъ мнѣніяхъ по вопросамъ о происхожденіи того или другаго церковнаго учрежденія или правила господствуетъ большое разнообразіе. Одни готовы расширять содержаніе божественнаго права до крайнихъ возможныхъ предѣловъ, и выводить изъ него многія историческія церковныя учрежденія, придавая даже внѣшнимъ формамъ значеніе неизмѣняемыхъ; другіе—стѣснить и сжать его объемъ до того, что оно утрачиваетъ всякое положительное содержаніе, превращаясь въ абстрактныя идеи или начала одного нравственнаго порядка. Живые церковно-практическіе вопросы времени, особенно касающіеся преобразованій существующихъ церковныхъ порядковъ, обыкновенно подаютъ поводъ къ тому, чтобы существующее разногласіе во взглядахъ выступило наружу съ полнѣйшею ясностію, и раздѣляютъ мнѣнія на два противоположные лагеря. При отсутствіи общихъ, твердо поставленныхъ законодательствомъ и наукою началъ, придти въ этихъ случаяхъ къ разумному соглашенію не представляется

никакой возможности. Эта неопредѣленность началъ безъ сомнѣнія должна отзываться и въ практикѣ церковной жизни.

II. Апостольское и церковное преданіе [56]).

Первые устроители христіанскихъ церковныхъ обществъ — апостолы при установленіи порядковъ церковной жизни по большей части дѣйствовали своими личными распоряженіями, а не изданіемъ правилъ. Проповѣдуя Евангеліе, они непосредственно вводили необходимѣйшія учрежденія христіанской жизни, а то, чего не успѣвали сдѣлать сами, поручали докончить своимъ ближайшимъ, довѣреннымъ ученикамъ (1 Кор. XI, 34. I. Тим. 1, 5). Въ своихъ посланіяхъ къ церквамъ они постоянно обращаютъ вниманіе увѣровавшихъ къ тому, что было лично говорено и дѣлано ими во время пребыванія на мѣстѣ, и заповѣдуютъ держаться слышаннаго и преданнаго отъ нихъ (1 Кор. XI. 2. 2 Тим. 1, 13. 11, 2). Такимъ образомъ важнѣйшія установленія, касающіяся устройства и порядка церковной жизни, непосредственно, прежде какого либо закона, вводились и укрѣплялись жизнію въ практикѣ церквей, основанныхъ апостолами, и здѣсь должны были сохраняться посредствомъ преемственнаго и непрерывнаго преданія. Каждая изъ этихъ церквей твердо оберегала то, что утвердилось въ ней путемъ преданія. Изъ свидѣтельствъ отцевъ и писателей II и III вв. видно, что преданіе имѣло тогда первостепенное значеніе въ вопросахъ не только вѣры, но и практической церковной жизни, и служило не только обычнымъ способомъ распространенія церковныхъ учрежденій и обычаевъ, но и первоначальнымъ ихъ источникомъ. Всеобщая распространенность того или другаго преданія, согласіе от-

---

[56]) Подъ именемъ преданія мы разумѣемъ здѣсь не одинъ внѣшній способъ преемственной передачи правилъ изъ одного вѣка въ другой, или отъ одной церкви въ другую,—но основныя начала церковнаго порядка и дисциплины, полагавшіяся первыми учредителями и правителями церквей въ ихъ устройство и внутреннее управленіе и сохранившіяся практикою жизни и обычаемъ.

носительно его всѣхъ или многихъ церквей и особенно тѣхъ, которыя основаны самими апостолами, признавались вѣрнѣйшимъ признакомъ его истинности и достаточнымъ авторитетомъ для того, чтобы слѣдовать ему въ практикѣ. «Если какое либо правило, говоритъ Тертулліанъ, писатель II вѣка, не опредѣлено писаніемъ, однакожъ повсюду соблюдается, значитъ, что оно утверждено обычаемъ, основаннымъ на преданіи. Если же кто скажетъ, что и въ преданіи нужно какое либо письменное свидѣтельство, то мы съ своей стороны укажемъ на многія установленія, которыя *безъ всякаго писанія*, авторитетомъ одного преданія и силою обычая сохраняются... Относительно всѣхъ такихъ установленій имѣетъ свою силу преданіе, какъ основаніе (auctrix), обычай—какъ его утвержденіе (confirmatrix),—вѣра, какъ охраненіе (observatrix. Tertull. de corona militis cap. 3).

Соображая дѣйствія знаменитѣйшихъ предстоятелей христіанскихъ церквей II и III вв. и тѣ немногія свѣденія о соборахъ этого времени, какія дошли до насъ, можно придти къ заключенію, что главная задача ихъ дѣятельности въ спорныхъ вопросахъ времени заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать, какое ученіе, или учрежденіе изъ подвергавшихся спору слѣдуетъ признать за чистое, апостольское. Гдѣ прямое указаніе Евангелія и апостольскихъ посланій оказывалось недостаточнымъ, тамъ обращались къ преданію церквей, основанныхъ апостолами, сравнивали обычаи различныхъ церквей, и въ чемъ согласны были всѣ, то признавалось общимъ правиломъ. Преданіе служило критеріемъ для различенія истиннаго отъ ложнаго; изслѣдованіе преданія, его провѣрка и установленіе единообразія на основаніи дознаннаго преданія были главнымъ предметомъ дѣятельности отцевъ и соборовъ въ спорныхъ вопросахъ времени. «Всѣ желающіе видѣть истину, говоритъ святый Ириней († 202 г.), могутъ во всякой церкви узнать преданіе апостоловъ, открытое во всемъ мірѣ, и мы можемъ перечислить епископовъ, поставленныхъ апо-

столами въ церквахъ, и ихъ преемниковъ до насъ [57])». «Въ такомъ порядкѣ и въ такомъ преемствѣ церковное преданіе и проповѣдь истины дошли до насъ» (Ibid. гл. Ш, 3). «Если бы возникъ споръ о какомъ нибудь важномъ вопросѣ, то не надлежало ли бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались апостолы, и отъ нихъ получить, что есть достовѣрнаго и яснаго относительно этого вопроса? Что, если бы апостолы не оставили намъ писаній? Не должно ли было слѣдовать порядку преданія, преданнаго тѣмъ, кому они ввѣрили церкви?» (Кп Ш, гл. 4). Изъ исторіи церкви этого времени видно, что тѣ вопросы, по которымъ преданіе церквей не могло быть сведено къ полному единству и относительно которыхъ оказывалось разногласіе въ обычаяхъ, служили предметомъ продолжительныхъ соглашеній, споровъ, иногда даже размолвокъ между церквами. Такъ во II и Ш стол. шли споры между нѣкоторыми церквами на Востокѣ и въ Малой Азіи и церквами западными, съ римскою во главѣ, о времени празднованія христіанской Пасхи. Первыя въ основаніе своего обычая представляли преданіе, сохранившееся у нихъ отъ ап. Іоанна и Филиппа; вторыя ссылались на преданіе, идущее отъ ап. Петра и Павла. Въ теченіе двухъ вѣковъ знаменитѣйшіе изъ предстоятелей церковныхъ (св. Поликарпъ и папа Аникита, Поликратъ и папа Викторъ) входили въ совѣщанія между собою объ этомъ вопросѣ, но не могли придти къ соглашенію; не однократно собирались въ Римѣ, Галліи, Палестинѣ, Малой Азіи соборы и старались установить общее правило для всѣхъ церквей. (Церк. ист. Евсевія кн. V, гл. 23, 24, 25). Подобныя разногласія въ Ш в. происходили между церквами африканскими и нѣкоторыми восточными съ римскою по вопросу о крещеніи еретиковъ, обращающихся къ церкви (Кипр. пис. 64. 73. 71. 74. Евсев. кн. VII, гл. 3. 7. 9); также въ африканской церкви—диспи-

[57]) Сочин. св. Иринея въ переводѣ свящ. Преображенскаго. 1871 г. Пять книгъ противъ Ересей Кн. Ш, гл. 3. 1.

плинарные споры о принятіи въ церковный союзъ отпадшихъ отъ него во время гоненій. Придти къ единообразной практикѣ по такимъ вопросамъ было тѣмъ затруднительнѣе, что церковь до признанія ея въ имперіи не имѣла внѣшняго органа для всеобщаго законодательства, какимъ съ IV вѣка сдѣлались вселенскіе соборы; можно даже сказать, что до этого времени всѣ правила, практиковавшіяся въ церковной жизни, почерпали свой авторитетъ во внутреннемъ убѣжденіи и соглашеніи между различными церквами, въ добровольномъ признаніи по уваженію къ преданію, на которомъ онѣ основывались [58]), а не въ авторитетѣ законодательной власти, ибо такой власти для всей тогдашней церкви, съ юридическимъ

---

[58]) Для поясненія и подтвержденія этой мысли приведемъ здѣсь замѣчательный отрывокъ изъ посланія св. Иринея къ римскому епископу Виктору, по случаю спора между церквами о времени празднованія Пасхи. Изъ него мы видимъ, какъ устанавливалось и обобщалось преданіе между отдѣльными церквами. „Разногласятъ не только объ этомъ дѣлѣ, но и о самомъ образѣ поста: ибо одни думаютъ, что должно поститься одинъ день, другіе—два, иные—больше, а иные—сорокъ... Такое различіе въ соблюденіи (поста) произошло не въ наше время, но гораздо прежде, у нашихъ предковъ, которые вѣроятно не соблюдали въ этомъ большой точности и простой, частный свой обычай передавали потомству. Тѣмъ не менѣе однакожъ всѣ они сохраняли миръ, и мы живемъ между собою въ мирѣ и разногласіемъ касательно поста утверждается согласіе вѣры... Пресвитеры, управлявшіе тою церковью, которою ты нынѣ управляешь, именно: Аникита, Пій, Игинъ, Телесфоръ и Ксистъ какъ сами не соблюдали этого обычая въ празднованіи Пасхи, такъ и своимъ не позволяли соблюдать его. Несмотря однакоже на это несоблюденіе, они сохраняли миръ съ братіями приходившими къ нимъ изъ тѣхъ церквей, въ которыхъ тотъ обычай былъ соблюдаемъ, хотя соблюденіе его для несоблюдавшихъ должно было казаться весьма страннымъ За этотъ обычай никто и никогда не былъ отвергаемъ... Когда блаженный Поликарпъ при Аникитѣ приходилъ въ Римъ, то оба они и касательно другихъ предметовъ немного спорили между собою, но тотчасъ согласились, а объ этомъ вопросѣ и спорить не хотѣли; потому что ни Аникита не могъ убѣдить Поликарпа не соблюдать того, что онъ всегда соблюдалъ, живя съ Іоанномъ и другими апостолами, ни Поликарпъ не убѣдилъ Аникиту соблюдать, ибо Аникита говорилъ, что онъ обязанъ соблюдать обычаи предшествовавшихъ себѣ пресвитеровъ. Несмотря на такое состояніе дѣла, они однакожъ находились во взаимномъ общеніи“ (Цер. Истор. Евсевія V, 24).

характеромъ и значеніемъ, еще не было [59]), и она не обладала внѣшними средствами приводить свои приговоры въ исполненіе [60]), дать своимъ рѣшеніямъ обязательную силу всеобщаго закона, если не встрѣчала добровольнаго подчиненія въ средѣ вѣрующихъ. Не авторитетъ закона, а обычай, какъ замѣтилъ Тертулліанъ, служилъ утвержденіемъ того или другаго правила, и вѣра т. е. свободное убѣжденіе и признаніе охраняли его.

Исторія церкви первыхъ III вѣковъ указываетъ тѣ способы, какими дѣйствовали христіанскія церкви того времени, извлекая изъ преданія правила церковной жизни, отличая чистое и истинное въ немъ отъ сомнительнаго, повѣряя мѣстные обычаи и учрежденія, соглашая и приводя ихъ къ единству, и такимъ образомъ устанавливая путемъ взаимнаго соглашенія общія, всѣми церквами признанныя и практикуемыя нормы церковной жизни. Главными изъ такихъ способовъ были: 1) взаимныя, постоянныя сношенія между различными, иногда весьма отдаленными (отъ Палестины до Галліи, отъ Африки до Рима) церквами по поводу вопросовъ, возникавшихъ въ той или другой, и требовавшихъ рѣшенія. Такимъ путемъ узнавали, какое въ той или другой церкви существуетъ преданіе или обычай касательно возбужденнаго вопроса. При этихъ сношеніяхъ особеннымъ нравственнымъ авторитетомъ пользовались преданія и обычаи церковныхъ обществъ, основанныхъ самими апостолами, потому что они при-

---

[59]) Когда римскій епископъ Викторъ въ спорѣ о Пасхѣ хотѣлъ прибѣгнуть къ отлученію мало-азійскихъ церквей отъ единенія церковнаго для того, чтобы вынудить ихъ къ принятію римскаго обычая, то, по свидѣтельству Евсевія, былъ сильно порицаемъ другими епископами и не достигъ своей цѣли. Евсев. V, 24.

[60]) Для исполненія своего приговора надъ Павломъ Самосатскимъ соборъ 270 г. принужденъ былъ обратиться къ языческому императору Авреліану, чтобы онъ принудилъ низложеннаго епископа къ повиновенію. Истор. Цер. Евсевія VII, 30.

знавались лучшими хранителями порядковъ и преданія апостольскаго [61]).

2) Соборы предстоятелей различныхъ церквей, съѣзжавшихся или по особеннымъ случаямъ, требовавшимъ разсмотрѣнія (напр. при появленіи ересей), или періодически (два раза въ году) собиравшихся въ каждой помѣстной церкви. На нихъ представители церквей являлись свидѣтелями тѣхъ преданій, обычаевъ, которые хранились въ ихъ обществахъ, повѣряли практику своихъ церквей сличеніемъ съ другими и извлекали отсюда общеупотребительныя и общепризнанныя нормы. Общее вѣрованіе и убѣжденіе церквей, общій обычай здѣсь находилъ самое вѣрное и въ тоже время самое свободное признаніе и закрѣплялся общимъ соглашеніемъ. Такимъ образомъ посредствомъ соборовъ могли приходить въ извѣстность, исправляться, очищаться и распространяться обычаи церквей, основанные на преданіи, и получать на нихъ, съ общаго согласія, дальнѣйшее развитіе по требованію обстоятельствъ времени [62]).

3) Обширная и энергическая дѣятельность знаменитѣйшихъ предстоятелей церквей II и III вѣковъ, направленная къ поддержанію, примѣненію и развитію церковнаго

---

[61]) Св. Ириней указываетъ въ особенности на римскую церковь, какъ на *величайшую, древнѣйшую и всѣмъ извѣстную,* съ которою „по ея преимущественной важности, по необходимости согласуется всякая церковь т. е. всюду вѣрующіе, такъ какъ въ ней апостольское преданіе всегда сохранялось вѣрующими повсюду“ (книга III гл. 3). Замѣчательно, что основаніемъ, по которому другія церкви согласуются съ преданіемъ римской, указывается не законодательный авторитетъ послѣдней, которому обязаны подчиняться другія, но преимущественная чистота и общераспространенность содержимаго ею преданія. О сношеніяхъ церквей этого времени см. Евсев. Цер. Ист 5. 23. Письма Киприана въ Patrologiae Cursus complet. ed. Migne 1844 т. T. IV.

[62]) О соборахъ II и III в. см. Евсевія церк. ист. Кн. V 16, 22—24. IV, 8. 23. 36. VII, 7. Свѣдѣнія о соборахъ африканскихъ находятся въ перепискѣ св. Киприана Curs. Patr. ed. Migne. О соборахъ въ областяхъ древней Греціи замѣчательны слова Тертулліана: „Aguntur per totam Graeciam illa concilia, ex universis Ecclesiis, per quae et altiora quaeque in commune tractantur et *ipsa repraesentatio totius nominis christiani* magna veneratione celebratur.“ De jejun. cap. 13.

преданія и къ объединенію его въ практикѣ всѣхъ церквей. Укажемъ здѣсь на св. Игнатія Антіохійскаго, Поликарпа Смирнскаго, Иринея Ліонскаго, Діонисія и Петра Александрійскихъ, Григорія Неокесарійскаго и др. Св. Иринеи о св. Поликарпѣ свидѣтельствуетъ, что, посѣщая церкви разныхъ странъ, онъ повсюду повѣрялъ апостольское преданіе и самъ свидѣтельствовалъ о томъ, что слышалъ отъ Апостоловъ (кн. III, гл. 3). Въ сношеніяхъ между собою, посредствомъ посланій, предстоятели церквей передавали другъ другу свои мнѣнія по различнымъ предметамъ церковнаго управленія, или мѣстные обычаи и правила своихъ церквей и такимъ образомъ обобщали и развивали ихъ. Таковы дошедшія до насъ изъ III вѣка посланія Діонисія Александрійскаго и Григорія Неокесарійскаго (см. Книга правилъ, стр. 243 и 265).

Такимъ образомъ развивалось изъ преданія, утверждалось обычаемъ и охранялось вѣрою древнѣйшее церковное право, авторитетъ котораго опирался не на законодательномъ авторитетѣ власти, въ юридическомъ смыслѣ, но на высокомъ уваженіи къ источнику, изъ котораго оно истекало, и на всеобщемъ церковномъ признаніи и убѣжденіи въ его истинности и чистотѣ.

Изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма неопредѣленныхъ, свидѣтельствъ IV в. можно сдѣлать заключеніе, что попытки собиранія и закрѣпленія посредствомъ записыванія преданій, наиболѣе укоренившихся въ практикѣ, силою обычая и общаго признанія, обращенныхъ въ правила постоянныя для извѣстныхъ сторонъ жизни, были предпринимаемы ревнителями церковныхъ порядковъ прежде, чѣмъ истекло три первыхъ вѣка церковной жизни, послѣ которыхъ право церкви принимаетъ характеръ законодательства въ собственномъ смыслѣ. Такъ наприм. церковный историкъ Евсевій, современникъ императора Константина, свидѣтельствуетъ о Егезиппѣ, современникѣ св. Иринея, что онъ, вмѣстѣ съ ученіемъ вѣры, собиралъ, во время своихъ путешествій, и апостольскія преданія и изложилъ все это въ пяти книгахъ своихъ записокъ. Между со-

чиненіями Климента Александрійскаго онъ же упоминаетъ объ одномъ, носившемъ названіе κανων ἐκκλησιαστικος, хотя не видно, чтобы содержаніе его было именно каноническое. (Цер. Ист. кн. IV, гл. 22, кн. VI гл. 13). Оба эти памятника древности, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Но съ именемъ Апостоловъ преданы намъ древностію церковною два другіе памятника, имѣющіе въ церковномъ правѣ важное, хотя и не одинаковое, значеніе: 1) Апостольскія правила [63]) (κανωνες τῶν αποστολων), 2) Апостольскія постановленія [64]) (διαταγαι των αποστολων).

Апостольскія правила [65]).

О внѣшней судьбѣ этого весьма замѣчательнаго памятника канонической древности извѣстно слѣдующее: въ концѣ V вѣка (около 500 г.) римскій аббатъ Діонисій Малый (Exiguus) перевелъ для епископа салоникскаго Стефана собраніе церковныхъ правилъ съ греческаго на латинскій, содержащее въ себѣ каноны десяти соборовъ до Халкидонскаго включительно, и въ началѣ его помѣстилъ 50 правилъ апостольскихъ. Въ предисловіи къ своему сборнику Діонисій высказалъ, какъ онъ и многіе изъ его современниковъ смотрятъ на помѣщаемыя имъ подъ именемъ апостольскихъ правила: in principio canones *qui dicuntur* apostolorum de graeco transtulimus, qui-

---

[63]) См. отъ Синода сдѣланное изданіе греческаго текста съ славянскимъ переводомъ. Прекрасное изданіе греческаго текста съ варіантами, объяснительными къ тексту примѣчаніями и латинскимъ переводомъ, см въ Juris ecclesiast. Graecorum Historia et Monumenta, Pitra. T. 1, 1864 г.; старинныя изданія A. Wechelus, Octoginta quinque regulae apost. 1558. Beveregius, Synodicon, sive Pandecta canonum etc. 1672. Также во всѣхъ изданіяхъ правилъ соборовъ. См. ниже.

[64]) Изданіе ихъ см. въ помянутом[redacted] выше сочиненіи Card. Pitra T. 1. Въ нашей славянской Кормчей главы II, III и IV заимствованы изъ VIII книги апостольскихъ постановленій.

[65]) Въ нашей литературѣ есть одно изслѣдованіе объ апостольскихъ правилахъ „Древность и важность ап. правилъ“ Стратилатова. С.-Петербургъ 1865 г. См. также въ Опытѣ Курса Церк. Законов. архим. Іоанна т. 1, стр. 122—136. Сочиненія иностранныхъ ученыхъ указаны ниже

bus quia plurimi consensum non praebuere facilem... quamvis postea quaedam constituta pontificum ex ipsis canonibus assumpta esse videantur» [66]). Когда въ началѣ VI в. рѣшеніемъ римскаго епископа Ормизда († 523 г.) апостольскія правила были объявлены на западѣ апокрифическими, Діонисій во второмъ изданіи своего сборника совершенно опустилъ ихъ, замѣтивъ въ предисловіи (одно оно дошло до насъ): quos non admisit universitas, ego quoque in hoc opere praetermisi. Но такъ какъ первый сборникъ Діонисія на западѣ пріобрѣлъ большое уваженіе, имъ съ VI стол. пользовались папы, то и помѣщенныя въ немъ апостольскія правила въ числѣ 50 вошли, по крайней мѣрѣ въ римской церкви, въ употребленіе на соборахъ, вносились въ позднѣйшіе сборники западнаго каноническаго права и имѣли силу въ практикѣ [67])

---

[66]) Предисловіе и весь сборникъ отпечатаны у Гардуина (Collect. Concil. T. 1, p. 1) у Манси (Collect. Conc. T. 1, p. 3) Bickel, Geschichte d. Kirchenrechts 1843. Bd. 1, 74.

[67]) На соборѣ латеранскомъ 769 г. при Стефанѣ 11, римская церковь заявила, что „Апостольскихъ правилъ, преданныхъ чрезъ Климента, не болѣе нужно принимать, какъ только 50, которыя и принимаетъ св. католическая церковь Божія въ Римѣ". Въ сборникѣ Лжеисидоровомъ апостольскія правила въ числѣ 50 помѣщены какъ обязательныя съ замѣчательною ссылкою на соборное опредѣленіе (можетъ быть собора Трулльскаго 692 г.), признавшее ихъ каноническими: quoniam plures eos recipiunt et sancti patres eorum sententias synodali auctoritate reboraverunt et inter canonicas constituerunt. Легатъ Льва IX Гумбертъ (1054 г.) объявлялъ въ спорахъ съ греками, что 50 каноновъ признаются римскою церковью, остальные 35 отвергаются какъ апокрифическіе. См. Hefele Conciliengesch. T. 1, 768 и слѣд. Bickell стр. 76, 77 примѣч. 14, 17. Въ такомъ видѣ внесены они въ Decretum Gratiani 1151 г. и послѣ того пріобрѣли въ римской церкви законную силу. Въ другихъ западныхъ церквахъ апостольскія правила и въ числѣ 50 не пользовались такимъ авторитетомъ. Григорій Турскій (въ половинѣ VI в.), хотя зналъ о существованіи ихъ, но говоритъ, что они въ большей части западныхъ церквей или были неизвѣстны, или же совершенно отвергаемы (Hist. Franc. L. 7, c. 18, 27) Около этого же времени Фульгенцій Феррандъ, карѳагенскій діаконъ, не внесъ ихъ въ свое сокращеніе каноновъ (Breviatio canonum); также не внесъ ихъ и Мартинъ Брагскій еп. (около 562 г.) въ свое *collectio canonum orientalium*. Гинкмаръ архіепископъ Реймскій (870 г.) отвергалъ апостольское ихъ происхожденіе.

Около 50 лѣтъ спустя послѣ Діонисія Іоаннъ Схоластикъ, антіохійскій пресвитеръ (съ 565 г. константинопольскій патріархъ), издалъ греческое собраніе каноновъ въ систематическомъ порядкѣ, въ которомъ помѣстилъ апостольскія правила числомъ 85, замѣтивъ въ предисловіи, что они находятся въ древнихъ греческихъ собраніяхъ. Въ хронологическомъ кодексѣ каноновъ VII в. (Voell. 11, 790) они приводятся въ томъ же числѣ, но относительно апостольскаго происхожденія ихъ высказывается сомнѣніе [68]). Въ концѣ VII в. соборъ Трулльскій, утверждая составъ церковнаго канона, до него образовавшагося, призналъ «прекраснымъ и крайняго тщанія достойнымъ и то, чтобъ отнынѣ тверды и ненарушимы пребывали пріятыя и утвержденныя бывшими прежде насъ... отцами, а также и намъ преданныя именемъ святыхъ и славныхъ апостоловъ осмьдесятъ пять правилъ» (пр. 2). VII вселенскій соборъ (787) въ общихъ выраженіяхъ утверждаетъ правила, изложенныя отъ всехвальныхъ апостолъ, хотя не указываетъ ихъ числа (пр. 1). Авторитетъ этихъ двухъ соборовъ на Востокѣ долженъ былъ окончательно утвердить значеніе апостольскихъ правилъ и каноническую ихъ важность [69]). Но на Западѣ, гдѣ авторитетъ

---

[68]) См. Bickel. T. 1, 76, примѣчаніе 13

[69]) Послѣ этихъ опредѣленій соборовъ трудно объяснить, какимъ образомъ въ предисловіи къ синтагмѣ Фотія, которое Бинеръ De Collect. can. Eccl. Graec. p. 25) и другіе ученые не сомнѣваются приписать самому патріарху, апостольскія правила называются только *глаголемыми* (λεγόμενα) и *сомнительными* (см. это предисловіе въ славянской Кормчей „и глаголемая св. апостолъ правила, аще и нѣцыи сія противна, нѣкихъ ради винъ, вмѣниша“). Думаютъ объяснить эту странность предположеніемъ, что при составленіи номоканона въ рукахъ Фотія былъ старый сборникъ правилъ, изданный еще прежде Трулльскаго собора, и что Фотій дополнилъ и обработалъ этотъ сборникъ въ новомъ видѣ, оставивъ въ немъ прежнее его предисловіе (см. арх. Іоанна Оп. Церк. Зак. Т. 1, стр. 22—23). Предположеніе о старомъ сборникѣ, бывшемъ подъ руками у Фотія, теперь доказано и не подлежитъ сомнѣнію; но имъ не устраняется вышеизложенная трудность, и попрежнему остается темнымъ вопросъ, хотя въ видоизмѣненной нѣсколько формѣ: если Фотій и не писалъ самъ предисловія, то какъ онъ могъ оставить въ немъ такія выраженія объ апостольскихъ правилахъ, притомъ безъ всякихъ съ своей стороны разъясненій и примѣчаній?

перваго собора не былъ признанъ, а выраженія втораго не казались достаточно опредѣленными касательно состава правилъ, сомнѣнія не были ослаблены. Знаменитый архіепископъ Реймскій Гинкмаръ (870 г.) отвергалъ апостольское происхожденіе правилъ, и въ его время они не были внесены въ кодексъ галликанской церкви. Съ XVI ст., когда вниманіе ученыхъ обратилось въ особенности на историко-критическую разработку памятниковъ церковной древности, сомнѣніе въ апостольскомъ происхожденіи правилъ сдѣлалось на западѣ всеобщимъ, и во всей литературѣ католической и протестантской съ того времени можно указать развѣ на іезуита Франциска Турріана (XVI в.), который старался доказать, что правила эти были составлены самими апостолами и были переданы чрезъ св. Климента, ученика апостола Петра. Съ этого времени споръ ученыхъ о времени происхожденія и объ источникахъ этого памятника не прекращался и вопросъ не можетъ быть признанъ рѣшеннымъ [70]) и въ

---

[70]) Магдебургскіе центуріаторы первые начали оспаривать апостольское происхожденіе правилъ, подвергнувъ критическому разбору Лжеисидоровъ сборникъ Іезуитъ Турріанъ, отстаивая подложный сборникъ, горячо защищалъ и подлинность апостольскихъ правилъ, допуская лишь нѣкоторыя интерполяціи. Съ болѣе умѣреннымъ мнѣніемъ выступилъ епископъ орлеанскій Альбастеней, и за нимъ архіепископъ Петръ де-Марка, которые, не признавая апостольскаго происхожденія правилъ, допускали, что они представляютъ сокращеніе церковныхъ правилъ, постановленныхъ до Никейскаго собора (325 г.) или нѣкоторыми епископами, или частными соборами. Противъ обоихъ мнѣній кальвинистъ Даллей выставилъ свою гипотезу, по которой собраніе правилъ отнесено къ V и VI вв. (его сочиненіе — de Pseudepigraphis apostolicis) и подозрѣвалъ въ немъ подлогъ. Англиканецъ Бевериджъ основательно опровергъ Даллея и съ большею ученостью доказывалъ, что хотя сборникъ не былъ составленъ Климентомъ римскимъ (скорѣе Климентомъ Александрійскимъ, но его содержаніе извлечено и собрано изъ древнѣйшихъ правилъ, изданныхъ соборами II и III в (Его сочиненіе: Codex canonum ecclesiae primitivae vindicatus et illustratus у Котельера, т. 11, стр 1—183). Взглядъ Бевериджа до позднѣйшаго времени оставался господствующимъ въ литературѣ и повторялся въ учебникахъ церковнаго права (Spittler, Geschichte d. canon. Rechts стр. 66 и слѣд. Walter Lehrb d. canon. Rechts 4-е изд.; въ позднѣйшихъ изданіяхъ Вальтеръ, подъ вліяніемъ изслѣдованій Дрея, Биккеля и др., измѣ-

настоящее время. Не вдаваясь въ его подробности, представимъ настоящее положеніе этого вопроса въ наукѣ и вѣроятнѣйшее его рѣшеніе, имѣющее за себя болѣе твердыхъ основаній.

При изслѣдованіи происхожденія апостольскихъ правилъ необходимо различать ихъ содержаніе и практическое употребленіе отъ изложенія и приведенія въ одинъ составъ въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ. Ни одинъ изъ ученыхъ, какъ бы консервативны ни были его воззрѣнія, теперь уже не можетъ доказывать, чтобы апостольскія правила въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ихъ теперь, произошли непосредственно отъ апостоловъ [71]). Противъ такого предполо-

---

милъ свой взглядъ, см изд 12 1856 г § 68). Въ новѣйшее время онъ подвергся сильнымъ нападеніямъ Замѣчательнѣйшее изслѣдованіе принадлежитъ Дрю Neue Untersuchungen uber die Constitutionen und Canones der Apostel, Tubing 1832 г., который пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) въ древнѣйшей церкви не существовало письменнаго кодекса правилъ и неопредѣленныя выраженія, встрѣчаемыя у древнихъ писателей и на соборахъ въ ссылкахъ на „древнія правила“ „древній законъ“ и „древнія установленія“ „канонъ церковный“ „церковныя правила“ „апостольское правило“ и т. п означаютъ не какое-либо ос бенное собраніе правилъ, но указываютъ а) на постановленія апостоловъ, заключающіяся въ ихъ посланіяхъ; б) на церковную практику, основанную на преданіи и обычаѣ, вообще не на кодексъ писанныхъ законовъ, а на то, какъ было, какъ велось въ древней церкви. Названіе ихъ апостольскими указываетъ на то, что основаніе общаго признанія ихъ древнею церковью полагалось въ апостольскомъ преданіи; 2) весьма многія изъ апостольскихъ правилъ *по своему содержанію* очень древни, относятся даже къ апостольскому времени; но *по своему изложенію*, по редакціи они гораздо позднѣе и только небольшая часть, заимствованная изъ апостольскихъ постановленій, могла принадлежать къ до-никейскому времени. Большинство изъ нихъ появилось въ IV и V ст. и было только повтореніемъ и измѣненіемъ того, что было постановлено антіохійскимъ соборомъ 341 г. Нѣкоторыя изъ правилъ (30. 81. 83) позднѣе даже собора халкидонскаго (451 г.), который послужилъ для нихъ источникомъ. Изъ такихъ разновременныхъ источниковъ составилось два собранія, изъ коихъ первое, обнимающее 50 первыхъ правилъ, появилось въ половинѣ V в; другое, содержащее 35 послѣднихъ въ началѣ VI в. (см Hefele Conc. gesch T. 1, 770.

[71]) Основаніемъ для такого мнѣнія могли служить нѣкоторыя выраженія, встрѣчающіяся въ различныхъ спискахъ самыхъ правилъ, показывающія, какъ будто сами апостолы написали ихъ, напр. въ 26 правилѣ при запреще-

женія говоритъ: 1) составъ правилъ, ибо въ немъ можно указать не мало такихъ установленій, которыя, по соображенію историческихъ обстоятельствъ, нельзя приписать непосредственно апостоламъ или ихъ ближайшимъ ученикамъ. Таковы напр. 7-е правило о времени празднованія христіанской пасхи, 46-е о крещеніи еретиковъ: объ этихъ предметахъ во II и III вв. были между церквами продолжительные споры, которые не могли бы имѣть мѣста, еслибы помянутыя правила были написаны апостолами и внесены въ кодексъ законовъ церкви; 2) въ нихъ представляется на столько развитою церковно-іерархическая администрація—напр. епископы областные, съ опредѣленными отношеніями къ епископамъ паркій, двукратные въ году соборы въ областяхъ, должности иподіаконовъ, чтецовъ, пѣвцовъ и т. п., что невозможно предположить такого усложненія въ вѣкъ апостоловъ. 3) Въ самыхъ же апостольскихъ правилахъ, при исчисленіи писаннаго канона книгъ (пр. 85), назначенныхъ для чтенія въ церкви, не упоминается о сборникѣ правилъ, о чемъ безъ сомнѣнія было бы упомянуто, если бы таковой существовалъ.

Этихъ соображеній не оспариваютъ писатели наиболѣе расположенные въ пользу глубокой древности происхожденія апостольскихъ правилъ, и самые крайніе въ этомъ направленіи взгляды [72]) нейдутъ далѣе предположенія, что если не

ніи симоніи говорится: да будетъ изверженъ и онъ (поставленный) и поставившій, и отъ общенія совсѣмъ да отсѣчется, яко Симонъ волхвъ *мною* Петромъ; въ 50 пр. „не сказалъ *намъ* Господь: въ смерть Мою крестите"; въ 82 „аще когда рабъ и достоинъ явится поставленія въ степень церковную, каковымъ явился и *нашъ* Онисимъ", или въ 85: „дѣянія *наши* апостольскія". Но теперь несомнѣнно доказано, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ личныя мѣстоимѣнія суть позднѣйшія вставки, не встрѣчающіяся въ большей части древнѣйшихъ кодексовъ См. Стратил. стр. 147.

[72]) Выраженіемъ такихъ взглядовъ въ нашей литературѣ мы считаемъ сочиненіе Стратилатова „Древность и важность апостольскихъ правилъ" 1865 года. Этотъ трудъ выигралъ бы въ основательности, если бы менѣе было очевидныхъ натяжекъ въ пользу заданной темы и если бы яснѣе проведено было различіе между апостольскимъ происхожденіемъ правила и тѣмъ, что оно основано на преданіи или практикѣ идущей отъ апостоловъ и ихъ пре-

всѣ, то большая часть правилъ произошли отъ изустнаго преданія апостольскаго, что они «получили свое апостольское происхожденіе не слово въ слово, а въ существенныхъ, но опредѣленныхъ чертахъ» (Стратил. стр. 23. 36). Но въ сущности этого не отрицаютъ и ученые съ крайнимъ отрицательнымъ направленіемъ, допуская (Дрей, Биккель), что многія изъ апостольскихъ правилъ, *по своему содержанію*, весьма древнія, восходятъ къ апостольскому времени и частію даже *дѣйствительно апостольскаго происхожденія* (Bickell. Bd. I. s. 80). Дѣйствительно, въ глубокой древности очень многихъ апостольскихъ правилъ мы легко убѣдимся, если сличимъ практику церковной жизни первыхъ трехъ вѣковъ, какъ она засвидѣтельствована отцами и писателями этого времени, съ тѣми постановленіями, которыя выражены и формулированы въ апостольскихъ правилахъ [72]). И такъ какъ различныя церкви въ вопросахъ обряда, дисциплины и управленія руководились, какъ выше мы видѣли, древнимъ преданіемъ, шедшимъ отъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, то въ этомъ отношеніи апо-

---

емниковъ, выведено, развито изъ нея или составлено въ согласіи съ нею. Тогда не нужно было бы глубокую древность нѣкоторыхъ правилъ, согласіе ихъ съ апостольскимъ ученіемъ смѣшивать съ апостольскимъ происхожденіемъ, или относительно многихъ правилъ доказывать, что они не чужды (?) апостольскаго происхожденія.

[72]) Сравн. ап. пр. 10. 12. 45. о несообщеніи съ еретиками и отлученными—съ мѣстами у св. Иринея въ книгахъ Противъ ересей кн. 3. 9 Тертул. praescript. cap. 12 Кипріана Ер. 8.—Ап. пр. 47. 48. о неповтореніи истиннаго крещенія и рукоположенія срав. Тертул de pudic. cap. 16. de bapt 17. Кипр. Ер. ad Caecilium. — Ап. пр 49. 50. о троекратномъ погруженіи въ воду при крещеніи сравн. Іуст. аполог. 2 Тертул. adver. Prax. cap. 26. de corona militis 3. Апост. пост. кн. 3. гл. 16.—Апост. пр. 17 о двоеженцахъ сравн. Терт. de castit. cap. 7. ad uxor. 1. 7. Оригена Hom. 17 на Ев. Лук —Ап. пр. 1. 2. 31. 39. о степеняхъ іерархіи и подчиненіи епископу клира сравн. Клим. Рим. 1 посл. къ Коринѳ. Игнат. къ Магнез. Смирн. и Филадельф. Тертул de baptismo. Ирин. пр. ересей Ш. 3.—Ап. пр. 69 о постѣ въ среду и пятокъ и въ четыредесятницу сравн. Терт. de jejun. 13. 14. Клим. Алек. Strom. 7. Петр. Алекс. кан. 15. Ориг. in Levit. Homil. 10. Изъ этихъ и многихъ другихъ сличеній можно убѣдиться, что практика церк. жизни первыхъ трехъ вѣковъ слѣдовала тѣмъ самымъ обычаямъ и преданіямъ, которыя выражены въ видѣ постановленій въ апостольскихъ правилахъ.

стольскія правила представляютъ не иное что, какъ сводъ преданій, раздѣльно сохраненныхъ въ разныхъ церквахъ [74]) и снесенныхъ постепенно въ разныя времена и трудами различныхъ лицъ въ одинъ составъ. На разновременность состава и участіе въ немъ нѣсколькихъ лицъ указываетъ самая редакція правилъ. Всякому, кто прочитаетъ и сравнитъ ихъ, будетъ ясно, что они расположены безъ всякаго плана и порядка, что въ нихъ встрѣчаются частыя повторенія однихъ и тѣхъ же правилъ съ самыми незначительными разностями [75]). Всего этого не могло быть, если бы надъ собраніемъ и изложеніемъ ихъ трудилось одно какое нибудь лице. Очевидно, это сводъ компилированный изъ различныхъ сборниковъ, быть можетъ принадлежавшихъ различнымъ церквамъ, заключавшихъ въ себѣ не одинаковое количество правилъ съ неодинакимъ счетомъ [76]).

Гораздо болѣе разности—во взглядахъ ученыхъ на время происхожденія этого сборника въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, и въ полномъ его составѣ. Самый ранній періодъ, къ которому желали бы отнести его одни—это конецъ II и начало III в., самый поздній, къ которому относятъ его другіе—половина V стол.—для нѣкоторыхъ весьма немногихъ

---

[74]) Такъ преданіе о времени празднованія христіанской пасхи, выраженное въ 7 ап. пр., принадлежитъ церкви римской; 46 и 47 пр. о перекрещиваніи еретиковъ представляютъ ограниченіе обычаевъ африканской церкви подъ вліяніемъ римскаго преданія; 37-е правило о соборахъ утверждаетъ обычаи малоазійскихъ церквей, гдѣ этотъ порядокъ развился во II вѣкѣ; 70 и 71 пр. носятъ на себѣ слѣды палестинскаго происхожденія и направлены противъ іудейскихъ обычаевъ; прав. 51. 53. 64. вѣроятно возникли въ александрійской церкви и направлены противъ воззрѣній и обычаевъ гностическихъ сектъ, здѣсь господствовавшихъ. См. разборъ этихъ правилъ въ Кур. закон. Іоанна, и у Стратилат.

[75]) Напр. 47-е пр. есть повтореніе 46; 8 пр. сходно съ 6 и 20-мъ; 65-е повторяетъ 45; 5. 8. 11. 33. говорятъ о клирикахъ тоже, что 48, 9, 10. 12—о мірянахъ и т. п.

[76]) Число правилъ въ различныхъ манускриптахъ, греческихъ восточныхъ и латинскихъ не одинаково: въ латинскихъ 50, въ греческихъ 76. 85. 81. 84. См. Bickell Bd. 1. стр. 72, примѣч. 2.

впрочемъ правилъ, (Дрей только о трехъ правилахъ 30. 81. 83. думаетъ, что они заимствованы изъ постановленій халкидонскаго собора 451 г.) и конецъ IV—для большей части [77]). Впрочемъ, если разобрать основанія, на которыхъ утверждаются оба мнѣнія и отдѣлить въ нихъ факты отъ предположеній, то разстояніе между крайними предѣлами времени значительно сократится и споръ видоизмѣняется. Защитники перваго мнѣнія сами говорятъ, что время, «когда именно правила были собраны и приведены въ настоящій составъ, съ точностію опредѣлить нельзя» (Страт. 153), что «не прежде IV в. мы находимъ указанія на полный составъ или сводъ апостольскихъ правилъ подъ именемъ церковнаго канона, и что въ первые вѣка мы видимъ эти правила болѣе въ практикѣ церковной, нежели въ письменности» (ibid. стр. 178). Разсматривая доказательства историческія, которыя приводятся защитниками этого мнѣнія, мы находимъ, что самое раннее свидѣтельство въ пользу собранія апостольскихъ правилъ, по собственному ихъ признанію, «встрѣчается въ опредѣленіяхъ перваго вселенскаго собора никейскаго 325 г., *прежде же этого времени нѣтъ указаній на полный составъ или сводъ такихъ постановленій*» (Ibid. 174). Свидѣтельство никейскаго собора, о которомъ здѣсь говорится, не есть впрочемъ прямое, ясное и опредѣленное; въ немъ мы ничего не найдемъ о сводѣ правилъ, о письменномъ кодексѣ; есть ссылки на «*правило*» (Ник. 1. 9. 15), на «*церковное правило*» (Ник. 2), на «*апостольское правило*» (Ник. 15). Доказать, что соборъ здѣсь разумѣетъ кодексъ правилъ апостольскихъ и сдѣлать какіе либо твердые выводы относительно его состава (соборъ нигдѣ не цитуетъ правилъ) нѣтъ возможности, но есть большая вѣроятность—изъ сличенія содержанія никейскихъ каноновъ съ апостольскими правилами сдѣлать заключеніе, что соборъ имѣлъ въ виду церковныя правила, прежде него составленныя и соблюдаемыя въ церкви, ссылается на нихъ какъ

[77]) Первое мнѣніе см. въ опытѣ К. Ц. Зак. Т. 1. 133. Стратилат. 179. Второе мнѣніе у Дрея Neue Untersuch. и у Bickell Bd. 1. стр. 84.

на авторитетъ, и что эти правила сходны по содержанію (сходства по слововыраженію не встрѣчается) съ тѣми, которыя намъ извѣстны подъ именемъ апостольскихъ [78]). Итакъ на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, приводимыхъ самими защитниками перваго мнѣнія, можно съ вѣроятностью заключить только о существованіи правилъ церковныхъ и апостольскихъ въ періодъ до никейскаго собора, но нельзя говорить о полномъ составѣ или сводѣ такихъ постановленій въ современномъ ихъ видѣ, еще менѣе возможности отодвигать его происхожденіе къ концу II и началу III в. не указавъ историческихъ основаній изъ этого времени. Такимъ образомъ послѣднее предположеніе, пока не будутъ найдены свидѣтельства, его подтверждающія, не можетъ быть поддерживаемо, и ранній предѣлъ, съ котораго можно съ основательностью утверждать существованіе собранія правилъ, есть начало IV в. Въ томъ ли видѣ и въ полномъ ли составѣ, какой имѣемъ мы теперь, оно существовало въ періодъ никейскаго собора—этого рѣшительно мы утверждать не можемъ по недостатку историческихъ данныхъ.

Обращаясь къ предположеніямъ ученыхъ отрицательнаго направленія также не трудно замѣтить, что крайніе предѣлы, до которыхъ они отдаляютъ происхожденіе сборника, не имѣютъ за себя твердыхъ основаній. Уже Биккель, во многомъ согласный съ выводами Дрея, замѣтилъ, что предположеніе послѣдняго о заимствованіяхъ нѣкоторыхъ апостольскихъ правилъ изъ халкидонскихъ постановленій—именно 30

[78]) Въ 1 пр. соборъ, разсуждая о скопцахъ, сдѣлавшихся такими неволею, говоритъ, что таковыхъ, если окажутся достойными, *правило* (ὁ κανων) допускаетъ въ клиръ. Таково опредѣленіе, содержащееся въ 21 апост. правилѣ. Во 2. пр. соборъ запрещаетъ новообращенныхъ изъ язычества производить въ епископы или пресвитеры, находя это противнымъ *церковному правилу*. Сравн. ап. пр. 80. Въ 5 пр., запрещая извержениыхъ однимъ епископомъ принимать другому, ссылается также на *правило*, сравн. ап. 32. Въ 15-мъ, запрещая членамъ клира переходить изъ одного города въ другой, замѣчаетъ объ этомъ обыкновеніи, что оно вошло въ церковь вопреки *апостольскому правилу*, сравн. ап. 14. 15.

пр. изъ 2 халк., 81 пр. изъ 3., 83 изъ 7 — не можетъ быть доказано, ибо 1) упомянутые халк. каноны имѣютъ весьма отдаленное сходство по содержанію съ апост. правилами и изъ сравненія никакъ нельзя придти къ заключенію о заимствованіи, 2) напротивъ соборы халкидонскій (451), константинопольскій (448) и ефесскій (431) въ судебныхъ процессахъ надъ непокорными епископами, предписывая троекратное приглашеніе къ суду, ссылаются на существующія уже *церковныя* и даже *божественныя правила*, подъ коими нельзя разумѣть ничего другаго, кромѣ апост. 74 пр., потому что только въ немъ одномъ изображается такой порядокъ процесса (Bickell. Bd. 1, стр. 84); 3) на халкидонскомъ же соборѣ, въ VII засѣданіи, епископъ кипрскій Регинъ для подтвержденія правъ и независимости своей церкви отъ антіохійскаго престола ссылался въ письменномъ заявленіи на *церковныя постановленія и правила апостольскія*. Соборъ призналъ основательность этого заявленія и въ 8 кан. отступленіе отъ него назвалъ противнымъ церковнымъ постановленіямъ и правиламъ св. апостолъ, при чемъ могло быть въ виду апост. 35 пр. Наконецъ 4) Биккель указываетъ на правило конст. собора 394, въ которомъ есть прямая ссылка на то, что *постановлено* апостольскими правилами. На соборѣ шелъ вопросъ о судѣ и низложеніи епископа: можетъ ли епископъ быть судимъ и низложенъ двумя или тремя епископами? Было сдѣлано нѣсколько предложеній, указывали на никейскіе декреты, требующіе для рукоположенія епископа не менѣе трехъ епископовъ и заключали отсюда, что и для низложенія нужно не меньшее число. Нектарій константинопольскій, по примѣру александр. епископа, сдѣлалъ другое предложеніе, которое принято было соборомъ и выражено въ правилѣ, именно: не подобаетъ впредь епископу судимому извергаему быти отъ священнаго чина ни двумя, ниже тремя епископами, но по приговору большаго собора, и аще возможно, всѣхъ епископовъ тоя области—*какъ и апостольскими правилами постановлено*. Еще Бевериджъ доказывалъ, что

въ этой ссылкѣ соборъ имѣлъ въ виду не иное что, какъ апостольское 74 правило, съ чѣмъ соглашается и Биккель, несмотря на то, что содержаніе апостольскаго 74 правила не вполнѣ совпадаетъ съ предметомъ, подлежавшимъ опредѣленію собора; ибо въ первомъ идетъ рѣчь о порядкѣ суда надъ епископомъ на соборѣ, во второмъ—о числѣ и составѣ судей, необходимыхъ для изверженія виновнаго епископа [79]).

Итакъ на основаніи тѣхъ историческихъ данныхъ, какія указываются самыми учеными отрицательнаго направленія, мы имѣемъ возможность сдѣлать заключеніе о существованіи собранія апостольскихъ правилъ въ концѣ IV в. Дрей старался ослабить значеніе этихъ указаній, утверждая, что во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ подъ именемъ κανόνες ἀποστολικοί нужно разумѣть апостольское преданіе вообще, древнюю церковную практику; но такого толкованія безъ натяжки допустить нельзя 1) потому, что напр. о троекратномъ призываніи епископа въ судъ мы не знаемъ никакой другой древней церковной практики, кромѣ 74 апост. правила. 2) Въ половинѣ V в. несомнѣнно уже были сборники каноновъ соборовъ, бывшихъ до этого времени. Въ концѣ этого вѣка Діонисій дѣлалъ уже переводъ съ греческаго постановленій десяти соборовъ; посему естественно было въ такое позднее время ссылаться на законодательство, а не на практику только. 3) Сопоставленіе на ефесскомъ соборѣ апостольскихъ правилъ съ церковными постановленіями указываетъ, что подъ именемъ первыхъ нельзя разумѣть одну практику, иначе также пришлось бы понимать и послѣднія; наконецъ 4) если соборы въ приведенныхъ ссылкахъ указывали на оформленныя уже, въ письмени заключенныя, древнія правила, извѣстныя тогда подъ именемъ апостольскихъ, то очевидно, они заимствовали изъ нихъ свои опредѣленія, а не наоборотъ [80]).

---

[79]) См. Bickell. Bd. I. s. 84. примѣч. 27 и 28.

[80]) Hefele Concil—Geschichte T. I. 772. Отсюда взяты эти соображенія у Стратилатова, стр. 165.

Отъ конца IV в. восходя далѣе въ древность, мы встрѣчаемся съ самыми важными для занимающаго насъ вопроса указаніями, которыя представляетъ соборъ антіохійскій, бывшій въ 341 г Достаточно простаго сличенія первыхъ 50 апост. правилъ съ постановленіями антіохійскаго собора для того, чтобы сразу замѣтить между ними поразительное сходство не только въ содержаніи, но даже въ буквальномъ изложеніи, и въ самомъ порядкѣ расположенія тѣхъ и другихъ правилъ [21]). Дрей, за нимъ Биккель настаиваютъ, что составители сборника апост. правилъ большую часть первыхъ 50, именно 9—16. 29. 32 — 41 заимствовали изъ антіохійскихъ постановленій; но основанія, ими указанныя, не представляются убѣдительными. Биккель говоритъ напр., что текстъ апост. правилъ большею частію короче и представляется извлеченіемъ изъ антіохійскихъ декретовъ; но съ большею вѣроятностію можно думать, что антіохійскія опредѣленія суть развитіе, дополненіе и примѣненіе апост. правилъ къ состоянію церкви около половины IV в. Возьмемъ для сравненія югъ примѣръ, какой приводитъ Биккель, какъ образецъ извлеченія, и потомъ приведемъ нѣсколько другихъ образцовъ.

Примѣръ Биккеля: антіох. прав. 4: «аще который епископъ, извержепный отъ сана соборомъ, или пресвитеръ и діаконъ своимъ епископомъ, дерзнетъ совершить какую-либо священную службу: епископъ ли по прежнему своему обычаю, или пресвитеръ, или діаконъ; таковому отнюдь не позволяется на другомъ соборѣ—ни надежду возстановленія въ прежній чинъ имѣти, ниже до принесенія оправданія допущену быти. Но и всѣ, сообщающіеся съ нимъ, да будутъ отлучены отъ церкви.

---

[21]) Представляемъ здѣсь сравнительную таблицу тѣхъ и другихъ правилъ.

Апостольскія:	Антіохійскія:	Апостольскія:	Антіохійскія:
9. 10. 11. 12. 13.	— 2.	35.	— 13.
15. 16.	3.	36.	17.
28.	4.	37.	20.
31.	5.	14.	21.
32.	6	38. 40.	24.
33.	7.	41.	24. 25.
34.	9.		

и наипаче, когда зная осужденіе, произнесенное противу вышереченныхъ, дерзнутъ имѣти общеніе съ ними».

Апост. прав. 28: «аще кто, епископъ, пресвитеръ или діаконъ, праведно за явныя вины изверженный, дерзнетъ коснуться служенія, нѣкогда ему порученнаго; таковый совсѣмъ да отсѣчется отъ церкви».

Сравнивая эти два правила, мы естественно склоняемся къ заключенію, что первое было развитіемъ, подробнѣйшимъ разъясненіемъ втораго, потому оно обстоятельнѣе, предусматриваетъ болѣе случаевъ въ практикѣ, предупреждаетъ болѣе возможныхъ практическихъ столкновеній, второе гораздо общѣе, требуетъ поясненіи. Еслибы апост. правило было извлеченіемъ изъ антіохійскаго, то было бы непонятно, зачѣмъ въ половинѣ IV в. при существованіи гораздо болѣе обстоятельныхъ и подробныхъ правилъ могло понадобиться такое сокращеніе въ ущербъ полнотѣ, опредѣленности и ясности. Такое же впечатлѣніе производитъ и сличеніе другихъ, указываемыхъ Биккелемъ, правилъ, сходныхъ по содержанію, напр. ап. пр. 37: «дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія. Въ первый разъ въ четвертую недѣлю пятидесятницы; а во второй — октября во вторыйнадесять день».

Антіох. пр. 20: «ради нуждъ церковныхъ и ради разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ, за благо признано, быти, въ каждой области соборомъ епископовъ дважды въ лѣто: въ первый разъ, по третьей седмицѣ послѣ праздника Пасхи, такъ чтобы въ четвертую седмицу Пятидесятницы соборъ совершался, и о семъ да напоминаетъ епархіальнымъ епископамъ митрополитъ: второму же собору быти отъ пятаго надесять дня мѣсяца октоврія, который есть десятый Vперверетеа. Къ симъ соборамъ да приступаютъ пресвитеры и діаконы и всѣ почитающіе себя обиженными и отъ собора да пріемлютъ судъ. Но никому да не будетъ позволено составлять соборы самимъ по себѣ, безъ тѣхъ епископовъ, коимъ ввѣрены митрополіи».

Послѣднее правило нельзя иначе разсматривать, какъ болѣе подробное раскрытіе и примѣненіе къ обстоятельствамъ церковной жизни IV в. мысли, кратко и не вполнѣ опредѣленно выраженной въ правилѣ апостольскомъ.

Изъ другихъ примѣровъ, которые мы приведемъ сейчасъ, высказанное заключеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ. Напр. 9 прав. антіох. собора сходно по содержанію съ апост. 34; то и другое опредѣляютъ объемъ власти старшаго епископа области надъ прочими епископами. Но апост. правило весьма кратко, антіохійское гораздо подробнѣе, первое называетъ старшаго епископа просто *первымъ*, соборное — епископомъ митрополіи, отсюда титулъ митрополита, неупотребительный ранѣе собора никейскаго 325 и неизвѣстный апост. правиламъ; наконецъ антіохійскій канонъ ссылается на авторитетъ древне-принятаго отъ отецъ нашихъ правила, тогда какъ апост. правило не знаетъ и не приводитъ такого авторитета. Эта послѣдняя черта, открывающаяся изъ сличенія апост. правилъ съ антіохійскими и другими сходными по содержанію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Замѣчательно, что апост. правила нигдѣ не основываютъ своихъ опредѣленій на какихъ-либо другихъ древнѣйшихъ правилахъ и не ссылаются ни на какіе высшіе источники, кромѣ свящ. Писанія новаго и ветхаго Завѣта; между тѣмъ какъ антіохійскіе каноны, будучи согласны въ порядкѣ, смыслѣ и даже въ самыхъ словахъ съ апостольскими, ссылаются на правила, прежде ихъ изданныя, особенно дѣлаютъ это тогда именно, когда опредѣляютъ то, что постановлено въ правилахъ апостольскихъ. Напр. ап. 16 пр. предписываетъ наказывать епископа, если онъ приметъ къ себѣ изверженнаго клирика, приводя въ основаніе, что *таковый епископъ есть учитель безпорядковъ*; антіох. 3 пр. повелѣваетъ наказывать его какъ *нарушителя церковныхъ законовъ*. То же самое въ 21 и 23 прав. собора, изъ коихъ въ первомъ, предписывая епископамъ оставаться при той церкви, къ какой каждый назначенъ, соборъ ссылается на *опредѣленіе уже прежде о семъ сдѣ-*

данное, подъ которымъ можно разумѣть апост. 14 пр.; въ 23-мъ пр., воспрещая епископу самому опредѣлять кого-либо себѣ въ преемники, соборъ опять дѣлаетъ ссылку на *постановленіе церковное*, подъ которымъ можно разумѣть апост. 76 правило.

Такимъ образомъ сличеніе однихъ правилъ съ другими не даетъ твердыхъ основаній къ заключенію, чтобы апостольскія правила были заимствованы изъ антіохійскихъ [82]); скорѣе можно думать наоборотъ, ибо первыя имѣютъ видъ коренныхъ, первообразныхъ правилъ, вторыя — производныхъ; тѣ короче, менѣе точны и опредѣленны, нежели послѣднія, ссылаются только на первоисточники—священное Писаніе, между тѣмъ какъ другія опираются на авторитетъ прежде установленныхъ церковныхъ правилъ; самая цѣль сокращеній, при существованіи правилъ гораздо болѣе опредѣленныхъ и подробныхъ, мало понятна, тогда какъ развитіе, подробнѣйшее примѣненіе общихъ положеній, выраженныхъ въ апост. правилахъ, представляется очень естественнымъ въ антіохійскихъ постановленіяхъ. Наконецъ сходство въ порядкѣ, въ какомъ тѣ и другія правила одинаковаго содержанія слѣдуютъ одно за другимъ, даетъ основаніе для вѣроятнаго заключенія, что отцы антіохійскаго собора имѣли предъ собою приведенное въ порядокъ письменное собраніе правилъ, сходное по внѣшней формѣ съ тѣмъ, какое мы имѣемъ теперь. Трудно только

---

[82]) Hefele въ своей исторіи соборовъ приходитъ также къ заключенію, что несмотря на многое, говорящее въ пользу предположеній Дрея и Биккеля, ихъ соображенія не исключаютъ возможности обратнаго явленія, т.-е. что антіохійскій соборъ заимствовалъ изъ сборника апост. правилъ; во всякомъ случаѣ онъ не считаетъ этого спорнаго вопроса рѣшеннымъ. Изъ нашихъ писателей, занимавшихся апост. правилами, авторъ „курса церковнаго законовѣдѣнія“ обходитъ совсѣмъ молчаніемъ изслѣдованіе этого вопроса; у него представляется дѣломъ рѣшеннымъ и несомнѣннымъ, что антіохійскій соборъ имѣлъ предъ собою опредѣленное собраніе или сводъ ап. правилъ и изъ нихъ заимствовалъ (Т. I, стр. 126). Стратилатовъ, не колеблясь въ томъ же убѣжденіи, разбираетъ возраженія противъ него западныхъ ученыхъ и опровергаетъ ихъ „Древн. и важн. ап. правилъ“ стр 166 и слѣд.

объяснить, почему отцы, пользуясь сборникомъ, нигдѣ не сдѣлали на него прямой ссылки и ни разу не назвали правилъ, на авторитетъ коихъ они опирались, апостольскими.

Другой рядъ доказательствъ Дрея и Биккеля въ пользу заимствованія и вообще позднѣйшаго происхожденія апостольскихъ правилъ основывается на самомъ содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. 30, которымъ запрещается пріобрѣтеніе епископской должности въ церкви посредствомъ мірскихъ начальниковъ; 81, 83 противъ соединенія свѣтскихъ должностей (римскаго начальства) съ церковными; 34, гдѣ представляется довольно широкое развитіе власти старшихъ епископовъ области и т. п. Думаютъ, что эти и многія другія правила могли возникнуть только изъ церковныхъ отношеній, развившихся со времени христіанскихъ императоровъ, и не мыслимы въ первые III вѣка церковной жизни. Если бы мы настаивали на апостольскомъ происхожденіи всѣхъ, до насъ дошедшихъ, 85 правилъ, тогда конечно намъ пришлось бы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ писателей, прибѣгать или къ очевиднымъ натяжкамъ въ родѣ такихъ напр., что апостолы Титъ и Тимоѳей были одинъ—митрополитомъ острова Крита, другой—Азійской области [83]), или предположить, что подобныя правила изрекаемы были апостолами въ духѣ пророческаго предвидѣнія будущихъ въ церкви событій и въ предотвращеніе ихъ [84]). Но не усиливаясь возвести собраніе правилъ въ ихъ полномъ составѣ далѣе того періода времени, отъ котораго дѣйствительно мы имѣемъ вѣроятныя указанія на его существованіе, т.-е. начала IV вѣка, мы безъ труда можемъ устранить кажущіяся историческія несообразности. Къ IV вѣку власть старшихъ епископовъ областей, напр. римскаго, антіохійскаго, александрійскаго, развилась такъ значительно, что никейскому собору оставалось только утвердить и развить фактически сложившійся порядокъ отношеній,

[83]) См. Стратилат., стр. 77.
[84]) Ibid. стр 43, 74 и др.

или, по выраженію собора, *древніе обычаи* (Ник. пр. 6), которые въ общихъ чертахъ были выражены апостол. 34 правиломъ. Къ этому времени въ церковной жизни могли не разъ обнаруживаться случаи вмѣшательства высшихъ церковно-должностныхъ лицъ въ дѣло народнаго управленія [85]), усвоенія себѣ свѣтскихъ отличій, — случаи, подобные тому, какой Евсевій разсказываетъ о Павлѣ Самосатскомъ и который былъ предметомъ обсужденія на соборѣ антіохійскомъ около 270 г. Изъ подобныхъ примѣровъ, встрѣчавшихся въ практикѣ церковной жизни, могло возникнуть уже въ III в. правило, содержащееся въ 81 и 83 апостольскихъ канонахъ. Вообще всѣ историческія несообразности, указываемыя западными учеными въ содержаніи апостольскихъ правилъ, напр. размноженіе церковныхъ должностей, организація епархіальныхъ отношеній, нѣкоторые обычаи напр. употребленіе въ мѣстахъ богослуженія золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ (пр. 73) и т. п. сохраняютъ свою силу до тѣхъ только поръ, пока мы будемъ настаивать на происхожденіи сборника всѣхъ правилъ въ вѣкъ апостольскій и ближайшія къ нему времена, и совершенно исчезаютъ, если мы станемъ смотрѣть на него, какъ на сводъ преданій, обычаевъ и правилъ, выражающихъ собою церковную практику до-никейскаго періода, и въ полномъ своемъ составѣ собранныхъ постепенно и различными лицами къ концу этого періода. Возводить далѣе этого періода въ древность происхожденіе всѣхъ правилъ и собраніе ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, не дозволяетъ отсутствіе какихъ-либо историческихъ указаній ранѣе этого времени, съ чѣмъ согласны, какъ мы видѣли, и писатели особенно защищающіе древность апостольскихъ правилъ. Впрочемъ такое

---

[85]) Св. Кипріанъ о епископахъ своего времени говоритъ: Episcopi plurimi divina procuratione contempta, *procuratores rerum saecularium fieri*, derelicta cathedra, glebe deserta, per alienas provincias oberrantes, negotiationis quaestuosae nundinas aucupari etc. De lapsis, p. 123. Bingham, Origines Ecclesiasticae. The Antiquities of the Christian Church. Съ подлинника сдѣланное англійское изданіе 1870 г. London Vol. I, 226.

мнѣніе не препятствуетъ съ успѣхомъ и основательностію доказывать глубокую древность происхожденія многихъ изъ нихъ, относить нѣкоторыя даже къ вѣку апостольскому, и слѣды практическаго ихъ употребленія въ церкви открывать гораздо ранѣе, нежели они сведены и заключены были въ настоящій составъ [86]).

Итакъ провѣрка доказательствъ, приводимыхъ учеными различныхъ направленій для подтвержденія своихъ предположеній о времени происхожденія сборника апостольскихъ правилъ, приводитъ къ заключенію, что различіе между предѣлами времени, на которомъ съ большею основательностію можно остановиться за неимѣніемъ твердыхъ данныхъ, не такъ велико, какъ представляется съ перваго взгляда. Общіе выводы, къ которымъ можно прійдти съ вѣроятностію, если отдѣлить историческія доказательства, т.-е факты, приводимые тою и другою стороною, отъ мнѣній и предположеній, слѣдующіе:

1) Приписать происхожденіе (въ общеупотребительномъ смыслѣ этого слова) апостольскихъ правилъ самимъ апостоламъ невозможно. Этого не дѣлаетъ и соборъ трулльскій, утвердившій каноническое ихъ значеніе, называя ихъ только *преданными именемъ Апостоловъ*.

2) Многія изъ правилъ существовали въ практическомъ

---

[86]) Hefele, высказывая тоже убѣжденіе, приводитъ между прочимъ одно свидѣтельство, опущенное изъ вниманія и Дреемъ и Виккелеемъ. Въ 1738 г. Сципіонъ Маффей въ Веронѣ открылъ три весьма древніе акта въ латинскомъ переводѣ съ греческаго (Hefele т. 1, стр. 327). Первый изъ нихъ представляетъ письмо четырехъ египетскихъ епископовъ къ Мелетію, посланное изъ темницы во время Діоклетіанова гоненія, между 303 и 305 гг. Рѣчь идетъ главнымъ образомъ о томъ, что Мелетій въ чужихъ епархіяхъ, безъ согласія ихъ епископовъ, рукополагалъ пресвитеровъ. Такой поступокъ, говорили епископы, противенъ божественному порядку и церковному закону (aliena a more divino et *regula ecclesiastica*); Мелетій самъ знаетъ, что lex est patrum et propatrum... in alienis paroeciis non licere alicui episcoporum ordinationes celebrare. „Уже Маффей догадывался, говоритъ Гефеле, что епископы, ссылаясь на церковный законъ, имѣли здѣсь въ виду 35-е апостольское правило, и такое предположеніе, въ самомъ дѣлѣ, невольно приходитъ на мысль". Concil-gesch. Т. 1, стр. 772.

употребленіи въ глубокой христіанской древности, во II и III вв. и представляютъ преданія и установленія идущія отъ вѣка апостольскаго и сохраненныя въ жизни и обычаяхъ различныхъ церквей, а также правила разныхъ помѣстныхъ соборовъ трехъ первыхъ вѣковъ, такъ что въ полномъ своемъ составѣ они выражаютъ собою практику церковной жизни до-никейскаго періода.

3) Есть весьма вѣроятныя основанія въ ссылкахъ и указаніяхъ соборовъ IV в., что къ концу до-никейскаго періода въ церкви существовалъ опредѣленный сводъ этихъ правилъ въ составѣ, близкомъ къ тому, какой мы имѣемъ теперь, и что этимъ сводомъ пользовались соборы послѣдующаго времени, хотя прямыхъ и опредѣленныхъ указаній на цѣлое собраніе правилъ и притомъ съ именемъ св. Апостоловъ, мы не встрѣчаемъ до трулльскаго собора 692 г.

4) По составу дошедшаго до насъ собранія можно заключать, что оно сдѣлано не заразъ и не однимъ лицомъ, а росло и сводилось постепенно. Одни правила очевидно позднѣйшаго происхожденія, нежели другія [87]). Число правилъ также не было одинаково въ различныхъ собраніяхъ, но въ половинѣ VI ст. Іоаннъ Схоластикъ на востокѣ изложилъ ихъ въ числѣ 85. Такъ они признаны были въ концѣ VII в. на соборѣ трулльскомъ. Западная церковь осталась при томъ числѣ (50), какое внесъ въ свой первый сборникъ Діонисій Малый [88]).

---

[87]) Напр 7. 34. 37. 47. 81. 83 и др.

[88]) Сокращенное изложеніе апостольскихъ правилъ съ толкованіями Алексѣя Аристина см. въ славянской Кормчей. Полное изложеніе правилъ съ подробными историческими и каноническими толкованіями апостоловъ въ опытѣ курса церковнаго законовѣденія архимандрита Іоанна т. 1, 136—237. Греческій текстъ правилъ по лучшимъ изданіямъ съ латинскимъ переводомъ (Діонисія—первыхъ 50, Котельера — послѣднихъ 35), съ критическими замѣчаніями объ источникахъ и времени происхожденія каждаго канона по новымъ изслѣдованіямъ см. у Hefele Conciliengeschichte 1855 г. Т. 1. S. 774; также у Биккеля въ цит. сочин. Т. 1, стр. 230. Разборъ правилъ съ цѣлію доказать происхожденіе всѣхъ изъ апостольскаго преданія см. въ цитов. сочин. Стратилатова.

АВТОРИТЕТЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ ПРАВИЛЪ.

Изъ предшествующаго изложенія видно, что сборникъ апостольскихъ правилъ по своему происхожденію не есть законодательный актъ, изданный высшею церковною властію. Это есть сводъ преданій, правилъ и обычаевъ, идущихъ отъ апостольскаго вѣка чрезъ три слишкомъ столѣтія церковной жизни, и представляющій собою практику церковной жизни этого древнѣйшаго періода. Слѣдовательно, значеніе этого памятника основывалось вначалѣ не на авторитетѣ законодательной власти, издавшей его какъ законъ, въ руководство для всѣхъ, но на глубокомъ уваженіи къ преданію первыхъ вѣковъ, въ немъ выразившемуся, и на признаніи его со стороны церкви. Въ теченіи первыхъ трехъ столѣтій это преданіе замѣняло собой законъ, служило нормою, правиломъ для практической дѣятельности правителей церкви и управляемыхъ. Однообразный и повсюду распространенный обычай служилъ для него утвержденіемъ, укореняя и распространяя правила въ практикѣ, а вѣра т.-е. внутреннее убѣжденіе и признаніе — охраненіемъ. Съ IV в., когда правообразующая дѣятельность церкви пріобрѣла для себя въ соборахъ вселенскихъ органъ для общецерковнаго законодательства, эти древнія преданія, обычаи и практическія правила постепенно перешли въ положительные, всеобщіе законы. Соборы, начиная съ никейскаго, одинъ за другимъ утверждаютъ въ своихъ канонахъ и разработываютъ этотъ источникъ древняго преданія и обычая, извлекая изъ него по частямъ тѣ или другія правила и развивая на основаніи ихъ подробнѣйшія узаконенія церковныя. Правда, эта разработка и признаніе совершаются по частямъ, примѣнительно къ обстоятельствамъ и требованіямъ времени; только одинъ соборъ антіохійскій обильно воспользовался, какъ мы видѣли, этимъ источникомъ. Правда и то, что наименованіе этихъ правилъ апостольскими встрѣчается не рано; древніе соборы и отцы называютъ ихъ просто правилами, или пра-

вилами церковными, или правилами древними, и до конца VII в. не говорятъ о цѣломъ сводѣ или сборникѣ такихъ правилъ, какъ общепризнанномъ и употребительномъ источникѣ права церковнаго. Впервые въ 692 г. на соборѣ трулльскомъ ясно и опредѣленно сообщена этому собранію законодательная санкція и утверждено каноническое его значеніе въ полномъ составѣ. Съ этого времени, по крайней мѣрѣ, въ восточной церкви авторитетъ апостольскихъ правилъ въ числѣ 85 основывается на признаніи и утвержденіи ихъ высшею церковною законодательною властію.

Авторитетъ апостольскихъ правилъ опредѣляется отношеніемъ къ нимъ послѣдующаго церковнаго законодательства. Соборы, начиная съ IV в., ссылаются на нихъ какъ на древнія, первоначальныя (αρχαῖοι κανονες), осуждаютъ произвольныя отступленія отъ нихъ (I всел. 2. II всел. 8. Гангр. 21), подтверждаютъ свои постановленія ссылками на нихъ (Ник. 25. 2), какъ на свидѣтельство древности. Соборъ трулльскій, говоря, что они преданы именемъ апостоловъ, утверждаетъ ихъ полное согласіе съ апостольскимъ ученіемъ, преданіемъ и древнею церковною практикою. Но съ другой стороны тѣже соборы не считаютъ эти правила въ полномъ ихъ составѣ неприкосновенными, не отмѣняемыми и на всѣ вѣка представляющими неизмѣнную законодательную норму для церкви [89]).

---

[89]) Въ сочиненіи „Древность и важность апостольскихъ правилъ“ именно въ 4-й части высказывается нѣсколько мнѣній по этому вопросу, которыя на нашъ взглядъ не легко могутъ быть соглашены одно съ другимъ. Сначала, повидимому, уравнивается авторитетъ апостольскихъ правилъ съ Священнымъ Писаніемъ посредствомъ слѣдующихъ силлогизмовъ: апостольскія правила въ цѣломъ своемъ составѣ представляютъ сводъ апостольскихъ преданій; слѣдовательно они должны пользоваться такимъ же авторитетомъ, какимъ и самое преданіе. А преданіе пользуется въ церкви тѣмъ же самымъ одинаковымъ авторитетомъ, какимъ и св. Писаніе. Если же, заключаетъ авторъ, такимъ авторитетомъ пользуется преданіе вообще, то такой же авторитетъ должны имѣть и апостольскія правила, представляющія въ себѣ сводъ преданій (см. стр. 193—195). Итакъ выходитъ, что апостольскія правила имѣютъ для каждаго христіанина одинаковую важность съ божественнымъ Откровеніемъ, заключеннымъ въ Свящ. Писаніи. Потомъ чрезъ двѣ страницы высказывается,

Напротивъ при всемъ уваженіи древнихъ законодателей къ апостольскимъ правиламъ, они не считали невозможнымъ измѣнять и отмѣнять нѣкоторыя изъ нихъ, когда находили это нужнымъ по обстоятельствамъ и потребностямъ церкви своего времени. Напр. соборъ трулльскій, тотъ самый, который утвердилъ ихъ составъ и авторитетъ, сдѣлалъ въ нихъ нѣсколько, притомъ важныхъ, измѣненій и отмѣненій. Такъ апостольское 5-е правило запрещаетъ, подъ угрозою отлученія отъ церковнаго общенія, а потомъ и извержения изъ сана, епископу и другимъ священнослужителямъ изгонять отъ себя женъ подъ видомъ благоговѣнія. 12-е правило собора трулльскаго, во имя сего самаго благочестія и подъ вліяніемъ измѣнившихся церковныхъ обстоятельствъ и потребностей, за-

---

повидимому, совсѣмъ другая мысль: „хотя, говоритъ авторъ, мы приписываемъ каноническое достоинство всѣмъ апостольскимъ правиламъ, но несмотря на это, нужно сознаться, что въ правѣ церкви дѣйствующемъ сила и дѣйствіе этихъ правилъ необходимо впослѣдствіи должны или расширяться, или ограничиваться сообразно съ потребностями и обстоятельствами (стр. 198), но они никѣмъ не могутъ быть ни отмѣнены ни замѣнены, т.-е. въ своемъ составѣ неприкосновенны". Намъ кажется что-нибудь одно изъ двухъ, или правила неизмѣнны и неприкосновенны, и тогда ихъ, какъ коренныя истины Откровенія, нельзя ни ограничить, ни расширить; или если правила необходимо должны расширяться или ограничиваться, то они могутъ подлежать измѣненіямъ. Это доказываетъ на слѣдующихъ страницахъ и самъ авторъ примѣрами измѣненія и отмѣненія ихъ изъ исторіи церковнаго законодательства. Если же они необходимо измѣняются властью церкви, то имъ нельзя усвоить авторитета одинаковаго съ Свящ. Писаніемъ Впрочемъ мы не можемъ ясно усвоить себѣ понятія автора о канонической важности правилъ; это какъ будто не то, что авторитетъ закона, дѣйствующаго и обязательнаго для всѣхъ, потому что по его словамъ, правила могутъ измѣняться, ограничиваться, не теряя своей канонической важности (стр. 199), между тѣмъ какъ авторитетъ закона прекращается вмѣстѣ съ его измѣненіемъ. Авторъ говоритъ, что хотя нѣкоторыя изъ апостольскихъ прачилъ и измѣнялись и отмѣнялись въ послѣдующемъ законодательствѣ, хотя многія не дѣйствуютъ, напр. у насъ, но во всякомъ случаѣ всѣ 85 правилъ имѣютъ силу законовъ во всей восточной и въ нашей русской церкви (стр. 209). Здѣсь, повидимому, свое несходное съ общимъ, понятіе о законѣ, его авторитетѣ и значеніи. Впрочемъ такая своеобычность понятій не есть рѣдкость въ богословскихъ статьяхъ по вопросамъ каноническаго содержанія и юридическаго свойства.

прещаетъ, также подъ угрозою изверженія, брачную жизнь епископу и предписываетъ безбрачіе въ общее правило. Соборъ карѳагенскій простеръ повидимому это обязательство цѣломудрія и воздержанія и на пресвитеровъ и діаконовъ своей области (прав. 3. 4. 81. 34), и Аврелій епископъ карѳагенскій въ своемъ предложеніи собору ссылался на преданіе апостоловъ и практику церковной древности, не зная, повидимому, апостольскаго 5-го правила. 37-е апостольское правило предписываетъ дважды въ году соборы епископовъ областей и указываетъ опредѣленныя времена для нихъ. Въ послѣдующемъ законодательствѣ сначала измѣнены были сроки собраній (I Ник. 5), а потомъ на трулльскомъ соборѣ вмѣсто двукратнаго положено только одно въ году собраніе. Въ 85 правилѣ апостольскомъ къ числу каноническихъ книгъ всѣми чтимыхъ и святыхъ отнесены и книги «апостольскихъ постановленій». Соборъ трулльскій, замѣтивъ, что привнесено въ нихъ нѣчто подложное и чуждое благочестію, рѣшилъ исключить ихъ изъ церковнаго канона. Анкирскій соборъ по нуждѣ времени и обстоятельствамъ отступаетъ отъ апостольскаго 26 правила, дозволяя въ нѣкоторыхъ случаяхъ діаконамъ, уже по принятіи рукоположенія, вступленіе въ бракъ, съ дозволенія епископа. Апостольское 25 правило, повелѣвая—пресвитера, обличеннаго въ блудѣ и прелюбодѣяніи, извергать отъ священнаго чина, прибавляетъ: «но да не будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго: ибо писаніе глаголетъ: не отмстиши дважды за едино. Правило 1-е неокессарійскаго собора (315) представляетъ отклоненіе, можетъ быть также объясняемое незнаніемъ апостольскаго правила, ибо предписываетъ пресвитера, обличеннаго въ тѣхъ же преступленіяхъ, не только лишать сана, но и совсѣмъ изгонять отъ общенія церковнаго и низводить въ разрядъ кающихся мірянъ.

Изъ этихъ фактическихъ указаній не трудно извлечь основанія для опредѣленія отношеній послѣдующаго церковнаго законодательства къ апост. правиламъ. На нихъ нельзя смотрѣть, какъ на неизмѣнный кодексъ дѣйствующихъ законовъ,

но какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи они служатъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ церковнаго права, потому что представляютъ образцы первоначальныхъ церковныхъ отношеній и жизни, еще полной свѣжаго религіознаго одушевленія, не подвергшейся различнымъ постороннимъ вліяніямъ, которыя отразились на ней въ послѣдствіи, когда церковь вступила въ тѣсный союзъ съ государствомъ. Хотя формы древней церковной дисциплины, сохранившіяся въ этомъ памятникѣ, во многихъ отношеніяхъ не могутъ быть примѣнены къ настоящимъ условіямъ церковной жизни, но духъ, оживлявшій эти формы и въ нихъ воплотившійся, сохраняетъ свое высокое значеніе образца для христіанской жизни [90]).

Апостольскія постановленія [91]).

Въ послѣднемъ 85 апост. правилѣ къ числу книгъ всѣми чтимыхъ каноническихъ отнесены «*постановленія, изреченныя Климентомъ въ осьми книгахъ*». Памятникъ, дошедшій до насъ подъ именемъ апостольскихъ постановленій, содержитъ въ себѣ, кромѣ вѣроученія, практику церкви первыхъ трехъ вѣковъ—богослужебную, нравственную, правительственную и судебную.

Литературная судьба этого, замѣчательнаго по обилію историческихъ матеріаловъ, сборника въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ

---

[90]) Болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса о значеніи апост. правилъ въ дѣйствующемъ правѣ церкви представлено будетъ ниже, въ связи съ обсужденіемъ того же вопроса относительно всего древняго церковнаго канона

[91]) Объ апостольскихъ постановленіяхъ въ нашей литературѣ см. изслѣдованіе свящ. Н. Благоразумова, составленное на основаніи новыхъ результатовъ церковно-археографической и исторической критики. „Правосл. Обозр.“ 1862. г. кн. IV. V. VI. VIII. Между изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ лучшія: Drey Neue Untersuchungen über die Constitutionen der Apostel. У Биккеля въ его исторіи церк. права. Bd. 1. стр. 51 — 70 и Beilage IV. стр. 144—178. Новѣйшія изданія апостольскихъ постановленій — греческаго текста—Уельцена 1853 г. Шверинъ. Pitra, Jur. Eccles. Graec. Historia et Monum. T. 1. съ латинскимъ переводомъ.

сходна съ судьбою апост. правилъ. Свидѣтельства о немъ, недостаточно опредѣленныя, идутъ съ начала IV в. Евсевій въ своей исторіи (кн. 3 гл. 25. сл. 57—59. кн. VII. гл. 7.) упоминаетъ о сочиненіи подъ заглавіемъ: «*такъ-называемыя настановленія апостоловъ*» (τῶν Ἀποστόλων αἱ λεγόμεναι διδαχαί), не указывая ихъ содержанія, и причисляетъ ихъ къ разряду сомнительныхъ (νοθα). Подъ тѣмъ же заглавіемъ только въ единственномъ числѣ приводитъ ихъ св. Аѳанасій, замѣчая, что хотя они не могутъ считаться каноническими, впрочемъ пастырями церкви одобряются для чтенія. Св. Епифаній въ своихъ книгахъ противъ ересей часто указываетъ на нихъ подъ именемъ «постановленія апостоловъ» и отзывается о нихъ такъ: «хотя нѣкоторыми они не принимаются, но нельзя и вовсе отвергать ихъ, потому что въ нихъ содержится весь уставъ церковнаго благочинія и ничего противнаго вѣрѣ» (Наег. LXX, 10). Съ VI в. книги апост. постановленій приводятся уже опредѣленно по частямъ [92]) и въ цѣломъ составѣ. Мы видѣли, что апост. 85 правило указываетъ на нихъ, и притомъ въ полномъ составѣ, замѣчая, что не слѣдуетъ обнародовать ихъ предъ всѣми ради того, что въ нихъ таинственно. Въ восточной церкви, гдѣ они по всей вѣроятности были составлены [93]), постановленія пользовались постоянною извѣстностію и уваженіемъ, служили руководствомъ въ церковной практикѣ, по частямъ входили въ сборники церковныхъ правилъ и соединялись въ нихъ съ ап.

---

[92]) Напр. У Тимоѳея Пресвитера (въ началѣ VI в.) приводится шестая книга; у Максима Исповѣдника (въ полов. VII в.) седьмая книга; наконецъ все сочиненіе у Фотія (IX в.), который первый упоминаетъ о соединеніи апост. правилъ (85) съ постановленіями. „Наконецъ, говоритъ онъ, были читаемы два сочиненія Климента римскаго, одно съ надписаніемъ *διαταγαὶ τῶν Ἀποστόλων διὰ Κλήμεντος*, гдѣ содержатся и правила, приписываемыя апостоламъ (Biblioth. cod. 112—113). Указанія писателей церковныхъ на ап. постановленія собраны у Biekell Bd. 1. стр. 65—68. См. также Благораз.

[93]) Мѣстомъ происхожденія памятника полагаютъ Сирію, одну изъ церковныхъ областей въ III и IV вв. См. Bickell стр. 63. Благораз. „Правосл. Обозр.“ 1862 г. кн. 4. стр 448 и слѣд.

правилами [94]). Соборъ трулльскій 692 г. своимъ опредѣленіемъ оказалъ большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу и значеніе сборника въ восточной церкви. «Поелику, говорятъ отцы собора, въ апост. правилахъ повелѣно намъ пріимати оныхъ же св. апостолъ постановленія, чрезъ Климента преданныя, въ которыя нѣкогда иномыслящіе, ко вреду церкви, привнесли нѣчто подложное и чуждое благочестію... то мы ради назиданія и огражденія христіанской паствы, оныя Климентовы постановленія благоразсмотрительно отложили»... (прав. 2). Съ этого времени восточная церковь стала смотрѣть на нихъ какъ на поврежденныя, хотя слѣды этихъ поврежденій могутъ быть открыты только въ нѣкоторыхъ догматическихъ воззрѣніяхъ, осужденныхъ на соборахъ послѣдующихъ вѣковъ, и въ неточности догматическихъ формулъ слововыраженія, довольно обыкновенныхъ у писателей первыхъ вѣковъ, когда терминологія догматики еще не была твердо установлена [95]). Та же часть сборника, которая, изображая древнюю церковную практику и дисциплину, имѣетъ особенно важное значеніе для науки права, не представляетъ никакихъ поврежденій, или еретическихъ и раскольническихъ тенденцій. Потому практическое употребленіе сборника въ восточной церкви не было прекращено совсѣмъ постановленіемъ трулльскаго собора, и слѣды его встрѣчаются въ позд-

---

[94]) Они были внесены въ кодексъ александрійской церкви (Бинеръ de Collect. can. ecclesiae graecae pag. 18; у Іоанна Схоластика въ его *συναγωγὴ τῶν κανόνων*, и въ древнемъ синопсисѣ, бывшемъ подъ руками у Аристина. См. Drey Neue Untersuchungen uber d Constitut. Apost. 1832 ch. 1 Оп. Кур. Цер. Законов. архим. Іоанна. Т. 1. стр. 77.

[95]) Въ постановленіяхъ разсѣяно много мнѣній Оригеновыхъ, осужденныхъ на V всел. соборѣ. Слѣды поврежденій видятъ также въ томъ, что Сынъ Божій изображается *служителемъ*, содѣйствующимъ Отцу въ твореніи и промышленіи, а Духъ Св поставляется въ полную зависимость отъ Сына. Но во всѣхъ этихъ мѣстахъ скорѣе неточность богословской терминологіи, чѣмъ еретическія мнѣнія; подобныя выраженія встрѣчаются у многихъ отцевъ и учителей церкви, напр. у Ермы, Іустина мученика, Климента александрійскаго, Иринея, Ѳеофила александрійскаго, Иларія, Епифанія, Аѳанасія. См. цитаты Благоразв. „Прав. Обозр.“ книга 5 стр. 29.

нѣйшихъ указаніяхъ и свидѣтельствахъ церковной исторіи [96]). Напротивъ въ западной церкви книги ап. постановленій были вообще мало извѣстны и неупотребительны; когда восточные писатели, въ начавшейся съ IX в. борьбѣ съ западными, въ защиту своихъ церковныхъ обычаевъ и въ опроверженіе западныхъ, ссылались на ап. постановленія, то ихъ противники отвѣчали, что памятникъ, приводимый въ доказательство, подложенъ и не признается въ римской церкви [97]). Переводы, изданія и изслѣдованія сборника на западѣ начались только съ XVI ст. Съ этого же времени были подняты вопросы о подлинности ап. постановленій, ихъ составителѣ, времени происхожденія, ихъ исторической, догматической и канонической важности.

Содержаніе сборника, въ томъ видѣ, какъ онъ находится въ дошедшихъ до насъ греческихъ манускриптахъ, представляется раздѣленнымъ на восемь книгъ, и каждая книга—на главы съ особою надписью, или заглавіемъ. Впрочемъ содержаніе не всегда точно соотвѣтствуетъ заглавію.

Первая книга «о мірянахъ» содержитъ общее религіозно-нравственное ученіе для вѣрующихъ, въ 10 главахъ.

Вторая «о епископахъ, пресвитерахъ и діаконахъ» разсуждаетъ объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ и объ обязанностяхъ членовъ церковной іерархіи и всѣхъ лицъ, причислявшихся въ то время къ клиру, а также объ общественныхъ собраніяхъ христіанъ и богослуженіи. Эта книга изъ 63 главъ имѣетъ особенную важность для знакомства съ древнимъ церковнымъ устройствомъ и съ отношеніями іерар-

[96]) Напр. въ XII ст. Маркъ патріархъ александрійскій спрашивалъ у Вальсамона, извѣстнаго греческаго каноника — могутъ ли быть читаемы различныя книги, встрѣчающіяся въ восточныхъ и южныхъ странахъ, которыя одни называютъ ученіями св. апостоловъ, другіе видѣніями св. Павла. Вальсамонъ отрицаетъ ихъ. См. Interrog. 2. Patrol. Curs. compl. ed. Migne T. 138 (серія греческая), pag. 954. У Котельера находится замѣчаніе (T. 1. pag. 194), что еѳіопскіе христіане считаютъ постановленія за истинно-апостольскія; см. также Biekell стр. 67. примѣч. 21.

[97]) Такъ напр. отвѣчалъ въ XI в. кардиналъ Гумбертъ Никитѣ Стифату.

хическими; въ ней подробно излагаются предписанія о порядкѣ древняго церковнаго суда со всею сопровождавшею его обстановкою (гл. 21. 37. 38. 42—539).

Третья «о вдовицахъ» (первыя 15 гл.), о крещеніи (16 и 17 гл.) и рукоположеніи (20 гл.).

Четвертая «о спротахъ», ихъ призрѣніи и воспитаніи бѣдныхъ дѣтей (1—10 гл.) и о дѣвственницахъ (гл. 14).

Пятая «о мученикахъ» (гл. 1—9), о христ. праздникахъ и постахъ (13—20).

Шестая «о ересяхъ и расколахъ» (1—18), о бракѣ лицъ, принадлежащихъ къ іерархіи и клиру (гл. 17), о законѣ Моисеевомъ и объ отношеніи христіанства къ іудейству и язычеству (19—30).

Седьмая «о правахъ и обрядахъ христіанскихъ» въ 44 гл., изъ коихъ въ 1—21 излагается общехристіанское нравственное ученіе, потомъ отъ 24—38 литургическіе и молитвенные образцы для вѣрующихъ, чинъ крещенія (гл. 39—44) и образцы молитвъ для народа (47—49).

Осьмая «о духовныхъ (чрезвычайныхъ) даровапіяхъ, о хиротоніи и правила церковныя». Это есть древній литургіарій или служебникъ. Для права имѣютъ значеніе въ особенности главы о посвященіяхъ въ іерархическія должности (гл. 45. 16—18. 19—28. 46). Въ послѣдней 47 гл. изложены 85 ап. правилъ [98]).

Уже изъ этого перечисленія книгъ и главъ можно видѣть, что цѣлое не представляетъ единства въ планѣ и системѣ, встрѣчаются повторенія одного и того же, указывающія на разновременность состава и различныхъ авторовъ, и на то, что оно дошло до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ.

По лучшимъ изслѣдованіямъ ученыхъ первыя шесть книгъ апост. постановленій принадлежатъ одному писателю и первоначально составляли одно цѣлое, самостоятельное сочиненіе съ

---

[98]) См. болѣе подробное изложеніе содержанія по главамъ въ изслѣдованіи свящ. Благоразумова. „Пр. Обозр.“ 1862 г.

именемъ «*Ученія*» Διδασκαλία [99]). Въ доказательство этого мнѣнія приводятъ слѣдующія основанія: 1) въ послѣдней главѣ шестой книги находится заключеніе, указывающее на окончаніе всего сочиненія. 2) Въ этихъ шести книгахъ сочиненіе обозначается во многихъ мѣстахъ особымъ названіемъ: διδα-

---

[99]) Съ XVI в., когда начались изданія и переводы постановленій на западѣ, высказано было очень много разнообразныхъ мнѣній о происхожденіи и значеніи сборника. Въ этомъ отношеніи судьба памятника имѣетъ большое сходство съ апост. правилами; тѣ же ученые занимались его изслѣдованіемъ. Первые издатели ихъ въ XII ст Бовій и Турріанъ нисколько не сомнѣвались въ ап. происхожденіи постановленій, и Климента римскаго († 101 г.) считали ихъ редакторомъ. Потомъ самыми горячими защитниками подлинности и древности сборника были англійскіе богословы, стараясь ссылками на этотъ памятникъ оправдать епископальное устройство своей церкви, такъ далеко расходившееся съ протестантскими обществами на континентѣ. (Станлетонъ, Піерсонъ, Граббе). Одинъ изъ нихъ, Уайстонъ (въ началѣ XVIII ст.) зашелъ такъ далеко въ этомъ направленіи, что доказывалъ, будто постановленія даны самимъ І. Христомъ апостоламъ въ теченіи сорока дней по Его воскресеніи. Бароній, Краббе, Даллей, Бевериджъ и др. не признавали ихъ за подлинныя и отвергали ап. происхожденіе; но мнѣнія о составителѣ и времени появленія были различны. Обычный и болѣе распространенный взглядъ писателей XVIII в. былъ, что все сочиненіе неизвѣстнымъ издателемъ было составлено къ концу III или началу IV в., но съ теченіемъ времени оно потерпѣло измѣненія, вставки и поврежденія (Schreck. K Gesh. Th. II. s. 127. и слѣд. Schmidt Handb. d. K. Gesch. Th. I. s. 481 и сл.). Граббе и Августи въ своихъ „Запискахъ“ (Bd. IV.) доказывали, что все сочиненіе образовалось изъ отдѣльныхъ наставленій самихъ апостоловъ и ихъ ближайшихъ учениковъ, притомъ уже послѣ св. Епифанія († 402 г.). Краббе относитъ составленіе *семи* книгъ, несмотря на частныя поврежденія въ нихъ, къ концу III в., касательно *осьмой* книги утверждаетъ, что она составлена въ началѣ V в. изъ отдѣльно существовавшихъ древнихъ ученій и наставленій. Дрей въ вышеназванномъ сочиненіи оспариваетъ такое происхожденіе осьмой книги, — и всецѣлое сочиненіе раздѣляетъ на четыре, различныя по происхожденію, части: шесть первыхъ книгъ, составляющія первоначальное ядро памятника, явились къ концу III в., седьмая книга принадлежитъ къ началу IV ст., осьмая книга составлена около того же времени изъ разновременныхъ, нецѣльныхъ литургико-каноническихъ статей, и наконецъ такъ-называемыя правила апостольскія, составленныя въ теченіи V в. Биккель въ своей исторіи церковнаго права подтвердилъ этотъ взглядъ сличеніемъ и разборомъ восточныхъ манускриптовъ — сирскихъ, арабскихъ и еѳіопскихъ. См. Bickell Bd. I. стр. 68. прим. 24. Благораз. „Пр. Об.“ 1862 г. кн. 4. стр. 455—461.

σχαλία (кн. 1, гл. I. II. 39. VI. 14. 18), и во многихъ восточныхъ (сирскихъ, еѳіопскихъ и арабскихъ) сборникахъ церковныхъ правилъ подъ этимъ заглавіемъ помѣщается особое сочиненіе, содержащее въ себѣ шесть первыхъ книгъ безъ седьмой и осьмой. 3) Въ изложеніи шести книгъ примѣтенъ извѣстный порядокъ и планъ, съ которымъ двѣ остальныя книги не имѣютъ никакой связи. Напротивъ многое, о чемъ уже было говорено въ первыхъ книгахъ, въ послѣднихъ повторяется вновь и нерѣдко съ значительными особенностями и противорѣчіями [100]). Въ первыхъ шести книгахъ замѣчаютъ одинъ и тотъ же образъ выраженія и тонъ рѣчи, усвоенный авторомъ; вездѣ онъ заставляетъ говорить за себя всѣхъ вообще апостоловъ и безъименно; между тѣмъ какъ въ 8 книгахъ апостолы говорятъ каждый отъ себя отдѣльно; такъ что первыя шесть книгъ въ этомъ отношеніи приближаются къ формѣ ап. посланій или наставленій, тогда какъ послѣднія, особенно осьмая имѣютъ форму постановленій, предписаній, какъ указываетъ и самое ея названіе: постановленія (διαταγαι). Многія мѣста изъ первыхъ шести книгъ по содержанію сходны съ посланіями св. Игнатія; напротивъ въ седьмой книгѣ много мѣстъ сходныхъ съ посланіемъ Варнавы [101]).

Эти первыя шесть книгъ по времени происхожденія относятъ ко второй половинѣ III в., а двѣ остальныя къ IV в. до признанія впрочемъ церкви господствующею въ имперіи и до собора никейскаго. Доказательствомъ служитъ: 1) догматическое содержаніе книгъ: въ нихъ не видно ясныхъ слѣдовъ аріанства и аполлинаріанства — ересей IV в., между тѣмъ гностическія секты являются въ разнообразныхъ фор-

---

[100]) Такія противорѣчія находятъ напр. въ ученіи о десятинахъ срав. кн. II. 25. 28. VII. 29. VIII 30. Символъ, изложенный въ шестой книгѣ (гл. II) несходенъ съ символомъ VII кн. (гл. 41) см. Bickell I, 57. Прим. 4. Многія изъ разностей и противорѣчій указаны въ соч. Благоразумова.

[101]) Bickell I, 55 - 59.

махъ; въ первыхъ шести книгахъ маркіонизмъ, господствовавшій въ III в, въ седьмой—савелліанизмъ, распространившійся въ началѣ IV в.; 2) во всѣхъ осьми книгахъ встрѣчаются мѣста, указывающія на то, что гоненія на христіанъ еще не прекратились, и весь строй жизни, окружающей христіанъ, представляется вполнѣ языческимъ. 3) Въ устройствѣ іерархіи и ея дѣятельности (особенно судебной и богослужебной) представляется такой усложненный и выработанный порядокъ, какой возможенъ былъ лишь предъ концемъ III в., напр. размноженіе церковныхъ должностей, порядокъ праздниковъ, постовъ, устройство епископскаго суда и т. п., съ другой стороны не видно слѣдовъ областной системы управленія, монашества; — объ отшельничествѣ говорится только въ осьмой книгѣ (гл. 12. 13.); такъ что отдалять происхожденіе первыхъ шести книгъ далѣе второй половины III в., и двухъ послѣднихъ далѣе начала IV не позволяютъ многія историческія соображенія. Состояніе христіанства и церкви съ ея устройствомъ и управленіемъ изображено въ нихъ въ такихъ чертахъ, въ какихъ въ концѣ III и началѣ IV в. оно извѣстно по другимъ памятникамъ, несомнѣнно принадлежащимъ тому времени.

Кто трудился надъ составленіемъ ап. постановленій—остается неизвѣстнымъ. Несомнѣнно только, что это не былъ Климентъ, именемъ котораго они обозначаются въ правилѣ трулльскаго собора, и что восемь книгъ, до насъ дошедшихъ, не происходятъ отъ одного писателя, но представляютъ сборникъ нѣсколькихъ разновременныхъ сочиненій. Приведеніе ихъ въ полный составъ и настоящій видъ относятъ къ половинѣ IV в., такъ какъ около этого времени ихъ стали цитовать церковные писатели (св. Епифаній) подъ настоящимъ названіемъ (διάταξεις τῶν Ἀποστόλων) и притомъ однообразно и постоянно [102]).

Мѣстомъ происхожденія сборника, какъ въ первоначаль-

[102]) См. Благораз. „Пр. Обозр.“ 1862 г. VIII. стр 426 и слѣд.

номъ, такъ и въ позднѣйшемъ его видѣ, полагаютъ востокъ, именно Сирію; на это указываетъ въ особенности македонско-сирское названіе мѣсяцевъ (ксантикъ—апрѣль, дистросъ—мартъ, корпій (corpiäus)—сентябрь), сходство съ посланіями св. Игнатія антіохійскаго, молитва за Еводія, епископа антіохійскаго (кн. VIII. 10) и наконецъ распространенность сборника въ сирійскихъ и другихъ восточныхъ кодексахъ [103]).

Значеніе этого сборника въ научномъ отношеніи открывается изъ богатства и разнообразія историческаго и каноническаго содержанія, въ немъ заключающагося. Св. Епифаній, жившій во второй половинѣ IV в., когда церковная жизнь и письменность развилась уже широко, замѣтилъ однакоже о постановленіяхъ, что въ нихъ содержится весь уставъ церковнаго благочинія. Для науки права они имѣютъ то особенное значеніе, что представляютъ собою не общія, болѣе или менѣе отвлеченныя, формулы въ видѣ правилъ, но изображаютъ самую практику жизни, дышатъ по мѣстамъ особенною свѣжестію первобытнаго религіознаго общества, простотою его жизненныхъ формъ и отношеній. Соображая эти именно свойства памятника, можно до нѣкоторой степени понять и объяснить, какимъ образомъ, послѣ перваго знакомства съ этимъ сочиненіемъ и подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній отъ него, ученѣйшіе изъ канонистовъ и богослововъ могли защищать со всею настойчивостію апостольское его происхожденіе и достоинство.

III. Древній церковный канонъ.

Съ того времени, какъ христіанство было признано господствующею въ римской имперіи религіею, главнѣйшею формою развитія права церковнаго становится законъ, между тѣмъ какъ въ три первыя столѣтія такою формою главнымъ образомъ служило преданіе и обычай. Органомъ проявленія законода-

---

[103]) См. Bickell, Bd. 1. стр. 63

тельной воли и дѣятельности церковной является соборъ [104]). Съ IV до IX в. идетъ рядъ великихъ духовныхъ соборовъ, на которыхъ, благодаря свободѣ, предоставленной дѣйствіямъ церковной власти, обсуждается обширный и разнообразный кругъ предметовъ церковнаго управленія и дисциплины, и опредѣленія соборовъ получаютъ общеобязательное для всѣхъ членовъ церкви значеніе положительнаго закона. Свѣтская верховная власть, сдѣлавшись христіанскою, своимъ признаніемъ и утвержденіемъ, сообщаетъ канонамъ церкви авторитетъ государственныхъ законовъ и сопровождаетъ ихъ нарушеніе юридическими послѣдствіями въ гражданскомъ обществѣ, являясь охранительницею церковнаго законодательства. Въ продолженіе шести вѣковъ постепенно образуется основной церковный канонъ, и на соборѣ трулльскомъ (692), а потомъ на VII вселенскомъ (787) утверждается полный его составъ и опредѣляется каноническое значеніе различныхъ памятниковъ церковнаго законодательства, составленныхъ въ теченіе всего этого періода. Разсмотримъ прежде всего составъ церковнаго канона, сопровождая наше обозрѣніе историческими замѣчаніями, служащими къ объясненію постепеннаго образованія его.

До конца VI ст. церковный канонъ не получилъ единства, твердости и опредѣленности въ своемъ составѣ. Сборники каноническихъ правилъ, составлявшіеся въ теченіе этого времени въ различныхъ мѣстахъ, разнообразились въ своемъ содержаніи. Правила соборовъ, помѣщавшіяся въ однихъ собраніяхъ, не встрѣчаются въ другихъ. Видно, что какъ относительно цѣлаго состава канона церковнаго, такъ и касательно каноническаго достоинства разныхъ источниковъ права, не было единства въ мнѣніяхъ и согласія въ признаніи [105]). Это колебаніе было устраняемо постепенно автори-

[104]) Изъ предшествующаго изложенія видно, что соборы не были рѣдкими явленіями и въ три первые вѣка церковной исторіи; но они не имѣли общецерковнаго характера и общаго законодательнаго значенія.

[105]) См. Mortreuil Histoire du Droit Byzantin. T. 1. стр. 173. Кур. церк. закон. архим. Іоанна I, 79.

тетомъ высшей законодательной власти церкви и государства. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ на IV вселенскомъ соборѣ въ половинѣ V в. Въ первомъ своемъ канонѣ соборъ халкидонскій, хотя въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, безъ обозначенія числа и названій, призналъ справедливымъ соблюдать отъ св. отецъ на каждомъ соборѣ до нынѣ изложенныя правила. Почти сто лѣтъ спустя верховная государственная власть высказалась объ этомъ гораздо опредѣленнѣе. Юстиніанъ въ 131 новеллѣ (545 г.) постановилъ, чтобы имѣли силу законовъ каноны изложенные (expositae) или утвержденные (aut firmatae) на четырехъ св. соборахъ— никейскомъ, константинопольскомъ, ефесскомъ и халкидонскомъ [106]). Выраженія *expositae, aut firmatae* даютъ право предполагать, что новелла признаетъ и утверждаетъ въ значеніи законовъ не только каноны тѣхъ четырехъ соборовъ, которые прямо въ ней поименованы, но и правила всѣхъ тѣхъ помѣстныхъ соборовъ, которыя были утверждены (firmatae) на нихъ. Это подтверждается еще и тѣмъ, что Іоаннъ антіохійскій (схоластикъ) въ своемъ собраніи правилъ, составленномъ вскорѣ послѣ изданія 131 новеллы (550 г.), помѣстилъ кромѣ 4 вселенскихъ правила шести соборовъ помѣстныхъ (анкирскаго, неокессарійскаго, сардикійскаго, гангрскаго, антіохійскаго и лаодикійскаго) — тѣхъ самыхъ, какъ полагаютъ [107]), которыми пользовался и которые утвердилъ своимъ первымъ правиломъ соборъ халкидонскій. Въ этомъ составѣ признанъ былъ законодательствомъ и практикою церковный канонъ въ половинѣ VI ст.

Прошло еще почти полтораста лѣтъ, когда въ 692 г., на соборѣ трулльскомъ, законодательною властію церкви былъ опять пересмотрѣнъ составъ бывшаго въ практическомъ упо-

---

[106]) Sancimus, vicem legis obtinere sanctas ecclesiasticas regulas, quae a sanctis quatuor consiliis expositae aut firmatae sunt, hoc est in Nicaena et in Constantinopolitana et in Ephesina prima et in Chalcedonia.

[107]) Martreuil I, 195. Такъ разумѣли постановленіе Юстиніана Фотій, Вальсамонъ и др. Jus Graeco-Rom. Levenclavii pars 1. pag. 342.

требленіи церковнаго канона; нѣкоторыя части изъ него были устранены (ап. постановленія), другія включены въ прежде утвержденный составъ и положительно опредѣлено, сколько и какія постановленія соборовъ и отцевъ церковь признавала въ это время каноническимъ кодексомъ своихъ законовъ. Изъ перечисленія, сдѣланнаго въ 1 и 2 канонахъ этого собора, видно, что въ концѣ VII в. церковію приняты были постановленія *шести соборовъ вселенскихъ, восьми помѣстныхъ* и правила *тринадцати отцевъ* и учителей церкви, именно:

I. *Соборы вселенскіе: первый никейскій* 325 г., созванный первымъ христіанскимъ императоромъ Константиномъ въ Никеѣ (вѳинскомъ городѣ) для разсмотрѣнія вопроса объ ученіи Арія пресвитера александрійскаго, отрицавшаго единосущіе и равенство Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, и ученія православнаго, которое защищалъ александрійскій епископъ Александръ. На немъ присутствовало 318 епископовъ—представителей помѣстныхъ церквей и многіе пресвитеры и діаконы. Большинство собравшихся было изъ восточныхъ областей имперіи, но были и представители западныхъ церквей [108]). Кромѣ вѣроопредѣленія или символа вѣры, никейскій соборъ составилъ 20 каноновъ, относящихся къ церковному управленію, дисциплинѣ и богослуженію [109]).

II. *Константинопольскій* [110]) 381 г., созванный императоромъ Ѳеодосіемъ старшимъ противъ лжеученія бывшаго

---

[108]) Осія, еписк. кордубскій, Цециліанъ ен. карѳагенскій, пресвитеры — римской церкви Викентій и Виттъ, представлявшіе римскаго епископа Сильвестра, не могшаго прибыть лично по старости.

[109]) На никейскомъ соборѣ между прочимъ присутствовали епископы, хотя не отличавшіеся своею образованностію, но знаменитые святостію своей жизни: Николай мирликійскій, Іаковъ низибійскій, Спиридонъ тримиѳунтскій, Пафнутій изъ Верхней Ѳиваиды, и пр. Партію аріанъ представляли до 20 епископовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Евсевій никомидійскій. См. Hefele Concilien-Gesch. Т. I.

[110]) Подробная исторія II вселенскаго собора изложена въ „Хр. Чтеніи“ 1846 г. Дѣянія этого, какъ и другихъ вселенскихъ соборовъ, изданы въ переводѣ при журналѣ казанской духовной академіи „Правосл. Собесѣдникъ“

константинопольскаго епископа Македонія, отрицавшаго божественную природу третьяго лица Св. Троицы. На немъ присутствовало 150 членовъ, исключительно изъ восточныхъ епископовъ; между ними знаменитые отцы церкви Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій (братъ Василія Великаго). Изъ членовъ западной половины церкви никого не видно на соборѣ; папа Дамасъ не присутствовалъ на немъ, не прислалъ и представителей, ни даже грамотъ собору [111]). На этомъ соборѣ никейскій символъ дополненъ былъ четырьмя членами и постановлены седмь каноновъ касательно церковнаго управленія. Вселенскій авторитетъ догматическихъ опредѣленій этого собора былъ признанъ безъвсякихъ колебаній и въ восточной и въ западной половинахъ церкви. Дисциплинарные же каноны, по утвержденіи ихъ Ѳеодосіемъ, приняты были на востокѣ [112]), но возбудили сомнѣнія и противодѣйствіе на западѣ, особенно третій канонъ, опредѣлявшій іерархическое положеніе константинопольскаго епископа вслѣдъ за римскимъ. Принимая константинопольскій символъ, папы и ихъ легаты въ V и VI ст. отвергали соборные декреты [113])

---

[111]) Ѳеодоритъ въ своей церковной исторіи замѣчаетъ, что Ѳеодосій приглашалъ на соборъ только епископовъ восточной половины имперіи, которою онъ управлялъ. Думаютъ, что папа Дамасъ вовсе не былъ приглашаемъ на соборъ. См. Hefele Conciliен-Geschichte Т. II. стр. 3.

[112]) На соборѣ въ слѣдующемъ 382 г., бывшемъ въ Константинополѣ, онъ уже названъ былъ *вселенскимъ*. См. Ѳеодорита V. 9.

[113]) На соборѣ халкидонскомъ легаты, вполнѣ принимавшіе символъ константинопольскій, протестовали, какъ только зашла рѣчь о 3 канонѣ, и удалились изъ засѣданія, заявивъ, что опредѣленія 150 епископовъ, собиравшихся въ Константинополѣ, не приняты въ число соборныхъ каноновъ, признаваемыхъ въ Римѣ. Папа Левъ I около половины V в. въ посланіи къ константинопольскому епископу Анатолію писалъ о 3 канонѣ, что онъ „отъ предшественниковъ твоихъ никогда не былъ доводимъ до свѣдѣнія апостольскаго престола“ (Epist. 106.) Григорій Великій, (около 600 г.), сравнивая догматическія опредѣленія четырехъ первыхъ соборовъ, по ихъ значенію, съ четырьмя евангеліями, о канонахъ II собора писалъ: romana autem ecclesia eosdam canones vel gesta synodi illius hactenus non habet, nec accepit; in hoc autem eam accepit, quod est per eam contra Macedonium definitum (Lib. VII. epist. 34). Hefele Conciliен-Geschichte. T. II. 29—32.

и противъ третьяго канона протестовали до XIII ст. Только на IV латеранскомъ соборѣ 1215 г., когда Константинополь былъ взятъ латинянами, положеніе епископа этой столицы было торжественно и формально признано согласно съ смысломъ третьяго канона константинопольскаго и 28 халкидонскаго соборовъ.

III-й созванъ былъ *въ Ефесѣ* (въ малой Азіи) импер. Ѳеодосіемъ младшимъ въ 431 г. для разсмотрѣнія ученія Несторія, архіепископа константинопольскаго, до того раздѣлявшаго оба естества въ І. Христѣ, что между ними не могло быть полнаго и существеннаго объединенія въ одномъ лицѣ [116]). На немъ присутствовало болѣе 200 епископовъ; между ними главнымъ дѣятелемъ со стороны православной былъ св. Кириллъ Александрійскій; отъ папы Целестина, въ качествѣ его представителей, присланы были на соборъ три легата. Особыхъ правилъ для церковнаго управленія соборъ ефесскій не составлялъ; тѣ, которыя, съ его именемъ, помѣщаются въ собраніи церковныхъ каноновъ, составляютъ извлеченія (именно первыя шесть) изъ окружнаго посланія, отправленнаго отъ собора ко всѣмъ церквамъ объ отлученіи Несторія и его единомышленниковъ. На это указываетъ и самый составъ ефесскихъ правилъ, имѣющихъ видъ посланія. Правила 7 и 8 опредѣлены на соборѣ по особеннымъ случаямъ, изъясненнымъ въ самомъ изложеніи ихъ. Къ нимъ въ книгѣ правилъ присоединено посланіе отцевъ ефесскихъ къ собору памфилійскому, которое въ славянской Кормчей считается 9 правиломъ III всел. собора. Въ западномъ сборникѣ Діонисія Малаго (ок. 500 г.) ни одинъ изъ ефесскихъ каноновъ не былъ помѣщенъ потому, какъ предполагаетъ Гефеле, что распоряженія, въ нихъ заключающіяся, относились не къ общимъ церковнымъ дѣламъ, а спеціально къ несторіанскимъ и пелагіан-

---

[116]) Подробное изложеніе исторіи III всел. собора см. Hefele T. II. и „Христ. Чтеніе“ 1842 г. ч. 3.

скимъ [115]),—но съ такимъ предположеніемъ не позволяетъ согласиться самое содержаніе правилъ.

IV-й созванъ былъ въ *Халкидонѣ* [116]) императоромъ Маркіаномъ въ 451 г. противъ константинопольскаго архимандрита Евтихія и ученика его Діоскора Александрійскаго, которые до того сливали два естества въ І. Христѣ, что человѣческая его природа совершенно поглощалась божественною. На немъ присутствовало около 630 отцевъ; папа Левъ I, вначалѣ не желавшій собора, прислалъ однакоже своихъ уполномоченныхъ представителей съ особенною инструкціей. Каноновъ, относящихся къ церковному управленію и дисциплинѣ, было постановлено на немъ 30. Въ первомъ изъ нихъ, хотя въ общихъ выраженіяхъ, безъ означенія числа и названій, «признано было справедливымъ соблюдать отъ св. отецъ на каждомъ соборѣ донынѣ изложенныя правила». Изъ дѣяній собора халкидонскаго видно, что въ рукахъ членовъ его было собраніе древнихъ церковныхъ каноновъ (βιβλος κανόνων), извлеченія изъ которыхъ были прочитываемы въ различныхъ засѣданіяхъ, напр. въ 13 засѣданіи читано 4 пр. никейскаго собора, въ 11 засѣданіи—16 и 17 прав. собора антіохійскаго 341 г., въ 4 засѣданіи—5 прав. того же собора и т. д. Счетъ правилъ въ этомъ сборникѣ былъ общій, начиная съ перваго никейскаго правила, а не по числу соборовъ. Сколько соборовъ съ ихъ правилами помѣщено было въ немъ, мы не знаемъ; составъ ихъ въ разныхъ сборникахъ этого времени не одинаковъ, потому что и самый канонъ церковный тогда не имѣлъ еще опредѣленности [117]). 28 канонъ собора халкидонскаго, предоставлявшій престолу константинопольскому преимущества равныя съ римскимъ, возбудилъ протестъ на самомъ соборѣ со стороны легатовъ папскихъ и подалъ поводъ

---

[115]) Conc.-Gesch. T. II. стр. 195.

[116]) Подробное изложеніе исторіи IV всел. собора см. у Hefele T. II. Въ „Христ. Чт.“ 1847 г. ч. 4.

[117]) Biener. de coll. canonum Eccles. Graec. pag. 10. Martreuil Hist. du droit Bysant. T I. стр. 188—193.

къ прекаѣніямъ папы Льва I съ соборомъ и къ перепискѣ его съ императоромъ и Анатоліемъ константинопольскимъ. Папа вполнѣ признавалъ авторитетъ вѣроопредѣленій, утвержденныхъ соборомъ, но опираясь на 6-й канонъ собора никейскаго, отвергалъ, какъ недѣйствительный, 28-й канонъ. Борьба изъ-за этого канона продолжалась между западомъ и востокомъ до начала XIII в. [118]).

Пятый и шестой вселенскіе соборы, бывшіе въ Константинополѣ—первый въ 553 г. при императорѣ Юстиніанѣ противъ Ѳеодора епископа мопсуетскаго (несторіанина) и сочиненій блаженнаго Ѳеодорита епископа кирскаго, Ивы епископа едесскаго и Оригена,—второй въ 680 г. [119]) при императорѣ Константинѣ Погонатѣ, противъ монофелитовъ, занимались исключительно вопросами догматическими и не составили никакихъ каноническихъ опредѣленій. Поэтому безъ сомнѣнія соборъ трулльскій 692 г. не называетъ ихъ во второмъ своемъ правилѣ, гдѣ перечисляются только соборы, издававшіе каноническія постановленія. Но въ первомъ правилѣ онъ упоминаетъ и пятый и шестой соборы въ числѣ другихъ, составлявшихъ догматическія вѣроопредѣленія. Первый изъ этихъ соборовъ, несмотря на признаніе его папами Вигиліемъ и Пелагіемъ, не принимаемъ былъ западными церквами (въ Италіи и Франціи) до конца VI в. (при Григоріи Великомъ), а соборы испанскіе даже въ VII в. не упоминаютъ о немъ [120]). На шестомъ вселенскомъ соборѣ былъ осужденъ и преданъ анаѳемѣ римскій папа Гонорій (умершій за 40 слишкомъ лѣтъ до собора) за монофелитскія мнѣнія, открытыя въ письмѣ его къ патріарху Сергію, подвергнутомъ изслѣдованію отцевъ собора, и это

---

[118]) Подробное изложеніе этихъ споровъ и переписки см. Hefele C.-Gesch Т. II, стр. 526—544.

[119]) Засѣданія этого собора происходили въ особой залѣ императорскаго дворца, которая была со сводами (τροῦλλον), отъ чего и соборъ получилъ названіе *трулльскаго*. Исторія этого собора изложена въ „Христ. Чт.“ 1848 г. кн. 7; подробно у Hefele.

[120]) Исторія этой схизмы изложена подробно у Hefele. Т. 2. 887—898.

осужденіе вмѣстѣ съ другими соборными опредѣленіями было признано папою Львомъ II [121]).

2. *Соборы помѣстные. Анкирскій* (въ главномъ городѣ Галатіи) 313 г., изъ 18 отцевъ подъ предсѣдательствомъ Виталія епископа антіохійскаго. Онъ созванъ былъ по окончаніи жестокихъ гоненій при Максиминѣ на христіанъ, изъ коихъ многіе, или изъ страха мученій, или не вынося ихъ жестокости, отреклись отъ вѣры, но потомъ раскаявались и желали вновь вступить въ церковь. Соборъ имѣлъ въ виду установить правила, какимъ образомъ падшіе по разнымъ обстоятельствамъ могли быть принимаемы снова въ общеніе съ церковію. Всѣхъ каноновъ постановлено 25; изъ нихъ болѣе половины относятся къ частнымъ вопросамъ управленія клира и къ нѣкоторымъ явленіямъ нравственной жизни христіанъ того времени. Правила этого собора встрѣчаются въ древнѣйшихъ каноническихъ сборникахъ конца IV в. [122]). 10-е правило этого собора, допускавшее изъятіе относительно брака діаконовъ по рукоположеніи, вопреки апостольскому 26-му, было отмѣнено соборомъ трулльскимъ (пр. 6).

Неокессарійскій (въ Каппадокіи) 315 г. подъ предсѣдательствомъ того же Виталія антіохійскаго, составилъ 15 правилъ относительно нравственной дисциплины въ жизни духовенства и нѣкоторыхъ частныхъ предметовъ управленія. Послѣднее правило этого собора было отмѣнено соборомъ трулльскимъ 692 г. (пр. 16).

[121]) Католическіе историки и канонисты, въ особенности Бароній, употребляли всѣ усилія для того, чтобъ доказать, что VI соборъ не произносилъ клятвы на Гонорія; пытались подвергнуть сомнѣнію подлинность самыхъ актовъ соборныхъ, но совершенно безуспѣшно, ибо невозможно было говорить противъ очевидности и несомнѣнности фактовъ неопровержимыхъ и такихъ свидѣтельствъ, какъ собора трулльскаго 692 г., VII вселенскаго собора, 869 г., потомъ самихъ папъ. Фактъ отлученія стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и признанъ лучшими изъ историковъ даже католическихъ. Подробное и добросовѣстное изслѣдованіе этого спора и его документальныхъ основаній см. у Hefele. Т. III, стр. 264—284.

[122]) Bevereg. Pandect. Т. I. Предисловіе. Biener de collect. can. ecclesiae Graecae, pag. 9.

Гангрскій (въ митрополіи пафлагонійской въ Малой Азіи). Время собора точно не опредѣлено и полагается между 340—370 г. Онъ созванъ былъ противъ Евстафія епископа севастійскаго (въ Арменіи) и партіи, называвшейся его именемъ, и надѣлавшей много смутъ въ малоазійскихъ христіанскихъ обществахъ. Евстафіане учили, что брачная жизнь не угодна Богу и посему многіе расторгали браки и оставляли женъ; они перестали посѣщать общественныя богослужебныя собранія и сходились для молитвъ въ частные дома; изъ ложно аскетическихъ побужденій мірскіе люди замѣняли свое обычное платье монашескою одеждою; женщины стали носить мужскую одежду и стригли себѣ волосы подъ предлогомъ благочестія, постились въ дни воскресные, а дни, установленные церковію для поста, не соблюдали; презирали всѣхъ женатыхъ, въ особенности пресвитеровъ, отъ которыхъ, какъ отъ нечистыхъ, не хотѣли принимать Евхаристіи; учили, что богатые не могутъ имѣть надежды на спасеніе, если не раздадутъ всего своего имущества и т. д. Противъ этихъ крайне аскетическихъ и противуобщественныхъ мнѣній и направлены постановленія собора, числомъ 21, по нашей книгѣ правилъ [123]), имѣющія видъ анаѳематизмовъ.

Антіохійскій 341 г., созванный по случаю освященія храма, заложеннаго императоромъ Константиномъ, но доконченнаго уже при сынѣ его Констанціи. Епископы (около 100), собравшіеся на это торжество, по его окончаніи, составили соборъ, на которомъ постановлено было 25 правилъ по церковному управленію. Догматическая дѣятельность этого собора возбуждала и продолжаетъ возбуждать серьезныя недоразумѣнія въ ученыхъ изслѣдователяхъ [124]). Сходство антіохійскихъ по-

---

[123]) Въ славянской Кормчей изложено посланіе гангрскаго собора къ епископамъ Арменіи противъ евстафіанъ и въ немъ 19 соб. правилъ (опущено пр. 10 и 21, составляющее заключеніе къ посланію и объясненіе общаго взгляда отцевъ на жизнь христіанскую съ ея подвигами).

[124]) Въ вѣроопредѣленіяхъ, приписываемыхъ этому собору, открываютъ стремленіе измѣнить никейскій символъ въ пользу полуаріанскихъ мнѣній; въ под-

становленій съ апостольскими правилами подало поводъ къ предположенію о заимствованіи послѣднихъ изъ первыхъ [125]). Изъ свидѣтельствъ древности, ближайшей ко времени собора, видно, что правила его вносились въ каноническіе сборники, цитовались на соборахъ съ именемъ каноновъ св. отцевъ (прав. 4-е на соб. халкид. Дѣян. IV) и пользовались высокимъ уваженіемъ въ римской и другихъ западныхъ церквахъ [126]).

Лаодикійскій (во Фригіи). Время собора, въ точности неизвѣстное, полагаютъ въ концѣ IV в. не задолго до 2 вселенскаго собора. Правила его, числомъ 60, касаются различныхъ подробностей чина богослужебнаго, дисциплины клира, семейной жизни и нравовъ мірянъ, пороковъ и заблужденій того времени, и въ этомъ отношеніи представляютъ не мало характеристическихъ указаній на церковную обрядность и обычаи жизни тогдашнихъ христіанъ.

Сардикійскій (въ Иллиріи, на границѣ восточной и западной римской имперіи) былъ созванъ въ 344 г. [127]) по настоянію западнаго императора Констанса, изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ, для того, чтобы они пришли къ соглашенію относительно исповѣданія вѣры и по дѣлу объ Аѳанасіи Великомъ. Большинство епископовъ — членовъ собора — составляли западные (восточныхъ полагаютъ, на основаніи свидѣтельствъ Сократа и Созомена, 76 на 300 западныхъ). Предсѣдательствовалъ Осія еписк. кордубскій. Этотъ соборъ, созванный съ цѣлію положить конецъ раздѣленію между православнымъ западомъ и сильною аріанскою партіею на востокѣ,

---

твержденіе указываютъ на то, что на этомъ соборѣ утверждено было произнесенное прежде осужденіе и низложеніе св. Аѳанасія, главнаго борца противъ аріанъ. Подробное разсмотрѣніе и устраненіе этихъ недоразумѣній сдѣлано въ исторіи соборовъ Hefele. Т. I, стр. 483—509.

[125]) См. выше о правилахъ апостольскихъ стр. 106—110.

[126]) Современникъ собора св. Гилярій Пуатьескій называетъ его Synodus sanctorum. Съ большимъ уваженіемъ говорятъ о немъ панн. См. Hefele Т. I, стр. 486.

[127]) См. соображенія о времени собора у Hefele. Т. I, стр. 513. Въ курсѣ архим. Іоанна, послѣдняя 347 г., но не указано основаній.

не достигъ своей цѣли и распался прежде чѣмъ приступилъ къ дѣлу. Представители аріанской партіи и непримиримые враги Аѳанасія, узнавъ о прибытіи его на соборъ и о намѣреніи западныхъ поддерживать его дѣло вмѣстѣ съ православіемъ, оставили немедленно Сардику и въ Филиппополѣ (во Ѳракіи) составили свой соборъ, на которомъ осудили папу Юлія и Аѳанасія Великаго. Оставшіеся западные епископы и немногіе изъ православныхъ восточныхъ открыли соборъ въ Сардикѣ, и на немъ признали никейскій символъ, оправдали Аѳанасія съ его сотрудниками и сверхъ того составили 20 правилъ по церковному управленію. Каноническое значеніе этого собора было преувеличиваемо многими изъ средневѣковыхъ западныхъ историковъ и канонистовъ, ставившихъ его наравнѣ съ соборами вселенскими [128]), но большинство ученыхъ, относясь съ особеннымъ уваженіемъ къ собору, не причисляютъ его однакоже къ вселенскимъ, какъ и вся восточная церковь, которая ставитъ его на ряду съ другими помѣстными своими соборами, принятыми въ церковный канонъ [129]).

---

[128]) Такъ смотрѣли на сардикійскій соборъ Бароній, Александръ Наталисъ, братья Баллерини, Мансн, Пальма.

[129]) Гефеле вполнѣ безпристрастно рѣшаетъ этотъ вопросъ въ своей исторіи соборовъ (Т. I, 597—600). Общіе выводы изъ его изслѣдованій такіе: 1) по намѣренію императоровъ и папы Юлія соборъ, созванный въ Сардикѣ, долженъ былъ имѣть характеръ вселенскаго, но оно не осуществилось потому, что церкви восточныя и изъ западныхъ африканская имѣли на немъ очень мало представителей; 2) церкви, ни западная, ни восточная, не утверждали своимъ авторитетомъ вселенскаго значенія этого собора; мнѣнія же отдѣльныхъ лицъ хотя бы и авторитетныхъ (св. Аѳанасія, Сократа, импер. Юстиніана) не имѣютъ рѣшительнаго значенія въ подобномъ вопросѣ; притомъ самыя мнѣнія эти недостаточно опредѣленны (Аѳанасій называетъ его „великимъ соборомъ“ только); 3) наконецъ, говоритъ Гефеле, „самый споръ о вселенскомъ характерѣ сардикійскаго собора не имѣетъ большаго значенія, потому что въ вопросахъ вѣры онъ не постановлялъ ничего новаго, слѣдовательно его рѣшенія не запечатлѣны характеромъ непогрѣшимости. Дисциплинарныя же правила, какимъ бы соборомъ они ни были опредѣлены, подлежатъ необходимымъ по различію времени измѣненіямъ, не изъяты отъ преобразованій, какъ догматическія опредѣленія вселенскихъ соборовъ.“ См. Т. I, стр. 51.

Карѳагенскій: подъ этимъ именемъ въ «книгѣ правилъ» помѣщенъ сводъ постановленій различныхъ соборовъ, бывшихъ въ африканской церковной области, начиная отъ 390 г. и по 426 г. Большая часть этихъ соборовъ, именно отъ гиппонскаго 393 г., происходила подъ предсѣдательствомъ Аврелія епископа карѳагенскаго, въ митрополіи области. Важнѣйшіе изъ соборовъ, правила которыхъ приняты въ церковный канонъ, были въ 390, 393 (гиппонскій), 397, 401, 402, 403, 407, 418 и 419 гг. Въ подлинныхъ латинскихъ собраніяхъ (у Фульгенція Ферранда VI в. и у Кресконія VII в.) правила разныхъ африканскихъ соборовъ цитуются въ хронологическомъ порядкѣ соборовъ, раздѣльно, въ такомъ же видѣ они распредѣляются и въ западныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и комментаріяхъ съ хронологическими датами каждаго собора [130]). Современникъ Ферранда Іоаннъ Схоластикъ не внесъ карѳагенскихъ постановленій въ свой сборникъ правилъ, можетъ быть потому, что они мало извѣстны были на востокѣ. Соборъ трулльскій, перечисляя соборы, правила которыхъ онъ утверждаетъ, не указываетъ, что онъ разумѣетъ подъ правилами, изложенными *отъ собравшихся въ Карѳагенѣ*. У средневѣковыхъ восточныхъ канонистовъ подъ именемъ правилъ карѳагенскаго собора разумѣется сводъ постановленій различныхъ соборовъ африканскихъ отъ 419—426 г., держанныхъ подъ предсѣдательствомъ карѳагенскаго епископа Аврелія; такъ понимается это названіе и въ нашей «книгѣ правилъ», что видно изъ примѣчанія къ 121 правилу [131]) (карѳаген. собора 409 г.) [132]). Такъ какъ въ «книгѣ правилъ» африканскіе каноны собраны изъ разновременныхъ соборовъ карѳагенскихъ, то многія правила одного и того же содержанія повторяются по нѣскольку разъ; изъ об-

---

[130]) См. у Hefele, T. II.

[131]) Карѳагенскій соборъ, говорится въ книгѣ правилъ, котораго правила здѣсь совокуплены, — не есть единовременный соборъ, но цѣнь ежегодныхъ соборовъ африканскихъ епископовъ, держанныхъ подъ предсѣдательствомъ епископа карѳагенскаго.

[132]) Hefele. T. II, 89.

щаго состава ихъ можно видѣть, что соборы послѣдующаго времени пересматривали, дополняли и поясняли постановленія предшествующихъ (прав. 43), и полное собраніе ихъ было редактировано и приведено въ одинъ хронологически послѣдовательный составъ [133]). Всѣхъ правилъ въ общемъ канонѣ помѣщено 147.

Константинопольскій 394 г. при патріархѣ Нектаріи, созванный для рѣшенія спора между двумя епископами, изъявлявшими притязаніе на одну и ту же каѳедру; при этомъ случаѣ было постановлено одно правило о составѣ суда, необходимомъ для низверженія епископа и снятія съ него сана.

За 8-мью помѣстными соборами во второмъ правилѣ трулльскаго собора перечисляются правила знаменитѣйшихъ отцевъ церкви, принятыя въ канонъ, именно: *изъ III вѣка—св. Кипріана карѳагенскаго* и собора, при немъ бывшаго (256 г.) о повтореніи крещенія надъ еретиками, обращающимися къ церкви, хотя бы они прежде сего крещены были правильно. Соборъ трулльскій замѣчаетъ, что это правило сохраняемо было только въ африканской церкви, по преданному здѣсь обычаю. Не видно, чтобъ соборъ осуждалъ этотъ обычай или запретилъ его, но онъ не распространилъ его дѣйствіе на всѣ другія церкви, ибо въ нихъ дѣйствовали и утверждены были другія правила, болѣе сообразныя съ древнѣйшею практикою (ап. прав. 47). По этой, конечно, причинѣ правило Кипріана не помѣщено въ составѣ общаго канона церковнаго; *Діонисія александрійскаго* († 264 г.)—четыре наставленія по частнымъ вопросамъ, предложеннымъ ему для разрѣшенія Василидомъ епископомъ пентапольскимъ; *Петра александрійскаго* — 14

---

[133]) При сличеніи нашего собранія съ западными представляется слѣдующій хронологическій порядокъ правилъ по соборамъ: прав. 2—13 изъ соб. 390 г., прав. 14—33, 44—58, изъ соб. 393 г. (иппонскаго), прав. 59—67 изъ соб. 397 г., 34—36, 68—96 изъ соборовъ 401 г., прав. 97—101 изъ соб. 402 г., прав. 102 и 103 изъ соб. 403 г., прав. 104 изъ соб. 404 г., 105 изъ соб. 405 г., прав. 106—119 изъ соб. 407 г., прав. 120 изъ соб. 408 г., прав. 121 изъ соб. 409 г., пр. 37, 123—141 изъ соб. 418, прав. 1, 42, 142—147 изъ соб. 419 г., прав. 38—41 изъ соб. 421 г.

правилъ, извлеченныхъ изъ слова его о покаяніи, по вопросу о принятіи въ церковное общеніе отпадшихъ отъ вѣры во время гоненій на христіанъ; *Григорія Неокессарійскаго* († 272 г.)— 12 правилъ, взятыхъ изъ посланія къ архіепископу александрійскому. Они направлены противъ тѣхъ изъ христіанъ, которые унижали свое званіе тяжкими преступленіями, допущенными во время нападенія готѳовъ на страны, входившія въ область, которою управлялъ св. Григорій. Послѣднее правило представляетъ образъ древняго публичнаго покаянія въ его первоначальномъ строжайшемъ видѣ. *Изъ IV вѣка*: три правила *св. Аѳанасія Великаго* (326—371 г.), извлеченныя изъ его слова о праздникахъ и двухъ посланій; *Василія Великаго* (370—378 г.) правила числомъ 92, извлеченныя изъ различныхъ его посланій; многія изъ нихъ имѣютъ своимъ предметомъ вопросы, относящіеся къ заключенію браковъ [134]); правила Василія Великаго пользовались большимъ уваженіемъ въ древности на востокѣ и только они одни изъ отеческихъ внесены были въ древнѣйшій изъ сборниковъ Іоанна Схоластика, въ числѣ 68 [135]); *Григорія нисскаго* посланіе къ Литоію еписк. мелитинскому, замѣчательное по примѣненію древняго философскаго ученія о раздѣленіи душевныхъ силъ къ объясненію различныхъ преступленій и дѣйствій, происходя-

---

[134]) Какъ св. Василій составлялъ свои правила и какое значеніе придавалъ имъ самъ, это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его правилъ (напр. 9, 10, 13, и мн. др.). Во вступленіи къ первому каноническому посланію св. отецъ говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ общихъ выраженіяхъ: „Вопрошеніе мудраго умудряетъ и несмысленнаго. Сіе по благодати Божіей случается съ нами каждый разъ, когда получаемъ писанія твоея трудолюбивыя души (говоритъ объ Амфилохіи епископѣ иконійскомъ). Ибо я становлюсь свѣдущѣе и разсудительнѣе самого себя, изъ самаго вопроса научаясь многому, чего прежде не зналъ. Забота объ отвѣтѣ дѣлается для меня учителемъ. Поистинѣ и иный, никогда не озабоченный предметами твоихъ вопросовъ, я принужденъ и разсмотрѣти оныя съ точностію, *и привести на память, аще что слышалъ отъ старѣйшихъ, и отъ себя примыслити согласно съ тѣмъ, чему я научился.*“

[135]) Въ славянской Кормчей, согласно съ сборникомъ Аристина, послѣ 92 прав. св. Василія помѣщается еще нѣсколько статей изъ сочиненій того же отца, касающихся епитимій за разные грѣхи, монашества и др.

щихъ отъ каждой силы. Къ сему приложены правила для исправленія дѣятельности различныхъ силъ, весьма строгія. Въ «книгѣ правилъ» посланіе раздѣлено на 8 правилъ. Подъ именемъ *Григорія Богослова и св. Амфилохія* (394 г.) иконійскаго помѣщены перечисленія священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, признанныхъ церковію каноническими; св. отцы раздѣляютъ ветхозавѣтныя книги на три разряда: историческія, стихотворныя и пророческія; *Тимоѳея александрійскаго* (380—385) — 18 вопросовъ, предложенныхъ ему отъ разныхъ епископовъ по частнымъ случаямъ церковно-обрядовой практики, по разнымъ сомнѣніямъ совѣсти, и отвѣты на нихъ; *Ѳеофила александрійскаго* (385—412) — 14 правилъ, извлеченныхъ изъ его наставленій разнымъ лицамъ и изложенныхъ въ видѣ рѣшеній на тѣ частныя случаи, которые были предложены. *Изъ V вѣка: Кирилла александрійскаго* два посланія—одно къ патріарху антіохійскому Домну по жалобѣ одного изъ епископовъ антіохійскаго округа на лишеніе каѳедры безъ должнаго изслѣдованія и законнаго судопроизводства; другое къ епископамъ ливійскимъ о неправильныхъ рукоположеніяхъ, допущенныхъ въ Ливіи; посланія раздѣлены на пять правилъ; *Геннадія патріарха константинопольскаго* окружное посланіе къ папѣ Льву I и всѣмъ митрополитамъ восточнымъ (459 г.) противъ рукоположеній въ іерархическія степени за деньги.

Вотъ составъ церковнаго канона, въ какомъ онъ былъ признанъ и утвержденъ на соборѣ трулльскомъ 692 г. Этотъ соборъ имѣетъ въ каноническомъ отношеніи двоякое значеніе. Онъ созванъ былъ императоромъ Юстиніаномъ II, именно для того, чтобы дать силу и твердость уже существующимъ церковнымъ законамъ въ практикѣ, расшатанной продолжительными догматическими смутами и вліяніемъ еретическихъ партій, представители которыхъ занимали иногда самыя высшія мѣста въ церковной іерархіи и потому имѣли сильное вліяніе на ходъ церковнаго управленія. На основаніи нѣкоторыхъ выраженій изъ втораго соборнаго правила можно заключать, что

даже въ самомъ законодательствѣ, практиковавшемся въ то время, замѣчалась шаткость, нетвердость, подлоги и извращенія самыхъ памятниковъ. Кромѣ правилъ, признанныхъ церковію, подмѣнивались и принимались съ ложными надписями другія правила, составленныя какими-то недобросовѣстными людьми. Надлежало провѣрить, пересмотрѣть и утвердить каноиъ, оградить его отъ подлоговъ назвавъ по именамъ всѣ признанные законодательные акты. Это и сдѣлано было на соборѣ трулльскомъ. Съ другой стороны со времени IV вселенскаго собора, т.-е. съ половины V вѣка до собора трулльскаго, слѣдовательно въ теченіе слишкомъ двухъ столѣтій, высшею церковною властію не было издано ни одного канона, относящагося къ церковному управленію и благоустройству. Бывшіе въ теченіе этого періода два вселенскіе собора V и VI занимались исключительно опредѣленіемъ догматическаго вѣроученія и ни тотъ ни другой не составляли законовъ по управленію. Правда, государственная власть византійской имперіи (особенно Юстиніанъ) дѣятельно занималась въ теченіи этого времени составленіемъ и изданіемъ законовъ, относящихся не только къ внѣшнему положенію церкви въ имперіи, но и ко внутреннимъ ея отношеніямъ и жизни. Но законы эти необходимо было сообразить съ церковными, ввести въ общій сводъ, дать имъ санкцію самой церкви. Съ этими цѣлями, чрезъ одиннадцать лѣтъ послѣ VI вселенскаго собора, былъ созванъ императоромъ Юстиніаномъ II новый соборъ въ той же залѣ императорскаго дворца, со сводами, гдѣ происходилъ шестой соборъ, и потому названъ былъ также трулльскимъ. Средневѣковые восточные канонисты (Вальсамонъ, Зонара) называли его также πεντεκτη, Quini-Sexta, *пято-шестымъ*, потому что онъ служилъ какъ бы дополненіемъ къ пятому и шестому вселенскимъ соборамъ, не оставившимъ каноническихъ постановленій. Всѣхъ правилъ было постановлено на немъ 102. Споры объ авторитетѣ трулльскаго собора, возбужденные еще его современниками, продолжаются и доселѣ въ каноническомъ правѣ. Уже къ концу VII в., какъ

видно изъ нѣкоторыхъ правилъ собора, разногласіе въ обычаяхъ и правилахъ церковной дисциплины между двумя половинами единой церкви—западною и восточною—обнаруживалось довольно рѣзко; а между тѣмъ въ вождяхъ церкви не было уже того миролюбія и широты взгляда на существенное въ церкви и несущественное, какими отличались времена св. Поликарпа и Иринея. Соборъ трулльскій строго настаивалъ на изверженіи клириковъ за разлученіе съ женами подъ видомъ благочестія, грозилъ также изверженіемъ для клириковъ и отлученіемъ отъ общенія для мірянъ за постъ въ субботу во время четыредесятницы (пр. 13, 55) — обычаи, вошедшіе уже въ силу въ римской церкви,—подтвердилъ вновь равноправность константинопольскаго патріарха съ римскимъ (пр. 36). Вслѣдствіе этихъ конечно причинъ папа Сергій, современникъ собора, не хотѣлъ подписать его правилъ, и съ тѣхъ поръ и доселѣ римская церковь не признаетъ вселенскаго характера и значенія за этимъ соборомъ, утверждая, что на немъ не было уполномоченныхъ представителей отъ римской церкви, что подъ актами его подписался только одинъ изъ западныхъ епископовъ [136]). Но восточная половина церкви издревле смотрѣла на него, какъ на продолженіе VI вселенскаго собора и соединяла съ нимъ подъ однимъ общимъ названіемъ. Чрезъ сто почти лѣтъ послѣдній на востокѣ вселенскій соборъ (787 г.), приводя нѣкоторыя правила собора трулльскаго, называетъ его *шестымъ* соборомъ (прав. 6), не отличая отъ собора 680 г. Во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія предпослѣдній изъ помѣстныхъ, принятыхъ въ восточный канонъ соборовъ, константинопольскій IV (861 г.) цитуетъ также трулльскій 31 канонъ подъ именемъ вселенскаго шестаго собора. Такимъ образомъ на востокѣ высшею церковною властію авторитетъ трулльскаго собора былъ урав-

[136]) Смотр. статью „Къ читателямъ“, находящуюся въ изданіи соборныхъ дѣяній *Лаббе* и переведенную на русскій въ „Дѣян. Вселен. Соборовъ“. Казань 1871 г. Т. VI, стр. 593.

ненъ со вселенскимъ шестымъ и оба соединены подъ однимъ общимъ названіемъ. Правила этого собора стали помѣщаться въ послѣдующихъ восточныхъ собраніяхъ каноновъ и въ толкованіяхъ средневѣковыхъ комментаторовъ подъ именемъ шестаго вселенскаго собора.

Седьмой вселенскій соборъ, никейскій II, былъ созванъ въ 787 г. императрицею Ириною, за малолѣтствомъ сына своего Константина, управлявшею государствомъ, для возстановленія иконопочитанія, подвергавшагося преслѣдованію въ три предшествовавшія царствованія, съ 717 г. На немъ, подъ предсѣдательствомъ Тарасія патріарха константинопольскаго, присутствовали представители отъ папы Адріана и другихъ восточныхъ патріаршихъ престоловъ; всѣхъ членовъ было 367. Кромѣ догматическихъ опредѣленій о почитаніи иконъ, соборъ составилъ 22 канона, относящіеся къ церковному управленію и дисциплинѣ. Несмотря на признаніе этого собора папою Адріаномъ, онъ долго не былъ принимаемъ въ нѣкоторыхъ западныхъ церквахъ въ монархіи Карла Великаго, не сочувствовавшаго иконопочитанію. По его вліянію на соборѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ (794 г.) были составлены опредѣленія, противныя никейскимъ, но папа Адріанъ не согласился утвердить ихъ, несмотря на участіе его легатовъ въ соборныхъ постановленіяхъ.

Современное этому собору *посланіе Тарасія, патріарха константинопольскаго* къ папѣ Адріану противъ усилившейся продажности священства и церковныхъ должностей, вѣроятно, внесено въ общій составъ церковныхъ правилъ Фотіемъ. Имъ же, какъ полагаютъ, включены въ кодексъ и правила двухъ помѣстныхъ константинопольскихъ соборовъ, IV (861 г.) и V (879 г.), такъ какъ не видно, чтобъ они причислены были къ канону по опредѣленію высшей соборной власти. Оба эти собора составлялись по дѣлу самого Фотія—первый для утвержденія его на мѣстѣ неправильно низложеннаго Игнатія [137])

[137]) Этотъ соборъ называется „двукратнымъ“, потому что собирался два раза для обсужденія однихъ и тѣхъ же предметовъ. Дѣйствія и рѣшенія перваго

БИБ...

(правилъ составлено 17),—второй послѣ смерти Игнатія и при вторичномъ возведеніи на престолъ Фотія для признанія его правъ и законности (правилъ 3). Здѣсь же былъ обсуждаемъ вопросъ о томъ, которому изъ патріарховъ (римскому или константинопольскому) должна быть подчинена новообращенная Болгарія. Римская церковь не признаетъ ни того, ни другаго собора, и вмѣсто ихъ съ значеніемъ вселенскаго принимаетъ константинопольскій соборъ 869 г., возстановившій Игнатія и низвергнувшій Фотія. Это уже было время смутъ, раздоровъ и проклятій между двумя половинами единой церкви, кончившихся въ половинѣ XI ст. полнымъ и доселѣ продолжающимся разрывомъ.

Таковъ полный составъ древняго церковнаго канона въ томъ видѣ, какъ принимаютъ его восточныя православныя церкви. Существенные вопросы, на которыхъ должна остановиться наука права при разсмотрѣніи содержанія канона, слѣдующіе: 1) какой авторитетъ и значеніе должны быть усвоены древнему канону въ общемъ составѣ источниковъ церковнаго права? 2) какое значеніе онъ имѣетъ въ дѣйствующемъ правѣ церквей? и 3) въ какомъ отношеніи должна стоять къ нему наука церковнаго права? Замѣтимъ предварительно, что изъ послѣдующаго разсужденія мы выдѣляемъ догматическія опредѣленія соборовъ, относящіяся къ истинамъ вѣроученія и правиламъ нравственности, такъ какъ они по существу своему не входятъ въ сферу права, и будемъ говорить только о канонахъ въ собственномъ смыслѣ, опредѣляющихъ устройство, управленіе и внѣшнюю дисциплину церкви. Два первые вопроса очевидно стоятъ въ такой тѣсной между собою связи, что рѣшеніе одного изъ нихъ должно заключать въ себѣ основанія для отвѣта на другой. По своему существу оба во-

---

собранія не могли быть окончены и подписаны, потому что противная партія произвела возмущеніе на соборѣ и даже взялась за оружіе. Потому по возстановленіи спокойствія, послѣ временнаго перерыва засѣданій, держано было второе собраніе, на которомъ утверждены были 17 каноновъ.

проса очевидно законодательные и, еслибы въ опредѣленіяхъ высшей законодательной власти церковной можно было указать твердое, точно и ясно выраженное рѣшеніе ихъ, тогда конечно не могли бы имѣть мѣста какія-либо сомнѣнія и колебаніе. Но такого рѣшенія мы не находимъ ни въ источникахъ дѣйствующаго у насъ церковнаго права, ни въ практикѣ жизни. Правда, въ существующемъ *уставѣ духовныхъ консисторій* (ст. 6) въ ряду основаній для церковнаго управленія и суда, между другими поставлены и «каноны или правила св. апостолъ, св. соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. отецъ», т.-е. вообще все содержащееся въ древнемъ канонѣ. Но какой авторитетъ усвояется ему въ ряду другихъ, въ той же статьѣ перечисляемыхъ основаній, каковы духовный регламентъ, высочайшіе указы, опредѣленія Синода и уставы гражданскіе—этого мы не видимъ ни изъ 6 статьи, ни изъ всего устава, такъ какъ въ различныхъ его опредѣленіяхъ нѣтъ ни одной ссылки на древніе каноны, какъ на основанія; не видно ни откуда, есть ли даже для цѣлаго учрежденія, опредѣляемаго уставомъ, какое-либо каноническое основаніе. Такимъ образомъ указаніемъ на канонъ, какъ на основаніе церковнаго управленія, въ томъ видѣ, какъ сдѣлано оно въ уставѣ консисторій, не разрѣшаются поставленные выше вопросы, а скорѣе возбуждается цѣлый рядъ другихъ вопросовъ: о степени примѣнимости древнихъ правилъ къ современнымъ церковнымъ потребностямъ и о томъ, насколько они дѣйствительно примѣнены въ дѣйствующемъ у насъ правѣ церкви. Что касается современной церковной практики, административной и судебной, то она въ рѣдкихъ случаяхъ обращается къ древнему канону, какъ къ источнику, а когда и обращается, то невозможно опредѣлить, какимъ постояннымъ принципомъ она руководится въ выборѣ и примѣненіи однихъ правилъ изъ древняго канона и въ отстраненіи другихъ. Дѣйствительнымъ основаніемъ для практики въ вопросахъ управленія и суда служатъ различные указы, опредѣленія Синода и гражданскіе уставы. Этотъ источникъ de facto оставляетъ

въ тѣни, такъ сказать, заслоняетъ собою древній церковный каноиъ, и только при возбужденіи какихъ-либо общихъ теоретическихъ вопросовъ въ литературѣ послѣдній вновь выдвигается на первый планъ, но при отсутствіи общихъ началъ для опредѣленія отношеній между источниками права и твердо установленныхъ правилъ юридической интерпретаціи, подаетъ поводъ къ различнымъ спорамъ и разногласіямъ [131]). За отсутствіемъ твердо и ясно выраженныхъ законодательныхъ опредѣленій по вышеуказаннымъ вопросамъ, очевидно имѣющимъ существенную важность для права, остается ограничиться соображеніемъ различныхъ мнѣній и основаній, высказываемыхъ въ видѣ личныхъ взглядовъ, и отсюда извлечь какія-либо данныя для опредѣлительнаго рѣшенія.

1. Въ нашей духовной литературѣ не разъ высказывалась мысль, будто сама церковь признаетъ всѣ вообще каноны

---

[131]) Едвали въ какой-либо другой сферѣ *положительнаго* права возможенъ такой просторъ для разногласій по самымъ, повидимому, главнымъ вопросамъ управленія, какъ въ области церковнаго права. Обыкновенно о правѣ церкви говорятъ какъ о самомъ твердомъ и точномъ въ своихъ основаніяхъ; но на дѣлѣ выходитъ противное. Первый, на практикѣ поднятый, вопросъ, для разрѣшенія котораго требуется опредѣленное и ясно сознанное общее начало, обыкновенно вызываетъ множество разногласій, указывающихъ на отсутствіе выработанныхъ началъ права, на общую неясность ихъ въ сознаніи. Напр. по поводу болгарской распри возникло нѣсколько церковно-юридическихъ вопросовъ: имѣетъ ли право одна церковь, доселѣ находившаяся въ административной зависимости отъ другой, на то, чтобы выдѣлиться въ особую, единую по вѣрѣ и обряду, но самостоятельную по управленію церковь? При распредѣленіи церквей по управленію и при его организаціи можетъ ли быть допущено по принципамъ каноническаго права вліяніе національностей, или оно противно канонамъ? Очевидно, эти и подобные имъ вопросы (напр. у насъ о раздѣленіи суда и администраціи въ епархіальномъ вѣдомствѣ) затрогиваютъ основные, первичные вопросы права, относительно которыхъ въ твердо поставленномъ законодательствѣ не должно бы имѣть мѣста разногласіе и сомнѣніе. А между тѣмъ сколько споровъ возбуждено было этими вопросами? И какая неясность въ самой постановкѣ ихъ! Эти явленія, по нашему мнѣнію, указываютъ на невыработанность и неопредѣленность самыхъ основныхъ положеній церковнаго права, на отсутствіе общихъ юридическихъ началъ въ немъ.

древнихъ соборовъ, безъ различенія ихъ содержанія и значенія, неотмѣняемыми и неизмѣнными, и мнѣніе, допускавшее различеніе между правилами по самому ихъ существу, объявлялось противнымъ взгляду церкви [139]). Съ этой точки зрѣнія различіе между основными источниками церковнаго права—Священнымъ Писаніемъ, апостольскими, соборными и отеческими правилами, составляющими церковный канонъ — допускается только относительно времени и способа ихъ происхожденія, но авторитетъ и значеніе ихъ всѣхъ въ церкви объявляется одинаковымъ [140]). Но такой взглядъ не имѣетъ для себя твердыхъ богословскихъ основаній, не согласенъ съ историческими указаніями и не можетъ быть допущенъ съ юридической точки зрѣнія.

а) Ни въ одной изъ символическихъ книгъ церкви, выражающихъ ея вѣроученіе, не находится сколько-нибудь яснаго указанія на то, чтобъ вѣра въ неизмѣнность церковныхъ опредѣленій была простираема и на всѣ каноническія и дисциплинарныя постановленія соборовъ и отцовъ, составляющія древній канонъ. Всѣ мѣста, обыкновенно приводимыя изъ этихъ книгъ, а равно и мнѣнія отцовъ о неизмѣнно истинномъ и непогрѣшимомъ авторитетѣ церкви вселенской [141]),

---

[139]) См. Хр. Чт. 1869 г. № 9, статья „о вселенскихъ соборахъ“ стр. 401. *Творенія Св. Отцовъ* 1871 г. кн. 2, стр. 259, 352. Въ послѣдней статьѣ гораздо рѣшительнѣе, нежели въ первой, мысль эта выражена въ такихъ словахъ: „каноны, содержащіеся въ книгѣ правилъ, неизмѣнны, авторитетъ ихъ неприкосновенъ, они всецѣло непоколебимы и эта непоколебимость должна быть изъясняема въ той же силѣ, какъ и непоколебимость Священнаго Писанія“.

[140]) См. русскій переводъ „Каноническаго права“ Шагуны, примѣч. къ 9 §, стр. 27. Впрочемъ и въ духовной литературѣ встрѣчаются мнѣнія другаго рода. Въ „Запискахъ по церковному законовѣдѣнію“ Скворцова, вселенскому собору, какъ представителю всей церкви, хотя усволяется непогрѣшимость въ догматическихъ и нравственныхъ опредѣленіяхъ, но замѣчено, что и въ этомъ отношеніи „важность сихъ соборовъ православная церковь не равняетъ по всему съ важностію Св. Писанія“ стр. 64.

[141]) Многія изъ такихъ мѣстъ, особенно важныя, приведены въ вышеуказанной статьѣ „о вселенскихъ соборахъ“ Хр. Чт. 1869 г. № 9.

относятся къ догматическимъ ея вѣроопредѣленіямъ, а не къ каноническимъ и дисциплинарнымъ [142]). Самое, повидимому, твердое основаніе для мнѣнія о неизмѣняемости и неотмѣняемости каноновъ, на которое всего чаще указываютъ его защитники, заключается въ выраженіяхъ втораго правила трулльскаго собора (692 г.), которымъ утвержденъ былъ составъ бывшаго до него канона. Вотъ эти выраженія: «прекраснымъ и весьма желательнымъ призналъ сей св. соборъ и то, чтобы отнынѣ тверды и нерушимы пребывали правила» (слѣдуетъ перечисленіе ихъ); «запечатлѣваемъ своимъ согласіемъ и всѣ прочія священныя правила» (перечисляются правила соборовъ и отцовъ); за симъ въ заключеніе правила: «и никому да не будетъ *позволено поддѣлывать* вышеозначенныя правила, или отвергать, или принимать другія правила, кромѣ предлежащихъ, съ ложными надписаніями составленныя какими то людьми, дерзнувшими торговать истиною. Если же кто обличенъ будетъ, что подновляетъ или старается извратить какое-нибудь правило изъ вышеупомянутыхъ, тотъ будетъ повиненъ понести епитимію противъ того правила, какую оно опредѣляетъ, и врачеваться тѣмъ, что нарушилъ» [143]). Въ этихъ

---

[142]) Впрочемъ изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ въ вышеуказанныхъ статьяхъ можно, повидимому, полагать, что и въ нихъ, несмотря на рѣшительный тонъ общаго положенія о неизмѣняемости правилъ, допускаются изъятія: такъ въ статьѣ „о вселенскихъ соборахъ“ на 401 стр. говорится, что церковь на соборахъ признала неотмѣняемыми всѣ вообще правила безъ раздѣленія ихъ на важныя и неважныя (VI, 1, 2); а на стр. 394 читаемъ, что „свойства истины, несомнѣнности и обязательности усвояются только опредѣленіямъ всей церкви, относящимся къ догматамъ вѣры, или касающимся существенныхъ сторонъ управленія и благоустройства церкви.“

[143]) Считаемъ нужнымъ привести и греческій текстъ съ латинскимъ переводомъ для того, чтобы правильно понимать смыслъ и значеніе правила, ибо славянскій переводъ въ „книгѣ правилъ“ не вполнѣ точенъ и можетъ дать другую мысль, которой не имѣлъ въ виду соборъ: καὶ μηδενὶ ἐξεῖναι τοὺς προδηλωθέντας παραχαράττειν (поддѣлывать) κανόνας, ἢ ἀθετεῖν (отвергать), ἢ ἑτέρους παρὰ τοὺς προκειμένους, παραδέχεσθαι κανόνας ψευδεπιγράφως ὑπό τινων συντεθέντας τῶν τὴν ἀλήθειαν καπηλεύειν ἐπιχειρησάντων. Et nulli licere prius declaratos canones adulterare, vel abolere, vel alios praeter prius hic propositos canones admittere, a quibusdam falsa adjecta inscriptione compositos, qui veritatem cauponari conati sunt. Pitra, t. II, pag. 23.

словахъ, правильно понятыхъ, совсѣмъ и рѣчи нѣтъ объ отмѣненіи или измѣненіи каноновъ, какъ актѣ законодательной церковной власти (о чемъ разсуждаемъ мы); начальными словами правила соборъ утверждаетъ церковный канонъ въ томъ составѣ, какъ образовался онъ къ концу VII стол., и запечатлѣваетъ своимъ согласіемъ перечисленные имъ по именамъ соборы и правила отцевъ. Въ заключительныхъ словахъ запрещается всякая поддѣлка, подлогъ въ утвержденномъ канонѣ, подмѣна однихъ правилъ, признанныхъ церковію, другими, съ ложными надписями, составленными людьми недобросовѣстными. Запрещеніе со стороны собора всѣхъ подобныхъ дѣйствій было необходимо при первомъ, въ точныхъ формахъ сдѣланномъ законодательною властію, утвержденіи состава канона и относится къ людямъ неблагонамѣреннымъ и недобросовѣстнымъ, а не къ дѣйствіямъ законной въ церкви власти.—Если мы сравнимъ эти выраженія втораго правила съ другими изъ перваго правила, гдѣ дѣйствительно идетъ рѣчь о неотмѣняемости и неизмѣняемости догматическихъ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, тогда будетъ вполнѣ ясно различіе, какое сами соборы полагали между тѣми и другими. Въ краткихъ словахъ повторяя истины вѣры, опредѣленныя и изъясненныя въ символахъ и догматахъ шести вселенскихъ соборовъ, трулльскій соборъ въ заключеніе правила перваго постановляетъ, чтобы сохранялась твердо *и пребывала непоколебимо до скончанія вѣка* вѣра всѣхъ мужей, которые служили украшеніемъ въ церкви Божіей... ибо мы разсудили окончательно *ничего не прибавлять, ни убавлять* противъ опредѣленнаго прежде, еслибы мы даже и могли какимъ бы то ни было образомъ.» Тоже великое различіе—и въ наказаніяхъ, полагаемыхъ соборомъ за нарушеніе того и другаго правила. Во второмъ правилѣ, какъ мы видѣли, обличенный въ томъ, что подновляетъ или старается извратить какое либо изъ поименованныхъ соборомъ правилъ, объявляется повиннымъ понести епитимію, положенную въ томъ правилѣ, которое онъ извратилъ, или подмѣнилъ. Въ первомъ правилѣ чи-

таемъ: «если же кто нибудь не содержитъ и не принимаетъ упомянутыхъ выше догматовъ благочестія, и не мыслитъ, и не проповѣдуетъ такъ, но старается идти противъ нихъ, тотъ да будетъ анаѳема... «да будетъ исключенъ и изверженъ изъ списка христіанъ какъ чужой». Итакъ во 2 правилѣ трулльскаго вселенскаго собора нѣтъ и слѣда какой либо мысли о неизмѣняемости, непоколебимости каноническихъ и дисциплинарныхъ постановленій церковнаго канона, тѣмъ болѣе нѣтъ мысли, будто непоколебимость эта должна быть изъясняема въ томъ же смыслѣ, какъ непоколебимость Св. Писанія; напротивъ,.соборъ не уравниваетъ даже по важности для христіанъ каноническихъ постановленій прежнихъ соборовъ съ догматическими вѣроопредѣленіями ихъ. Прямой смыслъ вышеприведенныхъ словъ правила тотъ, что всякому христіанину, каково бы ни было его личное положеніе въ церкви, запрещается произвольно, по одному личному усмотрѣнію, измѣнять, извращать, подмѣнивать или дѣлать подлоги въ правилахъ. О дѣятельности же законодательной церковной власти и о ея правахъ на развитіе и измѣненіе прежнихъ законовъ не говорится въ правилѣ ни слова [144]). Тотъ же самый смыслъ

---

[144]) Такъ понимаетъ запретительныя выраженія втораго правила собора трулльскаго и преосв. Іоаннъ въ своемъ толкованіи на нихъ. Приведемъ изъ него нѣкоторыя сюда относящіяся мѣста. „Такимъ запрещеніемъ, говоритъ онъ, очевидно не исключается 1) необходимость изданія новыхъ правилъ, по нуждамъ церкви, какъ это видимъ на самомъ трулльскомъ соборѣ.... 2) возможность измѣненія нѣкоторыхъ прежнихъ правилъ—частныхъ, или примѣненія общихъ къ другимъ временамъ и нуждамъ церкви, какъ показалъ тотъ же соборъ, измѣнивъ частныя постановленія прежнихъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, имъ же самимъ утвержденныхъ, или примѣнивъ общія правила къ нуждамъ другихъ временъ; 3) но собственное его опредѣленіе о томъ, чтобы не измѣнять древнихъ правилъ, воспрещаетъ измѣненіе ихъ въ *самыхъ основаніяхъ и сущности*, измѣненіе вопреки общимъ законамъ и духу православной церкви, измѣненіе по произволу мнѣній и страстей человѣческихъ, дерзающихъ, какъ выражается соборъ, корчемствовать истиною, *притомъ соборъ очевидно имѣетъ въ виду частныхъ лицъ, или отдѣльныхъ властей*, посягающихъ на превращеніе установленныхъ правилъ; ибо въ наказаніе за то опредѣляетъ нести тѣ самыя епитиміи, которыя полагаются за преступленія въ правилахъ, ими превращенныхъ. *Но соборъ ни-*

долженъ быть усвоенъ—и инаго усвоить нельзя—и первому правилу VII вселенскаго собора, который, не имѣя побужденій входить въ подробный перечень каноническихъ и догматическихъ опредѣленій прежде бывшихъ соборовъ и отцевъ, и полагать различіе между тѣми и другими, повторилъ только въ общихъ выраженіяхъ то, что въ болѣе раздѣльной и ясной формѣ постановилъ касательно состава и авторитета древняго канона соборъ трулльскій. Вообще изъ смысла соборныхъ выраженій видно, что древній канонъ признается и утверждается, какъ обязательный законъ въ отношеніи ко всѣмъ и каждому въ частности члену церкви: никто изъ нихъ не имѣетъ права по своему произволу извращать его, замѣнять другимъ или вносить то, что въ него не принято. Но эта неизмѣняемость не простирается на дѣйствія законодательной власти самой церкви—установившей, утвердившей канонъ и своимъ признаніемъ давшей ему авторитетъ. Ей несомнѣнно принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать право измѣнять и отмѣнять, законнымъ порядкомъ, въ своихъ прежнихъ правилахъ то, что она найдетъ требующимъ измѣненія. Это право въ своихъ законныхъ формахъ, неразрывно связано съ существомъ законодательной власти, присущей церкви и, признавъ надъ нею, *выше ея* неизмѣнный и непоколебимый авторитетъ правилъ, содержащихся въ древнемъ канонѣ, пришлось бы самую церковь—создательницу этого канона—при-

---

чего не говоритъ о церкви—всей вообще, которая съ неизмѣнными принадлежащими ей правами дѣйствуетъ въ усовершеніи своего благоустройства, опредѣляетъ дѣйствіе прежнихъ правилъ въ приложеніи къ жизни христіанскаго общества разныхъ мѣстъ и временъ, и восполняетъ ихъ новыми. Такимъ образомъ постановленіе собора не исключаетъ и права помѣстныхъ православныхъ церквей имѣть, кромѣ общихъ древнихъ, свои мѣстныя правила, порядки и обычаи въ своемъ устройствѣ и управленіи, только бы они были согласны въ духѣ и основаніяхъ своихъ *съ древними и коренными началами* церковнаго законоположенія. „Богоносные отцы наши, замѣчаетъ тотъ же соборъ въ одномъ изъ своихъ правилъ, разсуждали, да будутъ соблюдаемы обычаи каждыя церкви“ (пр. 39). Курсъ Церков. Закон. Т. II 343. 344.

знать ниже ея творенія, навсегда подчинить ему, а ея жизнь съ измѣняющимися потребностями на вѣки заключить въ однѣ неподвижныя формы. Что въ канонѣ можетъ подлежать измѣненію и что нѣтъ—рѣшеніе этого вопроса въ каждое время принадлежитъ также церковно-законодательной власти [145]).

б) Не проповѣдуя и не устанавливая въ принципѣ неотмѣняемости своихъ каноническихъ постановленій, соборы не слѣдовали ей и въ практикѣ. Развивая одинъ вслѣдъ за другимъ церковное законодательство, сообразно потребностямъ времени, соборы или сверхъ прежде установленныхъ правилъ издаютъ отъ себя много другихъ, новыхъ (особенно напр. соборъ трулльскій), или измѣняютъ прежнія правила соборовъ вселенскихъ (ср. III, 8 съ IV, 28 Ап. 5. Карѳ. 3. 51. 34.) и помѣстныхъ (ср. Неок. 7. съ VI, 16. Карѳ. 50 съ VI, 29) или отмѣняютъ (апост. 5. 51 ср. VI, 12. Анк. 10, VI, 6, VI, 40), установляя на ихъ мѣсто новыя. Епископы африканской области постоянно слѣдуютъ тому же правилу, пересматривая правила прежде бывшихъ соборовъ своей церкви (см. Карѳ. 43)—утверждаютъ одни и выключаютъ другія, такъ что въ общее собраніе правилъ церкви вошли далеко не всѣ постановленія карѳагенскихъ

---

[145]) Ссылаются также въ подтвержденіе неотмѣняемости канона на чинъ принятія въ церковь иновѣрцевъ, въ которомъ отъ каждаго вступающаго въ число членовъ церкви требуется вѣра въ постановленія соборовъ,—на поученіе святительское къ новопоставленному іерею, гдѣ ему заповѣдуется послѣдовать церковнымъ правиламъ, и на обѣщаніе епископское, произносимое предъ хиротоніею, въ которомъ онъ обязывается предъ церковію, подъ страхомъ лишенія сана, хранить крѣпцѣ и нерушимѣ всѣ каноны и святые уставы. Но всѣ эти предписанія, требованія и обязательства имѣютъ отношеніе къ отдѣльнымъ членамъ церкви, связываютъ ихъ волю, но не самую церковь и ея законодательную власть. Въ этомъ отношеніи они правильно могутъ быть сопоставлены съ требованіями, обязательствами и присягами, которыя налагаетъ всякое государство на своихъ подданныхъ и служащихъ ему. Обѣщаніе епископа въ его положеніи имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ присяга гражданскаго начальника въ неуклонномъ исполненіи законовъ государства, которому онъ служитъ Обѣщаніе епископское столько же доказываетъ неизмѣнность и неотмѣнимость церковныхъ правилъ, сколько присяга гражданскаго начальника—неизмѣнность законовъ государственныхъ.

областныхъ соборовъ. Вообще исторія происхожденія, постепеннаго развитія и образованія древняго канона въ цѣломъ составѣ служитъ наилучшимъ доказательствомъ постояннаго развитія церковнаго законодательства и жизни, и того, какъ власть церковная спѣшила на встрѣчу различнымъ потребностямъ и доступными ей средствами старалась удовлетворить имъ.

в) Не смотрѣла на каноны, какъ на неизмѣнные и неотмѣняемые и современная соборамъ государственная власть, но точно также всегда отличала ихъ отъ догматическихъ опредѣленій тѣхъ же соборовъ. Въ кодексѣ и новеллахъ императора Юстиніана каноны соборовъ уравниваются, по своему значенію и силѣ, съ государственными законами; слѣдов. имъ приписывается обязательность въ томъ же смыслѣ и въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и всякому положительному закону [146]). Въ этомъ отношеніи они различаются отъ догматическихъ опредѣленій, которыя уравниваются съ Св. Писаніемъ: Quatuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas (на измѣненіе которыхъ не простирается никакая власть) accipimus et regulas sicut leges observamus (Nov. 131) и какъ правила чистой и правой вѣры признаются не терпящими никакой новизны (recta fides... nullomodo innovationem recipiat) и неприкосновенными (cod. L 1. til 1). Напротивъ каноны соборовъ, уравниваясь съ законами государства, поставляются подъ общее дѣйствіе законовъ историческаго развитія.

Итакъ мнѣніе о неотмѣняемости и неизмѣняемости канона не можетъ быть признано за церковное, выражающее собою взглядъ и пониманіе самой церкви. Какъ частное мнѣніе оно не можетъ быть усвоено, потому что не имѣетъ основаній, ни каноническихъ, ни историческихъ и въ своихъ крайнихъ ре-

---

[146]) Sacros canones non minus, quam leges, valere etiam nostrae leges volunt. Cod. L. 1. tit. 3. cap. 35. A praecedentibus nos imperatoribus et a nobis ipsis recte dictum est, oportere sanctas regulas pro legibus valere. Nov. 6. cap. 1. § 8).

зультатахъ должно привести къ отрицанію существенныхъ правъ церкви на развитіе своего законодательства по устройству и управленію церковной жизни [147]).

II. Нельзя также разсматривать древній церковный канонъ въ цѣломъ его составѣ, какъ сводъ дѣйствующаго въ настоящее время права церкви, какъ собраніе законовъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится напр. о сводѣ гражданскихъ законовъ, уложеніи о наказаніяхъ, или уставѣ консисторій, какъ дѣйствующемъ правѣ т. е. въ смыслѣ прямой практической примѣнимости. Значительная часть древнихъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и отцевъ не дѣйствуетъ въ современной намъ церкви, или видоизмѣнены до такой степени, что утратили свой первоначальный смыслъ и значеніе (Ап. 37. 34. Ник. 5. VI. 8. 11. Ант. 9. 19. и др.). Произошло это не вслѣдствіе злоупотребленій или произвола исполнителей закона, а въ большинствѣ случаевъ потому, что самыя правила сдѣлались фактически неприложимыми, такъ какъ церковные порядки жизни и отношенія, изъ которыхъ они

---

[147]) Признаніе за церковію всѣхъ временъ права на измѣненіе и отмѣну своихъ каноническихъ и дисциплинарныхъ постановленій нисколько не противорѣчитъ церковному вѣрованію въ богопросвѣщенность мужей, законодательствовавшихъ на вселенскихъ соборахъ. 1) Это качество или свойство, по вѣрованію церкви, присуще ей во всѣ времена и не есть исключительная принадлежность того одного времени, когда составлялся канонъ. Слѣд. при благодатномъ содѣйствіи того же Духа Божія церковь можетъ измѣнять въ одно время, что постановила въ другое. Самъ Духъ Божій во внѣшнихъ формахъ своего дѣйствованія въ церкви приспособляется къ ея обстоятельствамъ. Истины вѣры и нравственности, разъ данныя въ Откровеніи, абсолютны и всегда одни и тѣже; каноны какъ правила внѣшней жизни измѣняются съ самою жизнію. 2) Съ такимъ вѣрованіемъ могло бы казаться несовмѣстнымъ, еслибы каноны измѣнялись потому, что они ложны, что въ основаніи ихъ лежитъ заблужденіе или искаженіе истины. Но они измѣняются не по этимъ причинамъ, а просто вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ и жизненныхъ потребностей. 3) Такъ какъ вѣрованіе церкви въ свою непогрѣшимость ограничивается догматическими опредѣленіями, то нѣкоторые примѣры отмѣненія частныхъ соборныхъ правилъ, составленныхъ по ошибкѣ и недоразумѣнію, намъ извѣстные изъ самого канона (Неок. 15. ср. VI, 16), не могутъ служить къ его ослабленію.

возникли и которыя устанавливали, не существуютъ болѣе въ дѣйствительности и замѣнились другими. Такова напр. древняя покаянная (пенитенціарная) дисциплина, таковы многія изъ правилъ о церковныхъ наказаніяхъ за различныя преступленія, о личныхъ отношеніяхъ христіанъ къ еретикамъ, раскольникамъ, іудеямъ (VI, 11) или иновѣрцамъ. Различныя учрежденія, имѣвшія мѣсто въ древней церкви, и твердо узаконенныя ея канонами—учрежденія вполнѣ соотвѣтствующія духу и основнымъ принципамъ церковно-каноническаго устройства и управленія—напр. ежегодные соборы въ областяхъ, областная система церковнаго управленія, порядокъ избранія и утвержденія епископовъ, судопроизводство и порядокъ судебныхъ инстанцій и т. д., въ современной церкви не существуютъ, посему и правила къ нимъ относящіяся остаются безъ силы и значенія [148]). Нѣкоторыя правила, очевидно, носятъ на себѣ слѣды тѣхъ временныхъ обстоятельствъ церковной жизни, которыми они вызваны, въ которыхъ предназначены были дѣйствовать и внѣ которыхъ не могутъ имѣть приложенія (Ант. 11. 14. Неок. 7. 11. 13. 15. Гангр. 7. 8. Карѳ. 12. 29). Cessante ratione legis, cessat lex ipsa. Всякій законъ утрачиваетъ свою юридическую обязательность, какъ скоро, вслѣдствіе радикально измѣнившихся жизненныхъ порядковъ и отношеній, становится невозможнымъ его приложеніе. По всѣмъ этимъ соображеніямъ древній церковный канонъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ сводъ дѣйствующихъ законовъ церкви, и принятіе его въ этомъ смыслѣ должно было бы поставить изслѣдователя современнаго церковнаго права въ неразрѣшимыя противорѣчія, а законодателя прину-

---

[148]) Мы не можемъ перечислить здѣсь всѣхъ каноновъ, примѣненіе которыхъ силою обстоятельствъ, или другими причинами, выведено изъ практики. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ прочитать *книгу правилъ*, самъ убѣдится въ ихъ многочисленности. Вся первая часть нашей системы будетъ служить доказательствомъ великой перемѣны въ церковныхъ учрежденіяхъ древности при сравненіи ихъ съ современнымъ строемъ жизни.

дить къ преобразованію всего строя церковной жизни нашего времени, къ возстановленію прежнихъ условій и формъ жизни, чтобы сдѣлать возможнымъ примѣненіе къ нимъ древнихъ законовъ.

Ш. Для правильнаго опредѣленія авторитета древняго канона въ ряду другихъ источниковъ церковнаго права и его отношеній къ дѣйствующему законодательству, по нашему мнѣнію, должны служить слѣдующія соображенія: 1) Истинный духъ христіанской церкви, какъ общественнаго религіознаго союза, возвышенное и правильное пониманіе *коренныхъ основаній* ея устройства, *высшихъ началъ* ея управленія и жизни не выразились ни въ одномъ изъ послѣдующихъ церковныхъ законодательствъ съ такою ясностію и полнотою, какъ въ древнемъ церковномъ канонѣ. Между прочими причинами этому благопріятствовала и цѣлость церкви, нераздѣльное единство ея жизни въ періодъ вселенскихъ соборовъ, и особенная живость и возбужденность религіозныхъ и церковно-общественныхъ интересовъ. Правда, полнаго и единодушнаго признанія канона во всѣхъ его частяхъ мы не встрѣчаемъ и въ самую эпоху его составленія, не видимъ его и теперь (см. выше). Нельзя также сказать, чтобы всѣ начала церковнаго управленія были въ немъ исчерпаны, или развиты съ такою полнотою, что бы послѣдующая жизнь не могла выработать новыхъ, неизвѣстныхъ канону принциповъ и потребовать ихъ примѣненія. При жизни въ совершенно новыхъ условіяхъ въ церкви могутъ развиться новыя начала для новыхъ учрежденій, неизвѣстныхъ древнему канону. Несмотря на то, онъ гораздо болѣе, чѣмъ какое либо послѣдующее церковное законодательство, можетъ быть признанъ за выраженіе общаго голоса и разума церкви, по существеннѣйшимъ вопросамъ ея внутренняго устройства и управленія. Съ этой точки зрѣнія канонъ есть драгоцѣнное созданіе и памятникъ великаго не повторявшагося въ церкви времени, и для послѣдующихъ временъ былъ и долженъ остаться высокимъ образцомъ и лучшимъ источникомъ, изъ котораго

можно уразумѣть духъ церковнаго управленія и извлекать руководящія начала для законодательства. Церковное законодательство послѣдующихъ временъ никакъ не можетъ похвалиться, чтобы оно въ сравненіи съ древнимъ канономъ ушло далеко въ развитіи и даже пониманіи основныхъ началъ церковнаго устройства и управленія, напротивъ и теперь нельзя не признать, что многіе принципы древняго канона, положенные въ древнее каноническое устройство и управленіе церкви, глубже обдуманы и ближе соображены съ высшими, идеальными цѣлями церковнаго союза, нежели многія изъ позднѣйшихъ церковныхъ законодательствъ; поэтому и съ точки зрѣнія современной намъ церковной жизни приходится многаго пожелать отъ законодательства для выполненія и осуществленія каноническихъ началъ въ церковныхъ учрежденіяхъ. Развитіе этихъ началъ, примѣненіе и соображеніе ихъ съ потребностями и положеніемъ церкви каждаго времени, разработка ихъ въ опредѣленныхъ законодательныхъ нормахъ есть существенная и никогда не прекращавшаяся задача церковнаго законодательства. Съ точки зрѣнія подобнаго отношенія къ древнему церковному канону становится возможнымъ и понятнымъ высокое, живое и негибнущее его значеніе для церковной жизни всякаго времени, и получаетъ глубокій смыслъ то великое уваженіе, какимъ церковь православная окружала и окружаетъ этотъ памятникъ своей законодательной дѣятельности и, не творя изъ него идола для неразумнаго поклоненія, требуетъ отъ своихъ членовъ благоговѣйнаго уваженія къ нему, а отъ своихъ служителей внимательнаго изученія, проникновенія его духомъ и нравственными свойствами. 2) Въ содержаніи древняго канона необходимо различать общія основныя правила, выражающія собою коренныя начала церковнаго устройства и духъ управленія, отъ тѣхъ, которыя относятся къ внѣшнимъ историческимъ его формамъ, къ временнымъ условіямъ и потребностямъ жизни, нужно отдѣлять духъ закона отъ формы, каноническія идеи—отъ всѣхъ частныхъ правилъ и учрежденій. Мнѣніе о неизмѣнности канона, уничтожая та-

кое различіе, должно было бы осудить законодательную власть церкви на невыполнимую и невозможную работу; законодательство не можетъ создавать самую жизнь, оно направляетъ только и регулируетъ ее. Практическимъ послѣдствіемъ усвоенія такой теоріи было бы или бездѣйствіе законодательной власти въ виду непоколебимаго, неизмѣннаго и въ тоже время во многихъ частяхъ и формахъ непримѣнимаго канона, или же, такъ какъ подобное бездѣйствіе невозможно практически, пришлось бы подъ прикрытіемъ канона. на словахъ постоянно выражая глубокое уваженіе къ нему, въ тоже время постоянно отступать отъ него въ законодательствѣ и практикѣ, создавать законодательство безъ принциповъ и практику жизни отдавать въ руки произвола и личнаго усмотрѣнія. Въ обоихъ случаяхъ древній канонъ, сколько бы ни возвышали на словахъ его значеніе, остался бы сокровищемъ, скрытымъ, по слову Евангелія, на селѣ, котораго не знаетъ и которымъ не пользуется его владѣтель. Напротивъ, при различеніи двухъ элементовъ въ канонѣ, при выдѣленіи идей изъ формъ, задача законодательства будетъ заключаться въ томъ, чтобы глубже и правильнѣе понять основныя, всегда и всюду примѣнимыя начала его, разрабатывать ихъ въ опредѣленныхъ постановленіяхъ положительнаго права, полагать ихъ въ основаніе церковныхъ учрежденій, вызываемыхъ новыми потребностями жизни, извлекать изъ нихъ, какъ изъ высшихъ принциповъ, новыя начала для новыхъ возникающихъ въ жизни отношеній. Что касается до внѣшнихъ историческихъ формъ и учрежденій древней жизни, опредѣляемыхъ въ канонѣ, то они не могутъ связывать дѣятельности законодательной власти церкви, какъ скоро она найдетъ ихъ непримѣнимыми, подлежащими измѣненію и приспособленію къ другимъ потребностямъ. Не въ нихъ заключается существо канона, не отъ нихъ зависитъ цѣлость церкви, вѣрность ея самой себѣ и тѣмъ высшимъ цѣлямъ, для которыхъ она основана и существуетъ. Только то, что противорѣчило бы этимъ цѣлямъ, затрудняло бы выполненіе ихъ и

такимъ образомъ искажало бы самое существо церкви, только такія явленія въ историческомъ развитіи ея законодательства были бы отклоненіемъ отъ коренныхъ началъ, на которыя оно неуклонно должно опираться во внѣшнемъ устройствѣ и управленіи церковномъ.

По этимъ соображеніямъ значеніе древняго канона въ ряду источниковъ церковнаго права и отношеніе къ нему дѣйствующаго законодательства, опредѣляется такимъ образомъ: церковному канону принадлежитъ первостепенное значеніе въ ряду другихъ источниковъ права, но не въ смыслѣ неприкосновеннаго, непоколебимаго и неизмѣннаго авторитета, который подавлялъ бы собою дальнѣйшее развитіе церковнаго законодательства, отрицалъ бы возможность развитія новыхъ началъ и формъ церковно-общественной жизни и отношеній, не въ смыслѣ также свода дѣйствующихъ въ настоящее время законовъ, но какъ источнику основныхъ, коренныхъ началъ, которыя должны быть извлекаемы изъ него законодательною церковною властію, развиваемы и разработываемы въ опредѣленныхъ постановленіяхъ, примѣнительно къ новымъ церковнымъ отношеніямъ. Такое значеніе конечно не можетъ быть усвоено историческимъ внѣшнимъ формамъ и учрежденіямъ, установленнымъ въ канонѣ, потому что неизмѣнность формъ возможна лишь при тождествѣ жизненныхъ отношеній; потому мы и видимъ въ дѣйствительности, что многія изъ такихъ формъ вышли изъ практики и обратились въ достояніе исторіи права. Подъ давленіемъ времени и исторіи не устояли, какъ мы увидимъ при изложеніи догмы права, нѣкоторыя даже изъ важнѣйшихъ принципіальныхъ учрежденій церковно-правительственнаго устройства, установленныхъ въ канонѣ, напр. соборное начало съ основанными на немъ учрежденіями, и видоизмѣнены весьма значительно въ современномъ правѣ. Но за внѣшними формами и учрежденіями сокрытъ духъ древняго церковнаго законодательства, основные принципы, которые, мѣняя формы, не должны умирать и могутъ облекаться и воплощаться въ

новыхъ, даже болѣе широкихъ и совершенныхъ учрежденіяхъ. Эта важная работа принадлежитъ высшей церковной власти; почему за нею въ каждое время сохраняется право вновь вызывать къ жизни забытое, возстановлять искаженное временемъ, примѣнять то, что можетъ быть приспособлено, отмѣнять то, что фактически не приспособимо, и изъ древнихъ началъ развивать новыя, соотвѣтственныя времени учрежденія. Ей также принадлежитъ право опредѣлять для каждаго времени неизмѣнное и обязательное въ древнемъ канонѣ и то, что въ немъ можетъ подлежать измѣненію. Въ какихъ формахъ должна происходить эта работа законодательной власти церкви—объ этомъ должна быть рѣчь въ системѣ права.

Изъ сказаннаго выше нетрудно видѣть, въ какихъ отношеніяхъ должна стоять къ древнему церковному канону наука церковнаго права, и какія важнѣйшія задачи лежатъ на ней въ отношеніи къ этому источнику. Онъ первый долженъ сдѣлаться главнымъ предметомъ научной разработки, помощію тѣхъ пріемовъ, какіе усвоены, какъ правильные, современною наукою при изученіи древнихъ источниковъ права. Въ этомъ отношеніи наука церковнаго права не должна отставать отъ другихъ юридическихъ наукъ, ибо всякое отчужденіе отъ общихъ пріемовъ, кромѣ того, что не оправдывается никакими уважительными основаніями, всегда сопровождается ущербомъ для самой науки и лишаетъ ее жизни и значенія. Какъ историческое явленіе, канонъ можетъ быть изучаемъ только въ самой тѣсной связи съ древнею исторіею и практикою жизни церковной. Для того, чтобы правильно понимать отдѣльныя правила канона, нужно близко входить въ современныя ему жизненныя отношенія, изъ которыхъ они вышли; какъ общая, отвлеченная схема, многія правила представляются мало понятными (напр. VI. 98. Ап. 45. 46. Гангр. 7. 8. Апк. II, и т. п.) и безъ соображенія фактическихъ отношеній времени легко могутъ быть перетолкованы, произвольно расширены и поняты невѣрно (напр. Ап. 41. 64. Неок. 7. Лаод. 13 и т. п.). Общія правила юридической интерпретаціи закона съ пользою

могутъ быть прилагаемы и въ отношеніи къ канону. Главная и высшая цѣль научнаго изученія канона должна заключаться въ томъ, чтобы уразумѣть духъ и основные принципы древняго церковнаго законодательства, отъ древнихъ церковныхъ учрежденій и историческихъ формъ жизни, часто временныхъ и случайныхъ, отвлечь коренныя начала, на которыхъ онѣ создавались и выраженіемъ которыхъ должны были служить, возсоздать по древнимъ формамъ древнее пониманіе и духъ жизни церковной. Задача конечно гораздо болѣе трудная, нежели одна внѣшняя группировка правилъ подъ извѣстныя рубрики, но только при стремленіи къ ней наука сохраняетъ свое значеніе и можетъ содѣйствовать развитію церковнаго законодательства.

Историческія источники.

Такъ называются тѣ памятники церковнаго законодательства и права, которые не вошедши въ древній канонъ, служили развитіемъ, дополненіемъ и примѣненіемъ его къ разновременнымъ обстоятельствамъ церковной жизни, и въ свое время болѣе или менѣе содѣйствовали правильной организаціи частнѣйшихъ сторонъ ея. Одни изъ нихъ по своей формѣ имѣли законодательный характеръ, исходя отъ высшей церковной или государственной власти въ видѣ постановленій; другіе являлись въ формѣ частныхъ мнѣній, высказанныхъ авторитетными въ церкви лицами по поводу различныхъ случаевъ въ церковной практикѣ; наконецъ третьи выходили въ формѣ ученыхъ трудовъ древнихъ законовѣдовъ по систематикѣ и экзегетикѣ современнаго имъ церковнаго права и, по своему внутреннему значенію, пріобрѣтали въ свое время широкое практическое употребленіе. Въ настоящее время всѣ они принадлежатъ исторіи права, но и для догмы его продолжаютъ сохранять важное значеніе какъ дополненіе къ каноническимъ источникамъ, какъ свидѣтельства пониманія и интерпретаціи основныхъ началъ церковнаго права и управленія въ различныя времена церковной жизни, какъ матеріалъ для исторіи

развитія церковнаго права и постепеннаго образованія церковнаго законодательства и наконецъ какъ пособіе къ толкованію древняго канона. Научное значеніе этихъ источниковъ и необходимость спеціальной разработки ихъ содержанія возрастаетъ по мѣрѣ развитія науки церковнаго права; потому нельзя не пожалѣть, что большая часть ихъ у насъ остаются неизданными и для неспеціалистовъ недоступными.

Къ этому разряду источниковъ относятся:

I. Историческія свидѣтельства, разсѣянныя въ сочиненіяхъ отцевъ и писателей церковныхъ о древней церковной жизни, правилахъ и обычаяхъ, въ ней господствовавшихъ и примѣнявшихся въ практикѣ; сюда въ особенности слѣдуетъ отнести дѣянія вселенскихъ соборовъ [149].

II. Опредѣленія разномѣстныхъ соборовъ, невошедшія въ канонъ. Послѣ раздѣленія церквей повременные а потомъ постоянные синоды при константинопольскихъ патріархахъ становятся обычнымъ органомъ законодательной дѣятельности церковной власти на востокѣ. Различныя синодальныя постановленія по каноническимъ вопросамъ составляютъ главные элементы церковнаго права въ восточной половинѣ церкви послѣ эпохи вселенскихъ соборовъ. Къ нимъ присоединяются посланія, отвѣты и мнѣнія по частнымъ вопросамъ различныхъ патріарховъ, (особенно константинопольскаго) митрополитовъ и епископовъ [150]).

---

[149]) Сочиненія мужей апостольскихъ, Іустина Философа, св. Иринея см. въ русскомъ переводѣ свящ. П. Преображенскаго. Нѣкоторыя изъ сочиненій Тертулліана см. въ перев. Е. Карнеева 1847 г. Дѣянія вселенскихъ соборовъ переведены въ Журн. Казанской Духовной Академіи „Православный Собесѣдникъ“. Нѣкоторыя изъ сочиненій св. Кипріана и Бесѣды Златоуста переведены въ „Христіанскомъ Чтеніи“.

[150]) См. списокъ такихъ сентенцій, отвѣтовъ и посланій у Mortreuil Droit Bysantine T. III. 383—397. О каноническихъ опредѣленіяхъ восточной церкви послѣ собора 879 г. Мортрейль замѣчаетъ, что они никогда не были приведены и собраны въ правильномъ порядкѣ и сохраняются разсѣянными въ различныхъ юридическихъ сборникахъ греческой церкви. Одинъ изъ такихъ сборниковъ съ греческимъ подлинникомъ изданъ въ 1872 г. г. Павловымъ „Номоканонъ при Большомъ требникѣ“.

III. Постановленія византійскихъ императоровъ относительно церкви, составлявшія въ свое время одно цѣлое съ церковнымъ законодательствомъ—Номоканонъ, перешедшій вмѣстѣ съ христіанствомъ въ другія христіанскія церкви, основанныя при посредствѣ Византіи. Государственныя постановленія въ томъ видѣ, какъ они были изданы со временъ Константина до 438 г., содержатся въ такъ-называемомъ кодексѣ Ѳеодосіевомъ; здѣсь помѣщена большая часть узаконеній по дѣламъ церковнымъ, изданныхъ преемниками Константина. Законы расположены въ немъ по предметамъ съ соблюденіемъ хронологической послѣдовательности; но при этомъ изъ прежнихъ узаконеній дѣйствовавшія при Ѳеодосіи II, не отличены отъ недѣйствовавшихъ, такъ что употребленіе Ѳеодосіева кодекса уже въ его время не могло быть вполнѣ удобно. Почти чрезъ сто лѣтъ Юстиніанъ приказалъ изъ прежнихъ собраній законовъ, потомъ изъ постановленій не вошедшихъ въ прежній кодексъ и изъ собственныхъ законовъ сдѣлать новое полное собраніе Codex Iustinianeus,—раздѣленный на 12 книгъ. Изъ нихъ первая книга въ 13 титулахъ содержитъ узаконенія по разнымъ предметамъ церковнаго управленія [151]). И послѣ изданія кодекса Юстиніанъ продолжалъ дополнять церковное законодательство новыми статьями, которымъ усвоено названіе новеллъ (novellae constitutiones). Изъ 165 такихъ новеллъ, изданныхъ въ 535 г., нѣкоторыя прямо относятся къ дѣламъ церковнымъ [152]).

---

[151]) Порядокъ титуловъ слѣдующій: 1) о вѣроисповѣданіи (de summa trinitate et fide catholica) 2) о церквахъ и св. вещахъ и ихъ привиллегіяхъ (de sacrosanctis Ecclesiis et de rebus et privilegiis earum); 3) о епископахъ и клирикахъ, ихъ правахъ; 4) о епископскомъ судѣ (de episcopali audientia) 5) о еретикахъ 6) о неповтореніи крещенія (ne sanctum baptisma iteretur), 7) объ отступникахъ (de apostatis) 8) о крестномъ знаменіи (nemini licere signum Christi humi, vel in silice etc. sculpere aut pingere) 9) объ Іудеяхъ; 10) о недозволеніи имѣть въ рабствѣ христіанъ іудеямъ, еретикамъ и язычникамъ; 11) о язычникахъ и ихъ храмахъ, 12) о прибѣгающихъ къ церкви (de his, qui ad Ecclesiam confugiunt); 13) о рабахъ, отпускаемыхъ въ церкви на волю.

[152]) Въ особенности. 5. 6. 32. 46. 56 58. 67. 83. 84. 123. 131. 133. 136.

Юстиніаново законодательство впослѣдствіи подверглось новой переработкѣ и измѣненіямъ. Съ VII в. латинскій языкъ, на которомъ оно было написано, выходитъ изъ употребленія въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ имперіи; являются по частямъ различные переводы Юстиніановыхъ законовъ на греческій языкъ; къ нимъ присоединяются толкованія часто произвольныя и неясныя, отъ которыхъ самый смыслъ узаконеній измѣняется и затемняется. Кромѣ того, нѣкоторые изъ прежнихъ законовъ, потеряли свою силу, многіе изданы вновь преемниками Юстиніана. Это побудило императора Василія Македонянина (867—886 г.) предпринять пересмотръ и исправленіе древнихъ законовъ и привести дѣйствующее право въ одинъ полный составъ. Это обширное предпріятіе приведено было къ концу и обнародовано въ 884 г., потомъ сыномъ Василія Львомъ Философомъ (911 г.) и внукомъ Константиномъ Багрянороднымъ (961 г.) вновь было обработано и дополнено и получило общее названіе *Базиликъ* (τα βασιλικά), *Царскихъ книгъ* [153]). Этотъ кодексъ состоитъ изъ *6* томовъ, раздѣленныхъ на *60* книгъ. Первыя четыре книги содержатъ въ себѣ законы, относящіеся къ церкви, именно: о вѣроисповѣданіи, о духовенствѣ, о монастыряхъ и монахахъ, о церквахъ и церковныхъ имуществахъ. Прежде окончанія этой обширной работы, по приказанію того же императора Василія издано было (870 г.) руководство къ познанію законовъ — πρόχειρον νόμων — ручная книга законовъ, которое должно было служить введеніемъ къ полному ихъ составу и содержало въ себѣ наиболѣе употребительнѣйшія въ практикѣ постановленія. Это собраніе состоитъ изъ 40 титуловъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ отношеніе къ церковному праву, напр. тит. XXIV — о завѣщаніяхъ епископовъ и прочаго духовенства; XXVIII — о поставленіи епископовъ и

---

149. Изъ нихъ извлеченія вошли въ составъ славянской Кормчей. См. 2-ю часть ея.

[153]) См. Mortreuil т. II, стр. 19—259.

пресвитеровъ [154]). Новое сокращенное изложеніе законовъ ἐκλογῇ издано было съ именемъ императоровъ Льва и Константина въ 28 титулахъ, изъ коихъ нѣкоторые также посвящены дѣламъ церковнымъ, напр. титулъ III—о патріархѣ; VIII — о поставленіи епископовъ; IX — объ обязанностяхъ епископовъ, пресвитеровъ и другихъ клириковъ; XXIV — о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ; XXVIII—нѣсколько пунктовъ о преступленіяхъ противъ вѣры и церковныхъ уставовъ [155]).

Значеніе для науки церковнаго права всѣхъ названныхъ источниковъ не требуетъ разъясненій. При общемъ обозрѣніи ихъ для насъ имѣетъ интересъ вопросъ объ отношеніяхъ, въ какихъ императорское законодательство въ Византіи стояло къ собственно-церковному законодательству, когда и то и другое имѣли своимъ предметомъ одни и тѣже вопросы и отношенія. При тѣсной связи жизни церковной съ государственною въ Византіи, при широкомъ вмѣшательствѣ императоровъ не только во внѣшнія отношенія, но и во внутреннія, даже догматическія дѣла церковныя, этотъ вопросъ долженъ былъ возникнуть очень скоро по обращеніи Константина, и ясное его рѣшеніе было вызываемо многими обстоятельствами церковной жизни. На самомъ престолѣ царскомъ не были рѣдкостью даже перемѣны вѣроисповѣданія; вслѣдъ за православными государями нерѣдко вступали на него неправославные; вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись отношенія императорской власти къ церкви. Часто встрѣчались случаи перенесенія судныхъ дѣлъ духовными лицами отъ судовъ церковныхъ къ свѣтскимъ, случаи прямаго искательства у послѣднихъ помимо первыхъ, на что очень нерѣдко жаловались соборы (II, 6. IV, 9. Ант. 12. Карѳ. 15. 117); предметы судебнаго вѣдомства — церковнаго и гражданскаго не были еще точно разграничены; между ду-

---

[154]) Этотъ самый прохиронъ вошелъ въ составъ печатной славянской Кормчей подъ именемъ *Закона Градскаго* См. ч. 2. гл. 48.

[155]) Эклога вмесена въ славянскую Кормчую подъ именемъ *главизнъ Леона и Константина* за исключеніемъ первыхъ 10 титуловъ см. ч. 2. гл. 49.

ховенствомъ, особенно высшимъ, вошелъ въ большую силу обычай обращаться лично не только съ частными, но и съ церковными дѣлами прямо къ императорамъ, минуя свое церковное правительство (Апт. 2. Сард. 7. 8. 9. Карѳ. 119). Эти и другія обстоятельства вызывали потребность въ точномъ, положительномъ опредѣленіи законныхъ отношеній между двумя сферами права. Несмотря на эту потребность, прямаго законодательнаго рѣшенія этого вопроса мы не находимъ въ источникахъ византійскаго права, и только на основаніи нѣкоторыхъ не прямыхъ указаній можемъ сдѣлать вѣроятныя заключенія о господствовавшихъ въ Византіи воззрѣніяхъ на этотъ предметъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императорскіе законы по дѣламъ церковнымъ имѣли полное значеніе въ восточной церкви, когда они были согласны съ канонами, или относились къ такимъ предметамъ въ церковной жизни, которые не были предусмотрѣны и опредѣлены канонами. Примѣненіе ихъ къ церковной дисциплинѣ не подвергалось вопросу, на что, кромѣ практики, встрѣчаются указанія въ законодательствѣ и юридической литературѣ. Юстиніанъ постановилъ, чтобы противъ виновныхъ епископовъ обращались къ канонамъ и законамъ (ссылались на canones et leges) [156]. Вальсамонъ положительно утверждаетъ, что примѣненіе законовъ обязательно во всѣхъ случаяхъ церковной жизни, не предусмотрѣнныхъ канонами [157]. Общія отношенія между тѣми и другими въ Юстиніановомъ законодательствѣ выражены такимъ образомъ: церковные каноны имѣютъ не меньшую силу, какъ и законы государственные; что запрещается первыми, то не допускается и послѣдними, преступленія противъ первыхъ не должны быть оставляемы безнаказанными по законамъ государства [158].

---

[156]) Nov. 122, cap. 22.

[157]) Voell. Bibl. II, pag. 849. Ubi enim canones nihil determinant, sequi debemus leges et similia ex similibus decidere.

[158]) Sacros, canones non minus, quam leges, valere etiam nostrae leges

Сомнѣніе могло возникать въ случаѣ противорѣчія между императорскими законами и церковными. Въ Юстиніановомъ правѣ такія коллизіи могли встрѣчаться развѣ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, потому что императоръ въ своихъ законодательныхъ предположеніяхъ относительно церкви постоянно совѣтовался съ представителями іерархіи и, по собственному его свидѣтельству, соображалъ ихъ съ канонами [159]). На случай возможнаго столкновенія между каноническими и государственными постановленіями въ 131 новеллѣ (гл. 1) мы находимъ слѣдующеее положеніе: «догматическія опредѣленія вселенскихъ (четырехъ) соборовъ мы принимаемъ какъ Свящ. Писаніе [160]), а правила ихъ соблюдаемъ какъ законы государственные.» Отсюда слѣдуетъ, что законы императорскіе не могутъ имѣть силы и обязательности для церкви, если они нарушаютъ догматическія вѣроопредѣленія вселенскихъ соборовъ, или противорѣчатъ имъ; такія опредѣленія, будучи уравнены въ законѣ съ Священнымъ Писаніемъ, тѣмъ самымъ изъяты изъ компетенціи государственной власти, признаны неприкосновенными, какъ Свящ. Писаніе; но каноны дисциплинарные *regula* уравниваются въ этомъ отношеніи съ законами государственными, слѣдов. не изъяты отъ измѣненій, усовершенствованій; оба законодательства въ этихъ частяхъ должны быть соображаемы одно съ другимъ. Но имѣетъ ли право государственная власть производить односторонніе из-

---

volunt; sancimus obtinere, et quae sacris visa sunt canonibus, perinde ac si civilibus inscripta essent legibus. Quod sacri canones prohibent, per nostras etiam abolemus leges. Cod. Lib. I. Tit. 3. cap. 45.... nisi haec observaverint, et a Deo alieni erunt, neque civiles leges delictum multum relinquent, eo quod a praecedentibus imperatoribus et a nobis ipsis recte dictum est, oportere sacras regulas pro legibus valere. Nov. 6. cap. I. § 8.

[159]) Cod. 1. 45. Nov. 82, cap. 1. Ioannis Scholastici Nomocanon, praefat. tituli 1. Voelli et Justel. Biblioth. T. II, pag. 604.

[160]) Quatuor sanctarum Synodorum dogmata sicut Sanctas Scripturas accipimus et regulas sicut leges observamus. Въ Базиликахъ тѣ же самыя выраженія примѣнены къ вѣроопредѣленіямъ и канонамъ всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Voelli Bibl. T. II, pag. 816.

мѣненія въ канонахъ, отмѣнять одна своими законами дѣйствіе каноновъ въ церкви, или предписывать ей къ обязательному исполненію законы, противорѣчащія ея собственнымъ постановленіямъ? Какъ слѣдовало бы поступать члену церкви въ тѣхъ случаяхъ, когда для исполненія законовъ государства ему приходилось бы нарушать законы церкви? Положительнаго рѣшенія этого вопроса мы не находимъ въ византійскомъ законодательствѣ [161]). Частныя мнѣнія писателей и восточныхъ законовѣдовъ не представляютъ полнаго согласія, какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ указаній. Въ правленіе Мануила Комнена, по свидѣтельству Вальсамона, нѣкоторые писатели поддерживали напр. то мнѣніе, что Базиликами, какъ позднѣйшимъ законодательствомъ, дерогированы древнія постановленія соборовъ и что все въ послѣднихъ не согласное съ законами не дѣйствительно [162]). Димитрій Хоматенъ, епископъ болгарскій, въ началѣ XIII в. въ своихъ отвѣтахъ Константину Кавасилѣ представляетъ императора главою церкви, усвояетъ ему какъ обладателю высшихъ правъ епископскихъ (кромѣ совершенія таинствъ), власть

---

[161]) Общій взглядъ на отношенія власти и законовъ государственныхъ къ порядку церковному въ одной изъ новеллъ Юстиніана (Nov 6, praefat.) выраженъ такъ: „Всевышняя благость сообщила человѣчеству два великіе дара: священство (sacerdotium) и царскую власть (imperium). Исходя отъ одного начала (Бога) они совокупно украшаютъ жизнь человѣческую. Посему нѣтъ важнѣйшей заботы для государей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвою къ Богу. Когда и церковь во всѣхъ частяхъ своихъ благоустроена, и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь благодѣтельный для человѣчества. Сего мы надѣемся достигнуть, если будетъ охраняемо соблюденіе свящ. правилъ, преданныхъ апостолами, сохраненныхъ и изъясненныхъ отцами.“

[162]) См. Схоліи Вальсамона на Фотіевъ Номоканонъ. Titul. 1. Cap. 11. Schol. 2. Voelli. T. II, pag. 817. Scias tamen, quod aliter nonnulli dixerint, idque in praesentia sancti nostri Imperatoris (nempe) canones non debere valere, quando adversantur legibus: propterea quod ante (legum) repurgationem illi conscripti sunt: atque ita qui (canones) cum legibus non conveniunt, otiosos esse.

назначать епископовъ и перемѣщать съ одной каѳедры на другую, чего каноны не допускаютъ безъ согласія церковной власти [163]) (VII, 3). Впрочемъ всѣ подобныя мнѣнія не были преобладающими въ византійской ученой литературѣ, и не считались согласными съ точкою зрѣнія каноническаго права. Въ древнемъ канонѣ, какъ и въ государственномъ законодательствѣ, мы не находимъ положительнаго разрѣшенія вопроса объ отношеніи двухъ сферъ права въ случаяхъ столкновенія между ними. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ церковнымъ законодателямъ приходилось разсуждать о случаяхъ односторонняго вмѣшательства государственной власти въ дѣла собственно церковныя, вызваннаго обращеніемъ къ ней, помимо власти церковной, со стороны самаго духовенства, они строго порицаютъ нарушителей установленныхъ въ церкви законовъ, опредѣляютъ строгія наказанія для нихъ, и самыя дѣйствія, достигнутыя такимъ путемъ въ сферѣ ли административной, напр. раздѣленіе епархіи, выборъ въ церковную должность (IV, 12. VII, 3) или судебной (11, 6. Ант. 11, 12. Карѳ. 15 и мн. др.), часто объявляютъ не дѣйствительными, какъ совершенныя не компетентною властію.

Въ Юстиніановомъ законодательствѣ также замѣтно стремленіе разграничить сферы вѣдомства церковнаго и государственнаго и такимъ образомъ предотвратить случаи вмѣшательства одной власти въ кругъ дѣятельности другой. Въ 85 новеллѣ (praefat. et cap. 1) говорится: «если дѣло будетъ собственно церковное, требующее духовнаго очищенія, то судъ вполнѣ принадлежитъ церковному правительству, гражданскіе суды такихъ дѣлъ не касаются; дѣла эти судятся по священнымъ правиламъ, которымъ слѣдуютъ и наши законы.» Извѣстнѣйшіе изъ средневѣковыхъ восточныхъ комментаторовъ церковнаго канона старались установить ту точку зрѣнія въ разсматриваемомъ вопросѣ, что въ случаѣ столкновенія законы должны уступать канонамъ. Вальсамонъ въ своемъ толкованіи

[163]) См. Leunclavii jus graeco-romanum, 1, pag. 317.

на номоканонъ Фотія доказываетъ это преимущество каноновъ предъ законами тѣмъ, что первые имѣютъ за себя двоякую санкцію, авторитетъ отцевъ церкви и императоровъ; между тѣмъ какъ послѣдніе опираются только на авторитетъ императоровъ [164]). Тотъ же взглядъ высказываетъ другой канонастъ XIV в. Матѳей Властарь въ своей синтагмѣ: «необходимо, говоритъ онъ, чтобы каноны имѣли силу бо́льшую, чѣмъ законы, потому что законы издаются одними императорами, и потомъ подтверждаются ихъ преемниками; но каноны были составлены и утверждены св. отцами съ вѣдома и согласія государей того времени» [165]). Таковы частныя мнѣнія, но въ законодательныхъ источникахъ византійскаго права, церковнаго или государственнаго, прямаго и точнаго разрѣшенія вопроса мы не находимъ [166]).

IV. Наконецъ въ ряду историческихъ источниковъ церковнаго права имѣютъ вспомогательное значеніе труды знаменитѣйшихъ восточныхъ законовѣдовъ—собирателей и толкователей древняго канона, въ свое время имѣвшіе практическое употребленіе. Таковы въ особенности собранія правилъ и номоканоны Іоанна Схоластика и Фотія, толкованія на нихъ Аристина, Зонары, Вальсамона, сборники Матѳея Властаря, Константина Арменопула. Изложимъ необходимыя свѣдѣнія объ этихъ трудахъ и ихъ составителяхъ.

Въ восточной половинѣ церкви очень рано почувствовалась

---

[164]) Voelli Bibl. 11, p. 817 и 818. Nota etiam praesentem interpretationem, eamque in memoria habens dic, canones maioris auctoritatis esse, quam leges. Illi enim canones nempe cum ab Imperatoribus atque sanctis patribus promulgati confirmative sint ut sacrae scripturae suscipiuntur: leges vero a solis imperatoribus susceptae sunt, atque idcirco sacris scripturis sive canonibus non praevalebunt. См. также pag. 841. Изъ приведеннаго мѣста видно впрочемъ, что Вальсамонъ какъ будто имѣетъ въ виду собственно догматическія опредѣленія соборовъ, принимаемыя наравнѣ съ Свящ. Писаніемъ.

[165]) Beveregii synodicon 11, p. 150.

[166]) См. объ этомъ вопросѣ у Assemani, Bibliotheca juris orientalis, lib. 11, cap. 32. p. 604 — Spittler, Geschichte d Kanonisches Rechts p. 113. Mortreuil, Hist. Droit Byzant. T. I, 196.

потребность въ систематическихъ собраніяхъ церковныхъ законовъ. Сначала эти собранія производились въ хронологическомъ порядкѣ соборовъ и отцевъ, составлявшихъ правила. Но неудобство употребленія такихъ сборниковъ въ практикѣ побудило обратиться къ систематическому порядку изложенія каноновъ по предметамъ содержанія. Съ другой стороны, въ виду быстраго накопленія государственныхъ законовъ, относившихся къ предметамъ церковнаго управленія, необходимо было извлечь изъ нихъ и собрать все касавшееся церкви. Наконецъ нужно было свести и сопоставить тѣ и другіе по предметамъ общаго содержанія, причемъ въ случаѣ разностей требовалось согласить ихъ. Этимъ потребностямъ, вызваннымъ практикою самой жизни, стремились удовлетворить византійскіе юристы своими трудами. Извѣстнѣйшія изъ такихъ работъ по собиранію и сопоставленію принадлежатъ Іоанну Схоластику и Фотію.

1) *Іоаннъ антіохійскій*, прозванный схоластикомъ (ex ordine Scholasticorum), былъ сначала адвокатомъ въ своемъ отечественномъ городѣ Антіохіи [167]); потомъ вступилъ въ клиръ и вскорѣ сдѣланъ былъ пресвитеромъ. Въ этомъ званіи онъ занималъ должность апокрисіарія (посланника, уполномоченнаго агента) отъ антіохійской церкви въ Константинополѣ, при императорскомъ и патріаршемъ дворѣ. Въ 565 г. онъ возведенъ былъ на константинопольскій патріаршій престолъ и управлялъ церковію до своей смерти въ 578 г. Еще будучи пресвитеромъ онъ составилъ и издалъ свой сборникъ церковныхъ правилъ подъ заглавіемъ: συναγωγὴ τῶν κανόνων εἰς ὁ τίτλους διηρημένη (собраніе каноновъ, распредѣленное въ 50 титулахъ). Въ него вошли 85 правилъ апостольскихъ, постановленія 4-хъ первыхъ вселенскихъ соборовъ и 6-ти помѣстныхъ (анкирскаго, неокессарійскаго, сардикійскаго, антіохійскаго, гангрскаго и лаодикійскаго). Въ концѣ сборника помѣщены 68 правилъ Василія Великаго, извлеченныхъ изъ

[167]) Mortreuil Hist. du Droit Bysant. T. I, p. 288.

его посланій. Цѣль изданія сборника, какъ объясняетъ ее самъ Іоаннъ въ предисловіи [168]) къ нему, заключалась въ томъ, чтобы облегчить посредствомъ систематическаго сочетанія сходныхъ по содержанію правилъ разновременныхъ соборовъ, употребленіе ихъ въ практикѣ. Для этого весь составъ правилъ раздѣленъ на 50 титуловъ; каждый титулъ имѣетъ надписаніе, обозначающее его содержаніе, и подъ нимъ излагается самый текстъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ, относящихся къ означенному предмету. Представляя столь существенныя въ практическомъ отношеніи удобства этотъ сборникъ Схоластика имѣлъ весьма обширное употребленіе въ восточной церкви въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.

---

[168]) Вотъ это предисловіе, изъ котораго, между прочимъ, видно, что задолго до Іоанна были составляемы сборники церковныхъ законовъ, и что одинъ такой сводъ былъ расположенъ въ 60 отдѣлахъ. „Издревле, говоритъ Іоаннъ, разныя лица по временамъ издавали соотвѣтствующіе нуждамъ времени законы и правила церковныя; такъ послѣ апостоловъ было составлено 10 великихъ соборовъ; кромѣ того Василій Великій о многихъ предметахъ составилъ правила. Неудивительно, что они писали каноны отрывочно, по требованію самыхъ дѣлъ и обстоятельствъ, а не излагали ихъ въ какомъ-либо порядкѣ, напр. не раздѣляли на главы по предметамъ; и поэтому иногда очень трудно отыскивать какое нибудь нужное правило. По этой причинѣ, собравъ разрозненныя правила въ одинъ составъ и раздѣливъ на 50 титуловъ, я не соблюдалъ порядка и послѣдовательности въ числахъ, не означалъ правила порядкомъ цифръ (первое, второе и т. д.). Но сколько можно было, я соединялъ ихъ по сходству содержанія (similia similibus quantum fieri potuit copulans) и совокуплялъ такимъ образомъ въ отдѣльныя главы. Думаю, что чрезъ это я облегчилъ пріисканіе правилъ, какія кому нужны. Впрочемъ не я одинъ и не первый рѣшился на это, но увидѣвъ, что и другіе такимъ образомъ раздѣляли правила даже на 60 титуловъ. Но въ этихъ сборникахъ къ прочимъ канонамъ не присоединены были правила св. Василія, и всѣ остальные каноны не такъ расположены были, чтобы сходные по содержанію соединялись одни съ другими въ отдѣльные титулы. Поелику объ одномъ и томъ же предметѣ мы находимъ многіе каноны, то безъ сопоставленія ихъ бываетъ трудно обнять все, что разными правилами было опредѣлено объ этомъ предметѣ. Снесеніемъ и соединеніемъ каноновъ одинаковаго содержанія я старался, сколько возможно, сдѣлать самое раздѣленіе ихъ яснымъ, сверхъ того, надписаніе каждаго титула показываетъ сущность того, что подъ нимъ содержится.“ Voell. Bibl. iur. can. T. II, pag. 500 Розенкампфа Обозрѣніе Кормчей 1839 г., стр. 26. Архим. Іоанна Кур. Ц. Законов. 1, 87.

Его значеніе было нѣсколько ослаблено въ практикѣ изданіемъ номоканона Фотіева, но никогда совершенно не утрачивалось, на что указываютъ многочисленныя свидѣтельства и рукописи временъ позднѣйшихъ, гдѣ это собраніе соединялось вмѣстѣ съ Фотіевымъ [169]).

Вскорѣ послѣ смерти Юстиніана, между 565 и 578 г. Іоаннъ, тогда уже константинопольскій патріархъ, составилъ въ дополненіе къ сборнику церковныхъ правилъ сводъ законовъ гражданскихъ, относящихся къ церкви, изъ Юстиніановыхъ новеллъ, расположивъ извлеченія изъ нихъ въ 87 главахъ (Collectio LXXXVII capitularum). Этотъ сборникъ представляетъ подлинный, только сокращенный текстъ новеллъ безъ всякихъ прибавленій отъ самаго составителя или изъ другихъ источниковъ Юстиніанова законодательства [170]). Извлеченія изъ новеллъ слѣдуютъ по главамъ въ такомъ порядкѣ: глав. 1—5 (изъ Nov. VI), о поставленіи епископовъ и низшаго духовенства; гл. 6—11 (изъ Nov. V), о монастыряхъ и монахахъ; гл. 12 (изъ Nov. LXXXIII), о судѣ епископовъ надъ духовными лицами и объ отношеніи его къ суду гражданскому; гл. 13 (изъ XLVI), 14—17 (изъ Nov. CXX) о церковныхъ недвижимыхъ имуществахъ; глав. 18 (изъ Nov. LVI), о узаконенныхъ пошлинахъ, или дарахъ при вступленіи въ священнослужительскія должности; гл. 19 (изъ Nov. LVII), о перемѣщеніи церковнослужителей съ одного мѣста службы на другое; гл. 20 (изъ Nov. III), опредѣленіе штата священно-служителей въ Константинополѣ; гл. 21 (изъ Nov. XXXII) о лихвѣ; гл. 22—26 (изъ Nov. CXXXI), о правахъ и привиллегіяхъ

---

[169]) Hist. de droit Bysant. par Mortreuil. T. I, 202. Переводъ этого сборника на славянскій языкъ приписывается св. Меѳодію, на что указанія находятся въ паннонскомъ житіи святаго. См. „Кириллъ и Меѳодій“ въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. 1846 г. Древній славянскій переводъ 50 титуловъ схоластика остается въ рукописяхъ. Подлинный текстъ былъ изданъ въ Biblioth. jur can. veteris opera et studio. Voelli et H. Justelli 1661 г. T. II, pag. 499—602. См. также Jur. Eccl. Hist. et Monumenta, Pitra. T. II, p. 375.

[170]) Mortreuil. T. I, p. 208.

церковныхъ; гл. 27 (изъ Nov. LXVII), о строеніи монастырей и молитвенныхъ домовъ; гл. 28—87 (изъ Nov. CXXIII) разныя постановленія о епископахъ, клирикахъ, монахахъ, ихъ привиллегіяхъ, правахъ и обязанностяхъ [171]). Многочисленные списки этого сборника и заимствованія изъ него, дѣлаемыя позднѣйшими канонистами при составленіи новыхъ собраній, свидѣтельствуютъ объ обширномъ употребленіи его на востокѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ списковъ дѣлаемы были попытки сопоставить церковныя правила изъ συναγωγὴ τῶν κανόνων съ извлеченіями законовъ гражданскихъ изъ новеллъ, свести сходныя по содержанію постановленія изъ тѣхъ и другихъ въ одно цѣлое—въ номоканонъ [172]). Но попытки этого рода были неудовлетворительны до появленія трудовъ патріарха Фотія.

2) *Фотій* принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей въ исторіи восточной церкви. Происходя изъ богатаго и знатнаго семейства (онъ былъ внукъ патріарха Тарасія и братъ патриція Сергія, женатаго на Иринѣ, одной изъ сестеръ императрицы Ѳеодоры), онъ получилъ блестящее образованіе и занималъ важныя должности посланника въ Персіи и перваго секретаря при императорѣ; по вступленіи въ клиръ онъ вопреки церковнымъ правиламъ слишкомъ быстро возведенъ былъ на константинопольскій патріаршій престолъ, на мѣсто несправедливо низложеннаго Игнатія, сдѣлавшись такимъ образомъ невольною причиною смутъ между двумя пар-

---

[171]) Ibid. См. также Розенкампфа. Обозр. Кормч., стр. 25. Славянскій переводъ сборника въ 87 главахъ помѣщенъ въ печатной Кормчей книгѣ, въ 42 гл. Часть 2, подъ заглавіемъ: „Отъ свитка божественныхъ новыхъ заповѣдей.. царя Юстиніана“ и пр. См. также Обозр. Кормч. Розенкампфа 1839 г. Прилож. № VIII, гдѣ съ славянскимъ помѣщены греческій и латинскій тексты извлеченій.

[172]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ такіе сборники надписаны именемъ самаго Іоанна Схоластика, какъ ихъ автора. Таковъ напр. Номоканонъ въ 50 титулахъ помѣщенный подъ именемъ Іоаннова въ Bibl. Voelli et Justelli. T. II, p. 803—660. Но ученые сомнѣваются въ ихъ подлинности на основаніи неисправности состава и изложенія. Mortreuil. T. I, стр. 205, 216—221.

тіями. Имя Фотія связано съ исторіей раздѣленія церквей. Его ученость была весьма разнообразна, что доказываютъ оставшіяся послѣ него сочиненія: богословскія (такъ-называемыя Amphilochia, трактатъ противъ манихеевъ); экзегетическія (толкованіе на посланія ап. Павла); филологическія (лексиконъ); библіографическія (знаменитая библіотека Фотія, содержащая анализъ, критику и извлеченіе изъ 279 сочиненій) и каноническія [173]). Фотій два раза былъ возводимъ на патріаршій престолъ — въ 857 г. и въ 877 г. и два раза былъ низлагаемъ,—въ 867 г. при императорѣ Василіи Македонянинѣ, и въ 887 г. при Львѣ Философѣ, и сосланъ былъ въ одинъ изъ монастырей Арменіи, гдѣ умеръ въ 892 г.

По церковному праву Фотій издалъ синтагму или сочетаніе церковныхъ правилъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ соборовъ, ихъ составлявшихъ, и номоканонъ. Оба эти труда, хотя у Фотія не составляютъ одного цѣлаго, но заключаются въ одномъ сборникѣ, и потому весь онъ у грековъ называется иногда номоканономъ, иногда синтагмою [174]). Изысканіями ученыхъ юристовъ, занимавшихся греко-римскимъ правомъ (Бипера, Биккеля, Цахаріэ, Мортрейля) [175]) поставлено почти внѣ сомнѣнія, что сборникъ, приписываемый обыкновенно Фотію, есть произведеніе двухъ лицъ, раздѣленныхъ между собою довольно большимъ пространствомъ времени. Первая и главная доля авторства принадлежитъ неизвѣстному лицу, составлявшему свой трудъ

---

[173]) Собраніе сочиненій Фотія см. Patrol. Cursus completus, edit Migne T. 101—104.

[174]) Слово σύνταγμα употреблено въ надписаніи Фотіева номоканона: Voel. Bibl. jur. can. pag. 793. Тоже въ нашей слав. Кормчей. Вальсамонъ въ толкованіяхъ на номоканонъ иногда говоритъ о немъ какъ о части синтагмы. См. Оп. кур Церк. Зак. арх. Іоанна т. I. стр. 91.

[175]) Biener, Beitrage zur Revision d. Justinian. Codex. Berlin 1833 г. стр 34 — 39 и особенно его статья: Das canonische Recht der Griechischen Kirche (въ Kritische Zeitschr. für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes. Bd. 28. стр. 165—208. Zachariae, Historiae juris graeco - romani delineatio 1839 г. p. 34. Mortreuil. T. I. p. 222—270. T. II. p. 489—492.

до трулльскаго собора 692 г., когда слѣдовательно не былъ еще вполнѣ опредѣленъ и утвержденъ составъ церковнаго канона. На это указываетъ первое изъ двухъ предисловій къ сборнику, въ которомъ неизвѣстный авторъ говоритъ только о *десяти* соборахъ (четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ), правила которыхъ уже въ VI в. имѣли общепризнанное на Востокѣ каноническое значеніе; но объ апостольскихъ правилахъ, авторъ, вопреки схоластику, выражается съ сомнѣніемъ («такъ-называемыя ап. правила», nonnulli quibusdam causis moti pro dubiis eos habuerint), правила карѳагенскаго собора, по его словамъ, найдены имъ въ первый разъ и поставлены ниже другихъ соборныхъ правилъ потому, что въ нихъ многое запечатлѣно мѣстнымъ характеромъ; правила св. отцевъ точно также, на его взглядъ, не имѣютъ одинаковаго достоинства съ постановленіями соборовъ [176]). Очевидно авторъ не имѣлъ еще въ виду втораго правила трулльскаго собора которымъ утверждена была каноническая важность тѣхъ источниковъ церковнаго права, о которыхъ онъ говоритъ съ такимъ сомнѣніемъ. Этотъ сборникъ принятъ былъ Фотіемъ за основаніе для дальнѣйшей работы. Въ первой части его патріархъ, какъ видно изъ втораго предисловія, составленнаго самимъ Фотіемъ, дополнилъ трудъ своего предшественника постановленіями соборовъ, бывшихъ послѣ IV вселенскаго; такъ что полный составъ синтагмы въ фотіевской редакціи содержитъ въ себѣ 85 ап. правилъ, постановленія 10 соборовъ изъ прежнихъ сборниковъ, правила собора карѳагенскаго (419 и слѣд.), константинопольскаго 394 г., 102 правила трулльскаго собора, 22 прав. VII вселенскаго собора, 17 правилъ константинопольскаго двукратнаго (861 г.), 3 правила собора въ храмѣ св. Софіи (879 г.) и каноническія посланія отцевъ [177]).

---

[176]) Оба предисловія, безъ раздѣленія одного отъ другаго, напечатаны въ Bibl. jur. can. Voelli. T. II, pag. 789—793. Въ нашей печатной Кормчей объ части предисловія помѣщены раздѣльно. См. 8 л.

[177]) Въ перечнѣ источниковъ синтагмы, сдѣланномъ Фотіемъ, мѣтъ послѣд-

Другая часть сборника Фотіева — номоканонъ содержитъ въ себѣ съ церковными правилами и соотвѣтствующіе имъ государственные законы; тѣ и другіе расположены въ номоканонѣ по предметамъ церковнаго управленія; но правила церкви только цитуются съ указаніемъ на соборы и посланія отцевъ, въ которыхъ они содержатся; государственныя постановленія, подъ названіемъ κείμενα [178]) представляютъ краткія извлеченія изъ кодекса, дигестъ и новеллъ Юстиніана, причемъ излагается не столько самый текстъ законовъ, сколько толкованія на нихъ изъ византійскихъ юристовъ [179]). Изъ законодательства послѣ Юстиніанова нѣтъ никакихъ извлеченій; нѣтъ указанія и на Базилики. Вообще, по мнѣнію ученыхъ юристовъ изслѣдователей, Фотій и въ этой части сборника сдѣлалъ только незначительныя дополненія къ существовавшему прежде номоканону [180]) и издавая его подъ своимъ громкимъ и авторитетнымъ именемъ содѣйствовалъ обширному его распространенію и вліянію [181]).

Весь сборникъ Фотія состоитъ изъ XIV титуловъ, или отдѣленій, изъ коихъ каждое дѣлится на нѣсколько главъ. Титулъ I. (гл. 1—38) [182]) о Богословіи и вѣрѣ православной,

---

ляго собора и нѣкоторыхъ правилъ отцевъ, упомянутыхъ соборомъ трулльскимъ (св. Аѳанасія, Григорія Богослова, Амфилохія); но ихъ правила приводятся въ самой синтагмѣ. См. Указатель къ Синтагмѣ въ Bibl. jur. can. Voelli. T. II, pag. 793. Синтагма отдѣльно отъ номоканона напечатана въ Patrol. Curs. compl. ed. Migne. T. 104. p. 442—975.

[178]) Словомъ κείμενον юристы обыкновенно означали текстъ законовъ, который они имѣли предъ собою, когда рѣшали юридическіе вопросы.

[179]) О свойствѣ этихъ заимствованій и извлеченій см. Mortreuil. T. II. p. 491.

[180]) На это есть указаніе во второй части предисловія къ номоканону: „praeter haec omnia, quaedam etiam legales sententias sacris canonibus consonas *super commemoratus liber*, harum collationem non aspernatus, cum sacris eloquiis conjunxit. Voelli Bibl. T. II, pag. 793.

[181]) Mortreuil. T. II, p. 492.

[182]) Въ синтагмѣ подъ каждою главою приводятся каноны, относящіеся къ ея содержанію, въ номоканонѣ каноны цитуются и затѣмъ указываются мѣста изъ различныхъ источниковъ Юстиніанова законодательства.

о канонахъ и хиротоніяхъ; тит. II. (гл. 1 3) о сооруженіи церквей, о священныхъ сосудахъ, церковныхъ вкладахъ и о клирикахъ, которые безъ воли епископовъ оставляютъ свои церкви; тит. III. (гл. 1—22) о порядкѣ молитвословій, псалмопѣніяхъ, чтеніи, приношеніяхъ и причащеніи, объ одеждѣ и обязанностяхъ чтецовъ, пѣвцовъ и священнослужителей; тит. IV. (гл. 1 — 16) объ оглашенныхъ и о св. крещеніи; тит. V. (гл. 1—3) о тѣхъ, которые пренебрегаютъ церквами и церковными собраніями и праздниками, о ѣдящихъ въ церквахъ и объ агапахъ; тит. VI. (гл. 1—3) о приношеніи плодовъ къ алтарю; тит. VII. (гл. 1—5) о постѣ, четыредесятницѣ, о пасхѣ, пятидесятницѣ, днѣ воскресномъ и субботѣ и о преклоненіи колѣнъ въ сіи дни; тит. VIII. (гл. 1 — 19) о епархіяхъ и о пребываніи въ нихъ епископовъ и клира, о ежегодныхъ соборахъ, о принятіи пришельцевъ, о рекомендательныхъ и мирныхъ грамотахъ и дисциплинѣ клира; тит. IX. (гл. 1—39) о преступленіяхъ и подсудности епископовъ и клира, объ отлученіи и изверженіи, о покаяніи и о грѣхахъ, которые разрѣшаются (хиротоніею) возложеніемъ рукъ; тит. X. (гл. 1—8) объ управленіи церковнымъ имуществомъ и о собственности епископа; тит. XI. (гл. 1—16) о монастыряхъ, ихъ учрежденіи, о монахахъ и дисциплинѣ монашеской жизни; тит. XII. (гл. 1 — 18) о еретикахъ, іудеяхъ и язычникахъ; тит. XIII. (гл. 1 — 41) о мірянахъ; тит. XIV. (гл. 1—7) о дѣлахъ общихъ (de culpis quae in omnes homines cadere queunt). Къ послѣднему титулу не приложено никакихъ извлеченій изъ государственныхъ постановленій [183]).

Время изданія сборника, какъ видно изъ самаго предисловія къ нему, (Voelli. T. II, 793) относится къ 883 г., слѣд. во второе уже патріаршество Фотія. Бинеръ думаетъ, что ав-

[183]) Славянскій переводъ, помѣщенный въ печатной Кормчей книгѣ, вмѣстѣ съ двумя предисловіями, не имѣетъ извлеченій изъ Юстиніанова законодательства, а представляетъ собою нѣчто въ родѣ систематическаго указателя о нихъ каноновъ, поцитованныхъ подъ каждою главою цифровыми знаками.

торитетъ Фотіева номоканона утвердился не вдругъ послѣ его изданія, вслѣдствіе вторичнаго низложенія автора съ престола, послѣдовавшаго въ 887 г. [184]). Но съ X вѣка, когда память этого патріарха была возстановлена, его сборникъ получилъ самое широкое употребленіе по всему востоку не только въ церковныхъ, но и въ гражданскихъ учрежденіяхъ Византійской имперіи. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ многочисленные списки номоканона, до насъ дошедшіе [185]), и труды средневѣковыхъ юристовъ, посвященные его толкованію [186]). Номоканонъ въ XIV титулахъ въ дофотіевской редакціи (т.-е. безъ правилъ фотіевыхъ соборовъ и безъ толкованій) существовалъ и употреблялся въ славянскомъ переводѣ въ русской церкви въ самыя первыя времена ея исторіи. Фотіевъ номоканонъ съ комментаріями сдѣ-

---

[184]) Biener, de Collect. can. p. 26.

[185]) Номоканонъ Фотія отдѣльно отъ синтагмы напечатанъ съ латинскимъ переводомъ и толкованіями Вальсамона у Voelli Biblioth. jur. canon. T. II. pag. 796—1140. См. также изданіе номоканона въ XIV титулахъ съ дополненіями Фотія Pitra, Juris Ecclesiast. Graecorum Hist. et monumenta 1868 c. T. II. p. 433—637. Фотіевъ номоканонъ также съ толкованіями Вальсамона, отдѣльно отъ синтагмы, напечатанъ въ Cursus patrologiae, Migne T. 104. p. 975—1218.

[186]) Напр. Вальсамона, Зонары, Михаила Севаста и др. Значеніе этого сборника въ послѣдній періодъ византійской имперіи видно изъ словъ одного неизвѣстнаго схоліаста, писавшаго свои толкованія послѣ Зонары и Вальсамона. Въ своемъ примѣчаніи на 2-е правило трулльскаго собора онъ говоритъ: „Поелику я видѣлъ нѣкоторыхъ высоко-поставленныхъ лицъ, пользовавшихся старыми номоканонами (legentes antiqua nomocanona)... то убѣждаю ихъ и всѣхъ, которые желаютъ читать каноны и законы, не держаться старинныхъ номоканоновъ, а употреблять номоканонъ Фотія, истолкованный Зонарою и подробно разъясненный патріархомъ антіохійскимъ," т.-е. Вальсамономъ. Vid. Patrol. Curs. compl. ed. Migne. T. 137, pag. 523, not. 56. Въ виду тѣхъ важныхъ удобствъ, какія представляетъ этотъ трудъ знаменитаго патріарха, для облегченія знакомства съ древнимъ церковнымъ канономъ и византійскимъ законодательствомъ, нельзя не пожалѣть, что въ русской церкви нѣтъ хорошаго ни подлиннаго, ни переводнаго изданія, доступнаго не спеціалистамъ. Переводъ въ печатной Кормчей есть только указатель къ синтагмѣ. Оттого труды Фотія остаются почти совершенно неизвѣстными нашему духовенству.

лался извѣстенъ у насъ въ славянскомъ переводѣ со времени полученія м. Кирилломъ II (1262 г.) Кормчей изъ Болгаріи; имя же патріарха Фотія, какъ составителя номоканона, до XVI в. было у насъ неизвѣстно [187]).

3. Толкованія средневѣковыхъ восточныхъ канонистовъ.

Періодъ правленія Комненовъ былъ временемъ оживленія упавшей канонической юриспруденціи и литературы въ Византійской имперіи [188]). Къ этому времени относятся труды знаменитѣйшихъ комментаторовъ церковнаго канона: Алексѣя Аристина, Іоанна Зонары и Ѳеодора Вальсамона. *А. Аристинъ*, номофилаксъ и великій экономъ константинопольской церкви въ правленіе императора Мануила Компена, написалъ (1160 г.) толкованіе на *синопсисъ* (сокращенное изложеніе Epitome canonum) церковныхъ правилъ, составленный, какъ полагаютъ, въ концѣ X или началѣ XI в. [189]). Схоліи Ари-

---

[187]) См. *Павлова*, первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 81.

[188]) Имп. Алексѣй Комненъ въ 1107 г. въ своей новеллѣ, данной на имя патріарха константинопольскаго и собора, жаловался на всеобщее забвеніе древнихъ каноновъ и почти совершенную неизвѣстность (т.-е непониманіе) ихъ самому духовенству. Посему имп. предписывалъ прочитать на патріаршемъ соборѣ весь номоканонъ, чтобы одни изъ забытыхъ церковныхъ правилъ, необходимыя для церковной дисциплины, были возобновлены и возстановлены во всей своей силѣ; другія, менѣе важныя, были представлены императору, который рѣшитъ о нихъ вмѣстѣ съ соборомъ. См. Zachariae jus graeco-romanum. Pars III. 1857. p. 422. 423.

[189]) См. Mortreuil. T. III. p. 412. Составленіе синопсиса не принадлежитъ, какъ полагали нѣкоторые ученые, (Voelli Bibl. T II, p. 673) самому Аристину, но только комментарій на него. Онъ не всегда одобряетъ автора сокращенія и замѣчаемъ по мѣстамъ (напр. при толкованіи на Анк. 19), что онъ не вѣрно понималъ смыслъ каноновъ. Въ спискахъ сокращеніе носитъ названіе номоканона, отсюда заключаютъ, что во времена Аристина слово *номоканонъ* не сохраняло своего древняго и правильнаго значенія, какъ сочетаніе каноновъ съ законами, но прилагалось къ сборникамъ исключительно каноническаго содержанія. Mortr. T. III. 414. Синопсинъ отдѣльно отъ Аристиновыхъ толкованій напечатанъ у Voelli, Bibl. T. II. pag. 673—709. Синопсисъ съ толкованіями Аристина былъ изданъ *Бевериджемъ* (англиканскимъ пресвитеромъ) въ его Synodicon sive Pandecta canonum etc. T. II. 1672 г.

стина весьма кратки, иногда только перифразируютъ и разъясняютъ грамматическій смыслъ правилъ; иногда онъ оставляетъ ихъ безъ всякаго объясненія, замѣчая, что правило само по себѣ ясно. Этотъ синопсисъ съ толкованіями Аристина избранъ былъ св. Саввою сербскимъ для перевода на славянскій языкъ (въ первой четверти XIII в.) и сдѣлался достояніемъ всѣхъ церквей славянскихъ православнаго востока; списокъ съ него былъ посланъ и къ намъ на Русь изъ Болгаріи по просьбѣ м. Кирилла II. Аристиновы толкованія церковныхъ правилъ большею частію вошли въ нашу печатную славянскую Кормчую [190]).

I. Зонара [191]) въ правленіе Алексѣя Комнена занималъ важныя должности начальника дворцовой стражи и перваго секретаря при императорскомъ кабинетѣ. Но потомъ онъ удалился отъ свѣта и на Аѳонѣ поступилъ въ монашество. Здѣсь онъ написалъ свои труды, доставившіе ему громкую литературную извѣстность: историческую хронику (отъ сотворенія міра до смерти императора А. Комнена 1118 г.) [192]) въ 18 книгахъ, и толкованіе церковныхъ правилъ въ 1120 г. Комментарій Зонары обнимаетъ всѣ вселенскіе и помѣстные соборы и правила отцевъ церкви, принятыя въ канонъ, но въ порядкѣ расположенія ихъ отступаетъ отъ перечня во 2-мъ правилѣ трулльскаго собора и слѣдуетъ синтагмѣ Фотія [193]). Толкованія Зонары подробнѣе Аристиновыхъ, но и онъ главнымъ образомъ слѣдитъ за прямымъ, буквальныхъ смысломъ каноновъ и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обращается къ законамъ гражданскимъ [194]).

---

[190]) См. славян. Кормчей ч. I.

[191]) Свѣдѣнія о Зонарѣ см. Beveregg. Prolegomena ad. Synod. pag. XV. Fabricii Biblioth. graeca X, p. 241—245. Doujat, Praenotiones canonicae, lib. III, cap. X, № 8. Mortreuil, т. III, p. 480.

[192]) Издана въ исправленномъ видѣ Дюканжемъ въ 1686 г. Paris.

[193]) Порядокъ указанъ у Mortreuil, Hist. Droit. Byzant. T. III, 423.

[194]) О многочисленныхъ рукописяхъ комментарія Зонары, сохранившихся до насъ, см. Mortreuil т. III, p. 425. Печатное лучшее изданіе его см. Beveregii. Synodicon, вмѣстѣ съ толкованіями Вальсамона.

θ. Вальсамонъ [195]) былъ константинопольскій уроженецъ; здѣсь онъ началъ свое церковное служеніе и занималъ почетныя должности помофилакса и хартофилакса. Въ этомъ званіи онъ получилъ отъ императора Мануила Комнена и патріарха Михаила Анхіала порученіе написать комментаріи на церковныя правила и номоканонъ Фотія [196]). Этотъ трудъ, замѣчательнѣйшій по каноническому праву восточной церкви, былъ изданъ между 1169 и 1177 г. [197]), но впослѣдствіи вновь пересмотрѣнъ и исправленъ (1192 г.), и въ этомъ видѣ дошелъ до насъ. Громкая извѣстность Вальсамона открыла ему доступъ къ высшимъ іерархическимъ званіямъ; въ 1193 г. при императорѣ Исаакѣ Ангелѣ, онъ возведенъ былъ въ санъ патріарха антіохійскаго, но никогда не занималъ этой каѳедры, потому что крестоносцы владѣли въ это время Антіохіею. По свидѣтельству Никиты Хоніата императоръ Исаакъ Ангелъ хотѣлъ возвести Вальсамона на константинопольскій патріаршій престолъ.

Вальсамонъ оставилъ много очень важныхъ каноническихъ сочиненій [198]), но замѣчательнѣйшія изъ нихъ его схоліи на полный составъ церковныхъ правилъ и номоканонъ Фотія. Главная цѣль Вальсамона при этой работѣ состояла въ томъ, чтобы изъяснить темныя мѣста церковныхъ каноновъ, указать и гдѣ можно устранить разногласія и противорѣчія ихъ между

---

[195]) Свѣдѣнія о Вальсамонѣ см. Beveregii Prolegomena ad. Pandect. T. II. Fabricii Bibliotheca graeca (edit. Harles. T. X, pag. 375). Mortreuil Hist Droit Byz. T. III, p. 488. Zachariae Ius graecio-roman. § 51, n. 8.

[196]) См. предисловіе Вальсамона къ толкованію, Voelli Bibl. T. II, p. 814.

[197]) См. Mortreuil. T. III, p. 435.

[198]) Важнѣйшія его сочиненія кромѣ толкованій на синтагму и номоканонъ, слѣдующія: 1) Collectio constitutionum de rebus ecclesiasticis e Codice, Digestis et Novellis, libri III (собраніе императорскихъ постановленій о церковныхъ предметахъ въ 3-хъ книгахъ: изъ кодекса (1 кн.), изъ дигестъ и институцій 2 кн.), и изъ новеллъ (3 кн.) (см. Voelli Bibl. T. II, pag. 1223 - 1361. у Migne, Cursus Patrol. T. 138, p. 1078). 2) Каноническіе отвѣты на 64 вопроса, предложенные Маркомъ патріархомъ Александрійскимъ (см. у Migne т. 138, p. 951. 3) Размышленія и отвѣты о разныхъ каноническихъ предметахъ, о правахъ патріарховъ, о бракахъ и пр. См. у Migne т. 138, p. 1014.

собою и съ постановленіями государственными, тщательно отмѣтить тѣ извлеченія изъ Юстиніанова законодательства, встрѣчающіяся въ номоканонѣ, которыя приняты были въ послѣднее изданіе Базиликъ (961 г.), слѣдоват. сохраняли и въ XII в. силу дѣйствующаго закона, и тѣ, которыя исключены были изъ нихъ, и потому должны быть признаны утратившими практическое значеніе, и наконецъ дополнить номоканонъ извлеченіями изъ позднѣйшаго императорскаго законодательства и синодскихъ опредѣленій [193]). Онъ старается установить отношеніе между гражданскими источниками номоканона и Базиликами съ одной стороны и между канонами и государственными законами съ другой. Въ этомъ вопросѣ онъ держится такой точки зрѣнія, что въ церковныхъ предметахъ каноны должны имѣть предпочтеніе предъ законами, а изъ Юстиніанова кодекса, дигестъ и новеллъ только тѣ постановленія, вошедшія въ номоканонъ, имѣютъ практическую силу закона, которыя приняты и внесены въ Базилики. Сверхъ того комментарій Вальсамона содержитъ почти полный текстъ позднѣйшихъ императорскихъ (особенно государей изъ фамиліи Комненовъ) новеллъ и сентенцій константинопольскихъ синодовъ и патріарховъ. Вообще толкованія Вальсамона обширны и подробны, по мѣстамъ дополняются юридическою казуистикою и разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ практическаго свойства. Тамъ, гдѣ прямыя и ясныя слова правилъ сами собою выражаютъ ихъ смыслъ, гдѣ они не требуютъ дополненія изъ государственныхъ законовъ или сличенія съ ними, Вальсамонъ нерѣдко повторяетъ Зонару (хотя не болѣе трехъ разъ прямо называетъ его, именно: въ толкованіи на посланіе св. Аѳанасія къ Аммону, на 36 ап. прав. и на 50 прав. Василія Великаго) и Аристина. Комментарій Вальсамона имѣлъ весьма важное значеніе въ восточной церкви и обширное ученое и практическое употребленіе; имъ поль-

---

[193]) Эти задачи своего труда Вальсамонъ довольно подробно объясняетъ въ предисловіи къ толкованію. См. Voelli Bibl. T. II, pag. 814 и 815.

зовались, изъ него заимствовали въ свои сочиненія позднѣйшіе каноницты. На западѣ его труды вмѣстѣ съ каноническими сборниками Фотія сдѣлались извѣстны съ XVI в. Первый латинскій переводъ былъ сдѣланъ и изданъ Герветомъ въ Парижѣ (1561 г.) и Агиліемъ (1561 г.) въ Базелѣ. Съ того времени сдѣлано было много изданій подлиннаго текста и переводовъ [200]). Юристы воспользовались трудами Вальсамона при возстановленіи текста Юстиніанова кодекса и новеллъ императоровъ, бывшихъ послѣ Василія Македонянина, особенно изъ династіи Комненовъ. Въ древней русской церкви сдѣланъ былъ переводъ толкованій Вальсамона на славянскій языкъ Епифаніемъ Славеницкимъ, но остается въ рукописи; между тѣмъ изданіе хорошаго русскаго перевода этого важнѣйшаго изъ каноническихъ произведеній византійской юриспруденціи безъ сомнѣнія имѣло бы большое значеніе для русской церковной науки.

Изъ послѣднихъ столѣтій византійской имперіи до окончательнаго паденія ея заслуживаютъ указанія еще два труда, относящіеся къ XIV в., именно алфавитная *синтагма Матѳея Властаря* (іеромонаха), изданная около 1335 г., и *сокращенное изложеніе каноновъ* (epitome canonum) *Константина Арменопула* (изд. ок. 1345 г.).

Большое количество сохранившихся манускриптовъ [201]) Синтагмы Властаря указываетъ на обширное практическое ея употребленіе. Въ предисловіи авторъ излагаетъ хронологически различные источники, составляющіе каноническій кодексъ греческой церкви до собора 879 г. при Фотіи, и очеркъ ис-

---

[200]) Схоліи Вальсамона на церковный канонъ въ полномъ его составѣ, напечатаны Бевериджемъ въ Synodicon s. Pandect. 1673. вмѣстѣ съ толкованіями Зонары. Въ 138 и 139 т. (греческой серіи) полнаго курса патрологіи, изд Migne 1865 г. напечатаны толкованія на церковный канонъ всѣхъ трехъ каноництовъ: Аристина, Зонары и Вальсамона съ замѣчаніями Бевериджа. Схоліи Вальсамона на Номоканонъ изданы отдѣльно въ Bibliot. Voelli т. II, также у Migne, Patrol. Curs. T 104, p. 975. О манускриптахъ комментарія и старинныхъ изданіяхъ его на западѣ см. Mortreuil т. III, p 437—442.

[201]) См. Mortreuil. T. III, p. 457.

торіи византійско-римскаго права до изданія Базиликъ. Самое сочиненіе расположено въ XXIV отдѣленіяхъ по порядку греческаго алфавита. Каждое отдѣленіе означено буквами отъ α до ω, такъ что различные предметы церковнаго права размѣщены подъ тѣми буквами, съ которыхъ начинаются ихъ названія. Затѣмъ отдѣленіе каждой буквы раздѣлено на главы; всѣхъ главъ въ 24 отдѣлахъ 303. Большая часть главъ начинается изложеніемъ каноническихъ постановленій относящихся къ предмету содержанія главы и оканчивается извлеченіями изъ государственныхъ законовъ; впрочемъ содержаніе многихъ главъ исключительно посвящено предметамъ гражданскаго права. Источники, изъ которыхъ заимствованы извлеченія гражданскихъ законовъ, обыкновенно не указываются; полагаютъ, что такимъ источникомъ служило ἐπαναγωγὴ τῶν νόμων (императора Василія, Льва и Александра) [202]). Въ прибавленіи къ синтагмѣ Властарь помѣстилъ нѣсколько особыхъ каноническихъ статей, имѣвшихъ практическое значеніе въ современной ему греческой церкви, именно: 1) каталогъ церковныхъ должностей при константинопольс кой церкви (напечатанъ въ Synodicon Beveregii; 2) извлеченіе изъ номоканона Іоанна Постника, патріарха константинопольскаго (532 г.); 4) отвѣты митрополита ираклійскаго Никиты епископу Константину; 4) правила патріарха Никифора (изданы въ Collect. canon. Mansi XIV и въ Monumenta Eccles. graecae, Cotelerii III, p. 445—451); 5) отвѣты епископа китрскаго (современника Вальсамона) епископу Константину Кавасилѣ [203]).

---

[202]) Ibid. p. 461.

[203]) Синтагма Властаря на Западѣ сдѣлалась извѣстною въ XVI в. О старинныхъ изданіяхъ ея, см. Mortreuil. T. III, p. 463. Она напечатана безъ четырехъ послѣднихъ прибавленій въ Synodicon Beveregii т. II. См также Patrol. Cur. compl. ed. Migne т. 144, 145. Въ древней Россіи сдѣлано было нѣсколько переводовъ синтагмы на славянскій языкъ (см Розенкампфа Обозр. Кормчей Указатель замѣчательныхъ лицъ въ концѣ сочиненія, стр. 10), остающихся въ рукописяхъ. Въ печатной Кормчей книгѣ въ главахъ 50 и 51 помѣщены нѣкоторыя извлеченія изъ Властаря.

Сокращеніе (epitome) *каноновъ* [204]) К. Арменопула [205]) (1320—1382 г.) составляетъ одну изъ частей, вошедшихъ въ приложеніе къ главному юридическому сочиненію того же автора: πρόχειρον νόμων (promptuarium iuris civilis) [206]). Въ предисловіи къ сочиненію подробно исчисляются каноническіе источники, по которымъ составлено сокращеніе; между соборами нѣтъ только константинопольскаго 394 г. и карѳагенскаго, бывшаго при Кипріанѣ; между каноническими правилами отцевъ нѣтъ посланій св. Аѳанасія, Григорія Богослова, Амфилохія, Ѳеофила Александрійскаго и Геннадія Константинопольскаго; но прибавлены сверхъ принятыхъ въ канонъ на соборѣ трулльскомъ правила патріарховъ Николая и Никифора. *Сокращеніе* расположено въ шести отдѣлахъ, раздѣленныхъ на главы: 1) о избраніи и поставленіи епископовъ (главъ 6); 2) о избраніи и поставленіи пресвитеровъ, діаконовъ и иподіаконовъ (6 главъ); 3) о прочихъ членахъ клира (5 главъ); 4) о монахахъ и монастыряхъ (3 главы); 5) о мірянахъ (5 главъ); 6) о женщинахъ (1 глава). Каноническія постановленія, сгруппированныя подъ каждымъ изъ этихъ от-

---

[204]) Полное заглавіе такое: Ἐπιτομὴ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων γενομένη παρὰ τοῦ πανσεβάστου καὶ νομοφύλακος, καὶ κριτοῦ Θεσσαλονίκης κυρίου Κ. τοῦ Ἀρμενοπούλου.

[205]) Арменопулъ занималъ должность номофилакса и главнаго судьи Ѳессалоникскаго.

[206]) Это сочиненіе, содержащее въ 80 отдѣлахъ извлеченія изъ прохироновъ Василія Македонянина, Льва и Константина и изъ позднѣйшихъ новеллъ императорскихъ, имѣло въ Византіи весьма обширное практическое употребленіе. На нѣкоторыя статьи изъ него есть прямыя ссылки въ нашей печатной Кормчей (гл. 50, 58). Сличеніе прохироновъ Арменопула и Василія Македонянина (т.-е. съ закономъ градскимъ въ 48 гл. Кормчей) сдѣлано Розенкампфомъ въ Обозрѣніи Кормчей, см. прилож. № 2. По присоединеніи Бессарабіи къ Россіи (1812 г.) дозволено было жителямъ ея руководствоваться въ судахъ прохирономъ Арменопула, бывшимъ у нихъ прежде въ употребленіи. Въ 1831 г. сдѣланъ былъ и русскій переводъ прохирона, но не съ подлинника, а съ новогреческаго перевода XVIII ст. См. Оп. Кур Церк. Законов архим. Іоанна, т. I, стр. 108 .

дѣловъ, приводятся большею частію словами самыхъ соборовъ и отцевъ съ указаніемъ источниковъ [207]).

Въ заключеніе нашего обозрѣнія укажемъ на два новѣйшія собранія источниковъ каноническаго права: одно изъ нихъ было составлено по порученію константинопольскаго патріарха и синода трудами ученыхъ монаховъ (Агапита, Никодима и Θеодорита) и издано въ 1800 г. подъ названіемъ πηδάλιον, *кормило* [208]). Оно содержитъ подлинный текстъ, по лучшимъ рукописямъ, всѣхъ вошедшихъ въ каноиъ постановленій соборовъ и правилъ св. отцевъ, въ порядкѣ, принятомъ въ синтагмѣ Фотія и Комментаріи Зонары. Къ тексту просоединены толкованія, взятыя преимущественно изъ Зонары, частію изъ Вальсамона и Аристина и переведены на новогреческій, общеупотребительный языкъ. Къ древнему составу канона присоединены, въ силу практическаго значенія въ церкви восточной, 35 правилъ Іоанна Постника, 37 патріарха Никифора и отвѣты константинопольскаго патріарха Николая монахамъ. Изъ источниковъ византійскаго государственнаго законодательства взяты въ пидаліонъ только постановленія совершенно согласныя съ канонами и помѣщены въ видѣ примѣчаній къ нимъ. Въ концѣ пидаліона помѣщено нѣсколько статей церковно-юридическаго содержанія: о степеняхъ родства и запрещенныхъ бракахъ, о брачныхъ договорахъ и разводахъ, и образцы (τυποι) нѣкоторыхъ издревле употребительныхъ актовъ по дѣламъ церковнымъ, напр. форма грамотъ представительныхъ и увольнительныхъ для лицъ духовныхъ, отправляющихся въ чужія епархіи, форма заручнаго свидѣтельства о достоинствѣ

---

[207]) Греческій текстъ сокращенія съ латинскимъ переводомъ напечатанъ у Леунклавія, Ius Graeco-Romanum.

[208]) Названіе *кормило* въ приложеніи къ древнему канону объясняется изображеніемъ церкви подъ образомъ корабля, управляемаго правилами соборовъ и отцевъ, какъ кормиломъ. Такое метафорическое представленіе церкви вошло въ употребленіе съ глубокой древности, встрѣчается въ такъ-называемыхъ апостольскихъ постановленіяхъ (II, 58), въ рѣчи императора Константина отцамъ никейскаго собора, гдѣ онъ называетъ самый соборъ *Кормчимъ* церкви. Отсюда названіе нашей *Кормчей* книги.

лица, предназначаемаго къ принятію священнаго сана; форма завѣщанія, развода и т. п. [209]).

Другое собраніе издано было въ Аѳинахъ въ 1852 г. подъ названіемъ σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, ἐκδοθὲν ὑπὸ Ραλλη καὶ Ποτλη, въ шести частяхъ. Первая часть содержитъ Номоканонъ Фотія и многія статьи древнихъ писателей о соборахъ; вторая — правила апостольскія и семи вселенскихъ соборовъ по синтагмѣ Фотія съ толкованіями Зонары, Аристина и Вальсамона; третья—помѣстные соборы, четвертая — правила и каноническія посланія св. отцевъ; пятая—постановленія византійскихъ императоровъ и рѣшенія патріарховъ по Леунклавію и другимъ изданіямъ; наконецъ шестая--синтагму Матѳея Властаря [210]).

Практическіе источники.

Такъ называются тѣ частные источники права, которые содержатъ въ себѣ дѣйствующее законодательство той или другой помѣстной христіанской церкви и управляютъ ея практикою. Они весьма разнообразны и непостоянны; каждая церковь имѣетъ свое особое дѣйствующее право, часто не имѣющее никакого отношенія къ другой церкви; затѣмъ въ одной и той же церкви, въ различные періоды ея исторической жизни, оно измѣняется въ своемъ составѣ и значеніи. Въ основаніи его развитія въ каждой церкви, по принципу, должны лежать догматическія и каноническія начала; они обыкновенно признаются фундаментальною основою дѣйствующаго права; но на практикѣ могущественное и вообще преобладающее вліяніе на развитіе церковнаго законодательства оказываютъ разнообразныя историческія условія народной жизни:

---

[209]) Пидаліонъ напечатанъ былъ сначала въ Лейпцигѣ, 1800 г. Второе изданіе сдѣлано было въ Аѳинахъ въ 1841 г.

[210]) Обозрѣніе историческихъ источниковъ русскаго церковнаго права: дѣяній и постановленій различныхъ соборовъ, духовныхъ и гражданскихъ властей принадлежитъ къ исторіи русскаго церковнаго права и потому не вносится въ общее обозрѣніе источниковъ.

формы государственнаго устройства и управленія, условія общественной цивилизаціи, умственное развитіе народа, экономическій и соціальный бытъ его. Государственная власть, регулирующая въ каждой странѣ соотношенія между этими разнообразными факторами народной жизни, естественно оказываетъ огромное вліяніе на развитіе дѣйствующаго права церквей; его направленіе и формы въ большей части церквей опредѣляются направленіемъ и духомъ государственнаго законодательства, идутъ за нимъ вслѣдъ. Отношеніе между основными и практическими источниками права церквей иногда лишь весьма отдаленное и можетъ быть указано только въ самыхъ общихъ, принципіальныхъ положеніяхъ; но нерѣдко и эти послѣднія, вслѣдствіе необходимыхъ требованій жизни и общаго развитія страны, подвергаются значительнымъ видоизмѣненіямъ въ своихъ внѣшнихъ формахъ. Отклоненія практическаго законодательства отъ каноническихъ принциповъ бываютъ иногда такъ велики, что церковныя учрежденія и практика жизни становятся въ противорѣчіе съ самымъ духомъ церковнаго канона и являются простыми копіями, повтореніемъ порядковъ установленныхъ въ государственныхъ учрежденіяхъ на основаніи принциповъ, не имѣющихъ ничего общаго съ каноническими. Эта связь практическихъ источниковъ права церквей съ общимъ развитіемъ государственной и народной жизни служитъ причиною того, обыкновенно наблюдаемаго въ жизни различныхъ церквей, явленія, что реформы государственныя неизбѣжно влекутъ за собою болѣе или менѣе рѣзкія перемѣны въ формахъ и направленіи церковнаго законодательства.

Не входя въ подробное перечисленіе практическихъ источниковъ права, существующихъ въ многочисленныхъ христіанскихъ церквахъ, укажемъ только на важнѣйшіе, начавъ съ нашей русской церкви.

Въ русской церкви практическими источниками права, управляющими ея современною жизнію, признаются закономъ (см. Уставъ Духовныхъ Консисторій 1841 г. ст. 6): а) Ду-

ховный Регламентъ [211]), составленный еще при Петрѣ Великомъ; б) Общій Сводъ законовъ имперіи и различныя государственныя постановленія по дѣламъ церковнымъ; в) опредѣленія и указы св. Синода; г) отдѣльные Уставы по разнымъ частямъ церковнаго управленія и суда, напр. Уставъ Духовныхъ Консисторій, Уставы духовно учебныхъ заведеній и различныя инструкціи отдѣльнымъ органамъ церковной администраціи и суда [212]). Подробное обозрѣніе этихъ источниковъ со стороны внутренняго ихъ содержанія относится къ той части нашего курса, которая будетъ посвящена изложенію русскаго церковнаго права съ исторической и догматической стороны. Въ общемъ введеніи въ науку мы ограничимся однимъ только замѣчаніемъ о внѣшней формѣ, въ какой находятся до настоящаго времени указанные источники. Въ состояніи современнаго церковно-гражданскаго нашего законодательства есть большое сходство съ тѣмъ общимъ положеніемъ, въ какомъ находилось все русское государственное законодательство до составленія Свода Законовъ. О немъ съ полною справедливостію можно сказать тоже, что Императоръ Александръ I сказалъ о всѣхъ русскихъ законахъ въ указѣ Сенату объ устройствѣ Коммиссіи составленія законовъ: «законы сіи, говорилъ онъ, истекая отъ законодательной власти раз-

---

[211]) Изданъ вновь въ „Полномъ собраніи Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія“, предпринятомъ съ 1869 г. по опредѣленію Синода. Доселѣ вышло два тома этого собранія, содержащіе Указы 1721 и 1722 г.

[212]) Эти различные Уставы и инструкціи соединены въ одномъ сборникѣ, изданномъ Ѳ. Ливановымъ (изд. 2, 1871 г.) Нельзя не пожалѣть, что дополненія къ нимъ изъ различныхъ источниковъ канонического и русскаго государственнаго законодательства, которыя могли бы дать книгѣ цѣнность не только въ рукахъ практика, но и ученаго юриста, составлены по большей части небрежно, механически; дополненія часто не имѣютъ отношенія къ статьямъ, при которыхъ приложены (напр. Уст. Дух. Конс. ст. 75. 78. 79. 82 и мн. др.); не всегда отмѣчаются въ Уставахъ статьи, отмѣненныя послѣдующими законами (напр. Уст. Дух. Конс. ст. 82); одни и тѣже извлеченія безъ всякой нужды повторяются подъ разными статьями по нѣсколько разъ, увеличивая объемъ книги и ея цѣну.

личными и часто противоположными путями, и бывъ издаваемы болѣе по случаямъ, нежели по общимъ соображеніямъ, не могли имѣть ни связи между собою, ни единства въ ихъ намѣреніяхъ, ни постоянства въ ихъ дѣйствіи». Въ такомъ же хаотическомъ состояніи находится теперь дѣйствующее церковное законодательство. Огромная масса разнаго рода указовъ, опредѣленій, предписаній, накопившаяся со временъ Петра, разбросана по многочисленнымъ законодательнымъ сборникамъ; она постоянно дополняется новыми опредѣленіями по частнымъ случаямъ, въ высшей степени затрудняя возможность слѣдить за движеніемъ и перемѣнами въ законодательствѣ. Статьи различныхъ Уставовъ иногда стоятъ въ противорѣчіи между собою, многія очевидно устарѣлыя, остаются не отмѣненными. Потребность свода дѣйствующихъ въ церковной практикѣ законовъ, въ которомъ разнообразныя и разновременныя опредѣленія были бы пересмотрѣны, обработаны, возведены къ единству основныхъ началъ, приведены въ одну внѣшнюю систему и такимъ образомъ получили бы прочность, опредѣленность и постоянство — эта потребность въ настоящее время вызывается настоятельно не только научными соображеніями, но и практическими нуждами въ виду разнообразныхъ преобразованій, частію предполагаемыхъ, частію уже совершившихся въ быту церковномъ.

Въ римско-католической церкви къ практическимъ источникамъ права относятся: 1) *Corpus iuris canonici* [213]), но только

---

[213]) Это обширное собраніе средневѣковаго каноническаго права состоитъ изъ слѣдующихъ частей: а) Decretum Gratiani (1150 г.), сборникъ неимѣющій оффиціальнаго характера закона, но пользовавшійся большимъ практическимъ значеніемъ; б) пять книгъ декретовъ Григорія IX (1234 г.); в) Liber sextus, изданная при Бонифаціѣ VIII (1298 г.), г) Clementinae — при Климентѣ V (1313 г.). Клементинами заканчивается оффиціальный составъ *Corpus iuris canonici*. Позднѣйшіе декреты папъ, употреблявшіеся въ практикѣ, хотя присоединены были къ оффиціальному своду, но не слились съ нимъ, и отличены были самымъ названіемъ Extravagantes (стоящіе внѣ кодекса). Новѣйшее и лучшее изданіе его: Corpus iuris can. edit Dr. Aemil. Lud. Richter. Lips. 1839 г. Нѣмецкій переводъ, впрочемъ не довольно исправный, изданъ

въ тѣхъ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ принятъ и усвоенъ современнымъ законодательствомъ, и притомъ въ частяхъ, исключительно относящихся къ церковнымъ предметамъ и не касающихся гражданскихъ отношеній церкви и духовенства. Въ большей части своего состава онъ принадлежитъ исторіи права. 2) Постановленія тридентскаго собора 1545—1563 г. [214]), для практики римской церкви и донынѣ сохранившія первостепенное значеніе. Вслѣдъ за окончаніемъ этого собора папа Пій IV учредилъ (въ 1564 г.) особую конгрегацію кардиналовъ для того, чтобы въ нужныхъ случаяхъ изъяснять тридентскіе декреты, разрѣшать сомнѣнія по спорнымъ вопросамъ права и дисциплины, возникающимъ относительно смысла декретовъ и слѣдить за правильнымъ примѣненіемъ ихъ. Эта конгрегація (congregatio Cardinalium Concilii Tridentini Interpretum) существуетъ доселѣ, и собраніе различныхъ рѣшеній ею изданныхъ въ поясненіе тридентскихъ декретовъ составляетъ многотомный сводъ изъ 115 частей [215]). 3) *Папскіе декреты* (decretales, constitutiones, или decreta generalia), общаго содержанія, имѣющіе общеобязательное значеніе въ противоположность папскимъ *рескриптамъ*, обыкновенно касающимся частныхъ вопросовъ и отношеній въ отдѣльныхъ церквахъ, или епархіяхъ. По внѣшней своей формѣ они раздѣляются на *буллы*, изготовляемыя въ апостолической

въ двухъ томахъ, 1834 г. въ Лейпцигѣ: Das *Corpus juris canonici* in seinen wichtigsten und anwendbarsten Theilen ins Deutsche übersetzt und systematisch zusammengestellt von Dr. *Bruno Schilling* und Dr. *Ferd. Sintenis*. О современномъ значеніи *Corpus iur. can.* въ смыслѣ практическаго источника церковнаго права см. Phillips, Kirchenrecht, Bd. IV, s. 411—434. Walter, Lehrb. K. R. (Aufl. 12), s. 251—254.

[214]) Лучшіе изданіе декретовъ тридентскаго собора: Canones et Decreta Concilii Tridentini ex editione Romana 1834 г. repetiti edidit, assumpto socio F. Schulte, L. Richter. Lips 1853 г.

[215]) Извлеченія изъ нихъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, изданы подъ заглавіемъ: Collectio Declarationum S. Congreg. Cardin. S. Conc. Trident. interpretum, opera et studio I. Fort. de Comitibus Zamboni, Romani jurisconsulti. 1812—1816. VIII. vol.

канцеляріи, на твердомъ пергаменѣ, старымъ латинскимъ шрифтомъ, безъ знаковъ препинанія, съ привѣсною печатью изъ свинца или золота,—и *breve*—на тонкомъ пергаменѣ, новымъ шрифтомъ, съ восковою печатью, изготовляемые въ *Secretaria Brevium* [216]). 4) Договоры папъ, какъ представителей католической церкви съ верховною государственною властію въ различныхъ странахъ, съ XV ст. получившіе названіе *конкордатовъ* [217]).

Въ протестантскихъ церковныхъ обществахъ источниками дѣйствующаго права служатъ: 1) *вѣроисповѣданія* (символическія книги), поскольку въ нихъ содержатся принципіальныя основанія евангелическаго церковнаго устройства, опредѣляющія границы церковной власти и положеніе въ церкви учительства какъ особой духовной должности. Спеціальныхъ постановленій о церк. устройствѣ въ лютеранскихъ символахъ не содержится. Сюда относятся, у лютеранъ: аугсбургское исповѣданіе (1530 г.) и его апологія (1531 г.), шмалкальденскіе члены (1537 г.), катехизисъ Лютера и отчасти формула Соглашенія (Concordienformel 1580 г.); въ нѣмецкихъ реформатскихъ обществахъ—Гейдельбергскій катехизисъ (1565 г.), Confessio Gallicana

---

[216]) Собраніе папскихъ буллъ въ хронологическомъ порядкѣ см. въ слѣдующихъ изданіяхъ: Magnum Bullarium Romanum a Leo Magno usque ad Benedictum XIII. 1727 г. 8 vol. Продолженіе его до Бенедикта XIV издано въ 1757 г. Дальнѣйшее продолженіе въ изданіи: Bullarii Romani Continuatio Summorum Pontificum Clementis XIII. Clem. XIV. Pii VI. Pii VII. Leonis XII, et Pii VIII. constitutiones,—complectens quas collegit Andreas advocatus Barberi. Romae 1835.

[217]) Собраніе конкордатовъ, хотя по отзывамъ католическихъ ученыхъ неудовлетворительное, издано въ 1830—1831 г. проф. Münch. Новѣйшіе конкордаты напечатаны въ приложеніи къ учебнику церк. права Вальтера. См. также Shulte, System K. K. R., s. 6—78. Для исторіи источниковъ римско-католическаго церковнаго права могутъ служить слѣд. сочиненія: *Phillips* Kirchenrecht T. IV. Франц. изданіе въ переводѣ Crouzet, подъ названіемъ: Du Droit Ecclesiastique dans ses sources. Paris. 1852.—*Walter*, Lehrb. K. R. s. 152—242. Permaneder, Handbuch. K. R. (Aufl. 7) 1865 s. 115—196. Rosshirt, Aeussere Encyclopädie des K. rechts. 1865 Abth. I. II.

(1559 г.), Confessio Marchica (1614 г.) [218]) и т. п.; въ Англіи— XXXIX членовъ исповѣданія, Служебникъ и т. д. 2) Но главнѣйшій источникъ права въ различныхъ протестантскихъ обществахъ составляютъ государственные законы, со временъ реформаціи получившіе названіе *Kirchenordnungen*, посредствомъ которыхъ верховная власть въ той или другой странѣ устанавливала устройство и управленіе церковныхъ обществъ, существовавшихъ на ея территоріи [219]).

Обычное право.

Законъ есть высшая форма выраженія права; но имъ не можетъ быть исчерпана вся обширная область правовыхъ человѣческихъ отношеній. Чѣмъ индивидуальнѣе и частнѣе эти отношенія, тѣмъ менѣе возможности для законодательной регламентаціи. Поэтому какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ права, такъ и въ правѣ церковномъ частнѣйшія стороны жизни могутъ быть опредѣляемы помимо предписаній законодателя самою практикою, и обычай можетъ служить источникомъ права для такихъ отношеній.

Подъ обычнымъ правомъ вообще разумѣется то право, которое, не будучи установлено закономъ, соблюдается фактически. Въ этомъ соблюденіи проявляется убѣжденіе соблюдающихъ, что соблюдаемое ими есть право; это-то убѣжденіе и есть основаніе обязательной силы обычнаго права. Не входя въ разсмотрѣніе общихъ юридическихъ вопросовъ объ осно-

---

[218]) Изданіе лютеранскихъ символическихъ книгъ сдѣлано Hase, 1845 и Franke, 1846; съ нѣмецкимъ переводомъ — Müller'омъ, 1847. Изданіе реформатскихъ исповѣданій: Augusti, 1846, въ нѣмецкомъ переводѣ — Böckel, 1847.

[219]) Kirchenordnungen XVI ст. собраны и изданы Richter'омъ, 1846. Weimar. 2 Bde. Современные уставы въ каждомъ государствѣ различны. Дѣйствующее въ Пруссіи право см. Preussische gemeine und provinzielle Kirchenrecht, изданное съ комментаріями von Mejer'омъ. Berlin. 1868. Въ Англіи: The Clergyman's Legal Handbook, and Church-Warden's Guide, by I. Murray Dale. London. 1869. Burn. Ecclesiastical Law. 1824. Уставы иностранныхъ вѣроисповѣданій въ Россіи изложены въ 1-й ча ти XI тома Свода Законовъ Издан. 1857 г.

ваніяхъ и условіяхъ образованія обычнаго права, о способахъ его распознаванія и т. п., мы ограничимся только тѣми особенностями, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ церковному праву.

При положительномъ характерѣ самыхъ основаній церковнаго права можетъ ли быть допущенъ съ канонической точки зрѣнія обычай въ значеніи вспомогательнаго источника для права церкви? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ дается какъ исторіею развитія церковнаго права, такъ и каноническими источниками. Говоря о церковномъ преданіи мы видѣли [220]), какое важное значеніе въ древнѣйшей церкви имѣлъ обычай при недостаткѣ законодательныхъ опредѣленій. Возникновеніе такихъ обычаевъ современно самымъ первымъ началамъ христіанской церковной жизни [221]). Такъ какъ въ соблюденіи древнѣйшихъ обычаевъ церковныхъ лежало убѣжденіе, что они основаны на первоначальномъ преданіи, идущемъ отъ временъ апостольскихъ, то у церковныхъ писателей *преданіе* и *обычай* соединяются между собою самымъ тѣснымъ образомъ, хотя сами по себѣ они не должны быть смѣшиваемы въ правѣ. Преданіе основывается на авторитетѣ предавшаго, или на предположеніи, что то или другое было предано, завѣщано къ исполненію; основаніемъ обычая служитъ правовое убѣжденіе общества, выражающееся въ долголѣт-

---

[220]) См. выше Гл. I, стр. 88 и слѣд.

[221]) Уже апостолъ Павелъ ссылается на обычай церковный въ своемъ разсужденіи о томъ, что жены въ церковныхъ собраніяхъ должны являться съ покрытою головою. 1 Кор. XI, 16. Блаж. Августинъ въ сочиненіи о крещеніи противъ донатистовъ замѣчаетъ, что во время споровъ между св. Кипріаномъ и папою Стефаномъ обычай имѣлъ руководящее значеніе въ вопросахъ церковныхъ: consuetudinis robore orbem terrarum directum fuisse. De bapt. cont. Donat. c. 2. Тоже мы видѣли въ посланіи св. Иринея къ Виктору по вопросу о постѣ въ четыредесятницу и о времени Пасхи (см. выше стр. 90); отдѣльныя церкви слѣдовали своимъ частнымъ обычаямъ. Nec observari illic (т. е. въ Римѣ), пишетъ Фирмиліанъ къ св. Кипріану, omnia aequaliter, quae Hierosolymis observantur, secundum quod in caeteris quoque plurimis provinciis multa pro locorum et hominum diversitate variantur (ep. Cypr 75).

немъ соблюденіи чего-либо; здѣсь нѣтъ представленія о внѣшнемъ авторитетѣ. Преданіе бываетъ нерѣдко (но не всегда) основаніемъ обычая, обычай — одною изъ формъ выраженія преданія, закрѣпленіемъ, свидѣтельствомъ его цѣлости и твердости. Но какъ обычай такъ и преданіе могутъ существовать независимо и внѣ связи одинъ съ другимъ, хотя въ церковномъ правѣ древніе, наиболѣе важные обычаи имѣютъ свой корень въ преданіи, или по крайней мѣрѣ предполагаютъ преданіе.

Что касается каноническихъ источниковъ, то въ немъ мы находимъ прямыя указанія на обычай, какъ источникъ права, дѣйствующаго въ церкви; на немъ иногда законъ основываетъ свою силу, ставитъ обычай на ряду съ древнимъ преданіемъ и предписываетъ уважать и соблюдать его. Такъ I вселенскій соборъ, опредѣляя іерархическое положеніе четырехъ главныхъ областныхъ епископовъ, александрійскаго, римскаго, антіохійскаго, іерусалимскаго, опирается на древнихъ обычаяхъ. «Да хранятся *древніе обычаи*, принятые въ Египтѣ... и римскому епископу сіе *обычно*... (пр. 6). Понеже утвердися *обыкновеніе* и *древнее преданіе*, чтобы чтить епископа, пребывающаго въ Іерусалимѣ, то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести и т. д. (пр. 7). Тотъ же соборъ, осуждая замѣченное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ явленіе, что діаконы преподаютъ евхаристію пресвитерамъ говоритъ, что оно не основано *ни на правилѣ, ни на обычаѣ* (пр. 8). II вселенскій соборъ, говоря о порядкѣ управленія церквами у иноплеменныхъ народовъ, указываетъ слѣдовать въ этомъ *соблюдавшемуся до нынѣ обыкновенію отцевъ* (пр. 2); для принятія въ церковь еретиковъ разныхъ сектъ даетъ въ руководство *чиноположеніе* и *обычай* (пр. 7). III соборъ, порицая притязаніе антіохійскаго епископа на независимую церковь кипрскую, говоритъ, что оно не имѣетъ никакого основанія въ *древнемъ обыкновеніи* (пр. 8.). IV соборъ признаетъ обычай, существующій въ Египетской области, за основаніе для важнаго снисхожденія въ пользу епископовъ этой провинціи, не хотѣвшихъ подпи-

сать посланіе папы Льва I (пр. 30). Трулльскій соборъ, говоря объ іерархическихъ отношеніяхъ между независимыми церквами и ссылаясь на правила прежнихъ соборовъ и древній обычай, вообще замѣчаетъ, что «отцы наши разсудили, *да будутъ соблюдаемы обычаи каждыя церкви*» (т. е. по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между ними пр. 39).

Итакъ значеніе обычая для опредѣленія различныхъ церковныхъ отношеній, особенно не предусмотрѣнныхъ въ законѣ, несомнѣнно признается и допускается какъ древнею церковною практикою, такъ и каноническимъ правомъ.

Какъ въ правѣ вообще, такъ и въ церковномъ, можно различать нѣсколько видовъ обычаевъ. Съ одной стороны, принимая во вниманіе обширность дѣйствія и распространенность обычаевъ, раздѣляютъ ихъ на общіе, относящіеся ко всей мѣстной церкви, и частные, имѣющіе силу въ религіозныхъ корпораціяхъ (напр. въ монастыряхъ) и даже въ отдѣльныхъ приходахъ. Съ другой стороны, основываясь на различіи отношеній обычая къ положительному закону, различаютъ обычаи *secundum leges*, т. е изъясняющіе или распространяющіе смыслъ существующаго закона, *praeter leges* — опредѣляющіе то, что не предусмотрѣно законодательствомъ, восполняющіе пробѣлы въ немъ, наконецъ *contra leges* — противорѣчащіе закону, дѣйствующіе въ отношеніи къ нему отрицательно и такимъ образомъ постепенно ослабляющіе его силу и фактически отмѣняющіе. Существованіе двухъ первыхъ видовъ обычаевъ въ церковномъ правѣ также естественно и неизбѣжно, какъ во всякомъ другомъ, и не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Что касается обычаевъ, противорѣчащихъ закону, то присутствіе и сила дѣйствія ихъ въ практической жизни различныхъ церквей также не можетъ подлежать сомнѣнію [222]), хотя правомѣрность ихъ съ канонической точки

[222]) Таковы напр у насъ господствовавшіе обычаи наслѣдственной передачи церковныхъ должностей, укрѣпленія церковныхъ мѣстъ за дѣвицами духовнаго званія и т. п. Вальсамонъ указываетъ на существованіе обычая въ ви-

зрѣнія подлежитъ существеннымъ ограниченіямъ: а) всякій обычай, несогласный съ правилами религіи и нравственности, или основанный на заблужденіи [223]), и вредный для церковнаго общества, какъ бы ни была распространена фактическая примѣняемость его, не можетъ имѣть мѣста въ правѣ церкви и быть принятъ за основаніе для юридическихъ отношеній въ ней [224]); б) обычаи, касающіеся основныхъ принциповъ церковнаго управленія и жизни, опредѣленныхъ въ положительномъ законѣ, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ не могутъ быть допущены въ церковномъ правѣ [225]), но в) такъ какъ не всѣ каноны принадлежатъ къ основнымъ, не всѣ также относятся къ существеннымъ сторонамъ церковной жизни, иные изъ нихъ устарѣли и вышли изъ употребленія, и такъ какъ многое въ практическомъ законодательствѣ церквей стоитъ внѣ всякой связи съ основнымъ канономъ и какъ всякій законъ ветшаетъ и отстаетъ отъ жизни, то мы не думаемъ, чтобы и съ канонической точки зрѣнія можно было безъ разбора отвергать всѣ обычаи, хотя бы несогласные съ частными правилами, но основывающіеся на уважительныхъ отношеніяхъ жизни, выражающіе правовое убѣжденіе церковнаго общества и полезные для него [226]). Впрочемъ объ этомъ способѣ установленія права въ церкви путемъ обычая и фактическаго соблюденія нужно замѣтить тоже, что слѣдуетъ сказать вообще о роли обычнаго права въ ряду другихъ ис-

---

малтійской церкви, дозволявшаго вступать въ бракъ въ теченіи двухъ лѣтъ уже по совершеніи рукоположенія (Balsam. in can X. Ancyr. Migne. T. 137, pag. 1151), вопреки Трул. 6 кан.

[223]) См. напр. Трул. соб. пр. 32.

[224]) Въ церковномъ каноне мы находимъ много постановленій, направленныхъ къ искорененію такихъ обычаевъ, носившихъ на себѣ слѣды языческихъ суевѣрій, несогласныхъ съ христіанскимъ ученіемъ и вредныхъ для нравственности (Трул. 74, 71, 65, 61, 62 и др.).

[225]) И этого рода обычаи осуждаются въ древнемъ каноне. См. Трул. пр. 33, 18, 7.

[226]) См. разсужденіе Вальсамона о значеніи судебныхъ обычаевъ при восполненіи закона и о дерогирующей силѣ такихъ обычаевъ въ отношеніи къ закону. Scholium на tit. 1 Номок. Фотія, cap. III: Voelli. T. II, p. 819, 820.

точниковъ при современномъ развитіи общественной жизни. Этотъ способъ преобладаетъ во всякомъ обществѣ на первыхъ порахъ его появленія. Но чѣмъ болѣе развивается законодательство, тѣмъ далѣе оттѣсняетъ оно на задній планъ обычное право: чѣмъ развитѣе становятся отношенія, чѣмъ болѣе растутъ разъединяющія людей индивидуальныя различія, тѣмъ труднѣе становится образованіе юридическаго убѣжденія, обнимающаго весь народъ; обычное право переселяется въ болѣе тѣсные круги, географическіе или профессіональные. Такимъ образомъ въ практическомъ отношеніи законодательство въ наше время есть самый важный источникъ права, хотя по времени своего появленія источникъ этотъ не первый [227]).

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

[227]) См. Виндшейда, Учебникъ пандектнаго права, въ русскомъ переводѣ 1874 г. Т. I, стр. 39.